

«Спэнсер Коэн»
Серия «Спэнсер Коэн» Книга третья
Н. Р. Уолкер

Переводчик/редактор/оформитель – Валерия Стогова
Оформление – Наталья Павлова
Обложка – Наталья Айс

Перевод выполнен для группы - https://vk.com/beautiful_translation

АННОТАЦИЯ

Постоянные отношения даются Спэнсеру легко. На самом деле, чересчур легко. Эндрю без труда вписался в его жизнь. Спэнсер позабыл про неуверенность и комплексы, и они с Эндрю наслаждаются развитием событий.

Впервые за много лет жизнь Спэнсера напоминает сказку. Эндрю же, наоборот, слишком все усложняет. А полученный Спэнсером звонок из Австралии внушает уверенность, что Спэнсер его оттолкнет.

Но, может, вместо того, чтобы расстаться, они лишь укрепят свои отношения? Может, Спэнсер будет еще больше зависеть от Эндрю? Может, история Спэнсера Коэна возвратится к исходной точке? И, может, только может, Спэнсер станет счастливее, чем рассчитывал?

ПОСВЯЩЕНИЕ

Серия посвящается каждому Спэнсеру: тем, кто лишился всего, но до сих пор надеется, тем, кто слишком боится снова полюбить, но все равно жаждет, тем, кто прошел через ад, но все равно достаточно силен, чтобы улыбаться, и тем, кто носит свои «шрамы» на коже.

Глава 1

Субботним утром, пока Эмилио заканчивал нанесение чернил на клиента, я дежурил за стойкой в тату–салоне. Я пролистывал тату–журнал и весело напевал под нос, как вдруг в дверь вошла причина моего счастья.

Эндрю.

Господи, я мог бы им упиваться. Я был так очарован его появлением, что даже не заметил двух пришедших с ним человек.

– Привет, – по–быстрому меня чмокнув, сказал он. Выглядел он таким же счастливым, как и я, и коснулся ладонью моей спины. – Спэнсер, это Шель.

О, да. Он работал с Шель, что было сокращением от имени Мишель. Они оба изготавливали визуальную анимацию в «ДримУоркс». Я передавал ей через Эндрю тату–журналы и в течение недели перекинулся с ней парой слов по телефону.

– Приятно наконец–то познакомиться.

– Взаимно. Много о тебе слышала, – улыбнувшись, произнесла она, а Эндрю закатил глаза. Шель представила стоявшую рядом с ней женщину. – Это моя девушка, Уэнди.

Я пожал ей руку.

– Спэнсер Коэн.

Мишель осмотрела меня с головы до ног и ухмыльнулась.

– Теперь понятно, почему у Эндрю стекленеют глаза, когда он о тебе рассказывает. Он пихнул ее в плечо.

– Заткнись.

Шель рассмеялась.

– Это же правда. Я ежедневно с ним работаю, и он без остановки трещит о тебе.

Он простонал и бросил на них взгляд.

– В общем, именно для Мишель я одолживал тату–журналы и предложил ей прийти пообщаться с Эмилио. Просто осмотреть помещение и прочее, не для тату.

– Пока нет, – добавила Шель. – Но скоро.

– Он освободится примерно через полчаса, – сказал я. – Хотите присесть?

Мы уселись в зоне ожидания, где частенько «зависали» за утренним кофе или собирались на поздние ужины. Эндрю устроился рядом со мной и торопливо взял меня за руку.

– Так что вы надумали? – спросил я у Шель.

– О, я уже все нарисовала, – отозвалась она. – Ну, общий замысел. Эндрю помогал с движением тела и тому подобным.

Я глянул на Эндрю.

– Н–да?

Он пожал плечами и самодовольно улыбнулся.

– Как я уже говорил, именно в этом заключается моя работа. Только холсты Эмилио шевелятся. Мои – нет.

Шель вытащила из сумочки листок и протянула мне. На нем была изображена превосходная интерпретация Питера Пэна.

– Bay.

– Круто, да? – поинтересовалась она. – Он всегда был моим любимым персонажем.

Потом появился еще один листок.

– А это я нарисовала для Уэнди. Мы хотим сделать их вместе. – Шель улыбнулась Уэнди.

Второй рисунок прекрасно подходил для Уэнди – Питер Пэн и Динь–Динь. Я взглянул на девушек.

– Они отличные.

Закончив работу, Эмилио присоединился к нам и осмотрел рисунки.

– Ты правда их нарисовала?

Шель кивнула.

– Ага.

И тут меня посетила великолепная идея. Я повернулся к Эндрю и сжал его руку.

– Ты должен что-нибудь для меня нарисовать.

Эндрю моргнул.

– Тату?

– Да, – отозвался Эмилио и с энтузиазмом закивал. – Точно. Тогда девочки смогут увидеть, как все происходит.

– Да, – согласился я. – Я же говорил, что хочу еще одну. – Я вытянул полностью забитые руки. – Только не знаю, куда ее нанести.

Эмилио вручил Эндрю лист бумаги и ручку. Эндрю побледнел.

– Прямо сейчас? Спэнсер набьет ее *сейчас*?

Я кивнул.

– Я только «за».

– Да! – воскликнула Шель. – Давай!

Эндрю опустил ручку на листок, замер и уставился на меня.

– Ты серьезно вытатуируешь то, что я нарисую?

– Без сомнений.

Он положил ручку на листок.

– Тогда стоит подождать. Я тщательно ее проработаю. Хочу, чтобы все было идеально.

– Окей, для большого рисунка будет справедливо, – произнес я. – А сейчас нарисуй по-быстрому что-нибудь маленькое. У меня вот тут есть местечко. – Я показал на пустое пространство размером с квадрат возле локтя.

– И ее ты тоже набьешь? – спросил Эндрю.

– Ну да, но она же крошечная и впишется в общий «рукав». Просто что-нибудь маленькое.

Он покачал головой и о чем-то задумался.

– Э-э...

Затем Эмилио проговорил:

– Когда ты думаешь о Спэнсере, что первое приходит на ум?

Секунду Эндрю в меня всматривался, а потом улыбнулся. Он опустил ручку на листок и полсекунды рисовал. Точнее не совсем рисовал, скорее писал. Он развернул лист и показал мне. Я уставился на него, а он резво пояснил:

– Это скрипичный ключ и размер шесть восьмых.

Я перевел взгляд на него. Я понимал, что конкретно это означало.

– Для песни «Аллилуйя», – продолжил он объяснять остальным, наблюдавшим за нами. – Именно с этого начинается партитура.

Я был не способен отвести от него глаз. И не знал, что сказать. Было так прекрасно. Он посмотрел на меня и улыбнулся.

– Тебе нравится? – спросил он.

Я покачал головой. Нет.

– Я в восторге. Это...

Эмилио, не обращая внимания на происходившее между мной и Эндрю, забрал листок.

– Клево. – Он хлопнул меня по ноге. – Идем, я сделаю.

Все еще не отрывая взора от Эндрю, я поднялся и направился следом за Эмилио.

Только вот сделал я всего несколько шагов, а потом вернулся к Эндрю, приподнял его лицо и поцеловал.

– Идеально.

Когда я уходил, он тяжело дышал и раскраснелся. А я плюхнулся на кресло Эмилио. Миллион раз он набивал мне татухи, поэтому все было знакомо и даже почти успокаивало. Пока Эмилио готовил оборудование, осторожно вошел Эндрю.

– Можно я посмотрю?

– Разумеется, – ответил я и протянул свободную руку.

Он моментально ее принял.

– Не верится, что ты вытатуируешь мой рисунок на своей коже.

– Мне он нравится.

– Но она же навсегда.

Я засмеялся.

– Ага, татуировки, они такие. Совершенно верно.

– Завали. Ты понял, о чем я.

– Понял.

– А что если тебе разонравится?

– Я никогда не разлюблю эту песню, – заверил я. – А тот факт, что ты точно знал, что для меня нарисовать, делает ее исключительной.

– Девочки? – позвал Эмилио. – Хотите посмотреть?

Вошли Шель и Уэнди, и Эмилио рассказал им об оборудовании и процессе. Соответствующим образом он расположил мою руку и на крошечном пространстве нетронутой кожи вытатуировал музыкальную ноту.

Эндрю покосился на меня, словно испытывал болезненные ощущения.

– Больно?

Я покачал головой.

– Не. – Кажется, я его не убедил. Поэтому я поднял руку, которую он до сих пор держал в своей руке. – Разве я был бы полностью ими покрыт, если б было больно?

Он пожал плечами и все равно вроде как сомневался в моих словах, но наклонился, чтобы рассмотреть поближе. Я не возражал. Он мог нависать надо мной подобным образом в любое время. От него исходило тепло и невероятный аромат. А потом он отпустил мою руку и для лучшего обзора подошел к Эмилио. И изучал творение своих рук.

– Отличные линии.

– Спасибо, дружище, – не теряя концентрации, сказал Эмилио. Все заняло буквально минуты две. Он откинулся назад, осмотрел свою работу и протер татуировку в последний раз. – Готово.

Я вскочил и направился к зеркалу разглядеть новое дополнение со всех сторон.

– Смотрится супер.

Когда я обернулся, Эндрю закусил нижнюю губу и вроде бы нервничал.

– Тебе нравится?

Я подошел к нему, опустил руки на его талию и поцеловал в щеку.

– Я в восторге. – Я снова уселся, а Эмилио показывал и рассказывал Шель и Уэнди о последующем уходе, и как лучше всего заботиться о татуировках. Он обернул мою руку, а когда закончил, я их спросил:

– Ну? Готовы записаться на первый прием?

Обе энергично кивнули.

– Да, конечно, – сказала Шель.

– Ну, хорошо, – произнес я и, оставив Эмилио убираться, проводил девушек к стойке. – На какой день?

Обе склонились к следующей субботе. Я записал обеих и снял копии с их рисунков

для Эмилио. Они весело щебетали и решили провести день на Венис Бич.

– Эндрю? Хотите с нами?

Он быстро глянул на меня и покачал головой.

– Нет, спасибо.

Шель понимающе рассмеялась, а Эндрю велел ей заткнуться и зарделся, отчего она захочотала еще громче. Я обнял его и притянул к себе.

– У него есть предложение получше.

– Даже и не сомневаюсь, – проговорила Шель. Улыбаясь, она чмокнула его в щеку, пообещала увидеться на работе, и они вышли за дверь.

Эндрю глубоко вдохнул и отстранился.

– Рука болит?

Было два способа разыграть ситуацию. Первый: сказать ему правдивое «нет», безусловно, ничего у меня не болело. И второй: сыграть на полную катушку.

– Немного побаливает, – произнес я, поморщился и погладил свою руку.

Он сделал шаг назад, на лице запечатлелась тревога, и нежно взял меня за свежетатуированную руку.

– Правда?

– Да, мне нужно прилечь. – Я изобразил серьезность. – А тебе нужно ко мне присоединиться.

Закончив дезинфицировать кресло, в котором я сидел, Эмилио фыркнул, и Эндрю стремительно стрельнул в меня взглядом.

– Ты шутишь?

– Нет. – Я пытался не улыбаться. – Мне требуется куча внимания. Желательно в виде чего-нибудь развратного.

Эндрю вцепился пальцами в мои ребра, и я подпрыгнул.

– В таком случае ты покупаешь мне обед.

– Хорошо, я как раз голоден.

– И нам нужно вернуться в музыкальный магазин, – сказал он. – Как бы ни был хорош альбом Джейффа Бакли, ты слушаешь его слишком часто.

Я ахнул и изобразил обиду.

– Ты меня ранил. Его и нужно слушать слишком часто, и число прослушиваний не меньше бесконечности.

– Бесконечность – не число.

– Нет, число. – Я прошел к двери и, открыв ее, ждал, пока он выйдет первым. – После вас.

– Ты должен выбрать альбом, который я буду слушать на этой неделе. – Эндрю остановился и повернулся к Эмилио. – О, Эмилио? Хочешь, принесем тебе что-нибудь перекусить?

Эмилио быстро глянул на меня, потом улыбнулся и неспешно кивнул.

– Да, было бы неплохо. Спасибо.

Я обвил руками плечи Эндрю и вытянул его за дверь.

– Не смей подлизываться к моим друзьям. Эмилио всегда будет со мной согласен.

Бесконечность – число.

Когда дверь закрывалась, до нас долетел смешок Эмилио, и я улыбался по пути к бургерной. И обнимал Эндрю рукой, где была набита новая тату.

Глава 2

Эндрю доел свой бургер и, откинувшись на спинку стула, радостно погладил живот.

– Так чем ты занимался утром? – спросил он.

Я отодвинул наполовину опустошенную тарелку, недоумевая от того, как же много он ел.

– Проснулся в одиночестве. – Я фыркнул. – Как в тебя помещается такое количество еды?

– Я все сжигаю в спортзале. Что поясняет, почему ты проснулся в одиночестве. Я же сказал, что ухожу.

– Я могу придумать кучу других способов сжечь калории.

Он зарделся, но ухмылка выдала его заинтересованность.

– Да неужели?

– Ага. И тебе даже не придется натягивать спортивный костюм.

– На мне будет хоть *какая-то* одежда?

– Безусловно, нет.

Он рассмеялся.

– Не подумал.

– Честно говоря, тот факт, что ты прячешь свое тело под тканью, – преступление против человечества.

Он почти выплюнул свой напиток, но успел собраться.

– Сомневаюсь, что человечество согласилось бы.

– Тогда либо они не правы, либо вруны. Или лесбиянки. Или входят в антиромбиковое сообщество.

Он зашелся в хохоте.

– Антиромбиковое сообщество? – Он опустил взгляд на свой жилет с ромбиками. – Раз они против ромбиков, значит, должны выступать против моего ношения таких жилетов. Таким образом, они примут сторону тех, кто предпочтет, чтобы я не носил подобную одежду, а никак не наоборот.

– Не исправляй меня при помощи логики, рассуждений и разума. Было смешнее именно так, как сказал я.

Он снова засмеялся и посмотрел на меня нежным, теплым взглядом.

– Ну? Готов к вечерней свиданке?

Мое прекрасное настроение пикировало в Дерьмовилль.

– Это не свидание.

– Я пошутил.

Глядя в стакан, я нахмурился. Мы уже обсуждали этот вопрос.

– Это работа. Мне за нее платят. Будь у меня выбор, я провел бы вечер с тобой. Ты должен знать, что для меня это всего лишь работа.

Он поднял руку.

– Спэнсер, я просто пошутил.

– Прости. – Я вздохнул. Он сказал, что пошутил, но мне стало любопытно... –

Пожалуйста, Эндрю, скажи, что тебя все устраивает.

– Устраивает. – Он взял меня за руку. – Я знаю, что это всего лишь работа. Я просто прикалывался. Должно было быть смешно. Мне известно, что поход на официальный ужин с нудным стариком – последнее, чем тебе хотелось бы заняться.

– Нудным стариком?

– Ты сам его так называл.

– Верно.

– И я имею право шутить на эту тему, – заявил он. – Потому что сегодня, пока ты

будешь сидеть на корпоративном ужине с несимпатичным тебе мужиком, будешь слушать речи незнакомых людей, работающих в компании, к которой ты не имеешь ни малейшего отношения, я свернусь калачиком в кресле из ротанга, буду читать книгу и слушать купленный тобой новый альбом.

Я поймал себя на том, что улыбался.

– Все равно не смешно.

Он усмехнулся.

– Да уж. Наверно, я даже спущусь вниз и побуду с Эмилио, пока он не закроет салон.

Мой рот распахнулся.

– Ненавижу тебя.

Он ухмыльнулся.

– Не правда. И не открывай вот так свой рот, или у меня может возникнуть соблазн что-нибудь туда засунуть.

Теперь я хотел.

– Мы можем пройти в уборную.

Он закатил глаза и взял фри с моей тарелки. Он держал ее в руке как оружие.

– Появился бы соблазн засунуть тебе в рот *картошку*, Спэнсер. Картошку.

– Моя идея мне нравится больше.

Он прожевал фри и выбрался из кабинки.

– Тогда пошли.

Я восторженно на него посмотрел.

– Правда?

– Нет, не в уборную, – прошептал он, забирая бургер для Эмилио со стола. – В музыкальный магазин, а потом к тебе. А *затем* можешь делать со мной все, что пожелаешь.

– Обещаешь?

– Зависит от того, какой альбом ты мне купишь.

– Шантаж значит?

– Нет. Считай это системой выплат и вознаграждений.

Я закатил глаза и отправился к двери, которую покорно придержал для него открытой.

– Просто чтоб ты знал: я не против шантажа. Если он означает, что весь день мы проведем в постели, тогда я только «за».

Он расхохотался и протянул руку.

– Можно я возьму тебя за руку?

– Можно, – сказал я, но в последнюю секунду руку отдернул. – Зависит от того, имею ли я свободу действий в выборе альбома.

Обдумывая мое возражение, он прищурился.

– Х-м-м, а ты умеешь торговаться. Ладно.

Я протянул руку, и он быстро ее сцепил. Вероятно, пока я не успел добавить еще каких-нибудь условий. Мы шли по улице, взявшись за руки, и всю дорогу я ухмылялся.

– И просто чтоб ты знал: если музыка окажется дерзкой, я могу наложить вето на условие о пребывании весь день в постели.

Я закатился смехом.

– Тем лучше, что вкус у меня безупречный. И, – добавил я, – я не против поиметь тебя на диване.

Он хмыкнул.

– Я так до сих пор и не сообразил, как нам использовать кресло из ротанга.

Я остановился возле музыкального магазина, но прежде чем открыть дверь, приник

к нему и зашептал:

– Если я выберу самый лучший альбом, то трахну тебя в этом кресле, когда мы вернемся домой.

Щеки его запылали, зрачки расширились, а заговорил он с придуханием:

– И как ты поймешь, что альбом самый лучший?

– Поверь, пойму. – Я распахнул дверь и дождался, пока он пройдет внутрь. Эндрю направился прямиком в джаз–секцию, а я двинул к стойке обслуживания. – Здравствуйте. Я заказывал пластинку. «Лунная соната» Вильгельма Кемпфа.

Кассир щелкнул пальцами.

– Да! Вчера получили. Не каждый день у нас заказывают классику. Сейчас принесу из кладовки.

Эндрю тихонько подошел ко мне.

– Спэнсер? Что ты сделал?

Я улыбнулся.

– Возможно, я заранее кое–что для тебя заказал.

– Ты смухлевал?

– Нет. Просто изменил ход игры.

Он покачал головой.

– Мне стоит знать, что это?

Кассир вернулся за стойку с пластинкой в руке.

– Вот. Не так–то легко достать. В настоящее время НГП¹–винил не очень–то распространен, даже подержанный. – Он протянул мне пластинку, и, забрав у Эндрю бургер, я отдал ему запись.

Он уставился на нее и тяжело сглотнул.

– Выступление Кемпфа в Берлине с Берлинским филармоническим оркестром… – Он покачал головой, все еще разглядывая обложку. – Спэнсер…

– Идеально справился?

Он поднял на меня взгляд. Его глаза вспыхнули тем, что я вряд ли видел раньше.

– Да.

Кассир забрал альбом, проверил на предмет царапин и вернул в обложку. Я заплатил за него неприличную сумму денег, поблагодарил кассира, и мы ушли. Только продвинулись мы не так уж и далеко. Пройдя по улице всего несколько шагов, Эндрю остановился.

– Не верится в то, что ты сделал, – сказал он, до сих пор держа альбом так, будто тот был самым священным Граалем.

– Было не сложно, – пояснил я. – Ты говорил, что «Лунная Соната» – твоя любимая песня. Разумеется, я погуглил лучшие исполнения, почитал, что пишут на форумах единомышленники, и мне без конца попадался этот парень. – Я указал на старого чувака на обложке.

– Нет. – Эндрю покачал головой, будто я не уловил смысл. – В то, что ты сделал для меня. Ты так тщательно продумал то, что меня порадует.

– А тебя порадовало? – спросил я.

– Невероятно.

– Заказ я сделал несколько дней назад, – рассказал я. – И вроде как даже не вспоминал, пока ты не упомянул о покупке нового альбома. Я даже не был в курсе, доставлен ли он.

– И ты поспорил на самый лучший альбом, не зная, удастся ли его добить?

– Конечно. Я бы нашел что–нибудь другое.

Он медленно покачал головой.

– Но не столь же идеальное.

– Раз уж ты вспомнил о пари, – задумчиво произнес я, – предлагаю вернуться ко мне и «обновить» кресло из ротанга.

Он хмыкнул, и слабый румянец опустился со щек на шею.

– Ты ни за что не проиграл бы спор.

Я обнял его за плечи, и мы продолжили прогулку.

– Ни за что. Разве что найдется сторона «Б» записи, где Джейф Бакли исполняет Бетховена. А так сомневаюсь, что идеальный альбом на самом деле существует.

Мы занесли Эмилио обед, а войдя в квартиру, я забрал у Эндрю альбом и положил на обеденный стол. Я не стал тратить попусту время и поцеловал его. Обнял его лицо руками и подтолкнул в сторону кресла из ротанга. Конечно, круглое, в форме тарелки, кресло, которое ко всему прочему еще и двигалось, не совсем подходило для секса, но мне хотелось принять этот вызов. И победить.

Несколько недель он глазел на это кресло и даже упоминал, что ему было интересно, настолько оно годно для секса. Поэтому я знал, что ему хотелось попробовать.

Он оторвался от меня.

– Ванная, – прошептал он, а потом скрылся в ванной комнате.

Я тут же начал скучать по вкусу его губ. Но, предположив, что он появится лишь через несколько минут после того, как приведет себя в порядок, я забрал из спальни смазку и презервативы и положил на кресло из ротанга. Потом опустил пластинку на проигрыватель, но включать не стал. Пока что.

Когда он вернулся, на нем было лишь обмотанное вокруг талии полотенце и нервная улыбка на губах. Боже, как он был великолепен. Взглянув на него, я застонал. А еще из-за того, что сулила его нагота. От предвкушения мой член запульсировал.

Несспешно Эндрю подошел к креслу из ротанга и закусил губу.

– Э-э...

– Встань на колени, – пробормотал я. – Держись за спинку, как за руль.

Пока он выполнял, я разделся и швырнул одежду куда-то за спину. Я был слишком занят наблюдением за Эндрю, чтоб замечать что-то еще. Поверх подушки кресла он постелил полотенце и опустился на колени, широко раздвинув ноги и вцепившись руками в спинку. Смотрелся он прекрасно.

Все еще стоя на полу, я протянул руку между его ног, приласкал его яйца и член, а он опустил голову и простонал. Потом я нанес смазку на пальцы и нашел его вход, а затем проник в него кончиком пальца.

К тому моменту, когда я добавил второй палец, он вертел бедрами и издавал самые восхитительные звуки. Он откинул голову назад, а в тоне послышалась нотка нетерпения.

– Спэнсер.

Уловив сигнал, я сделал шаг назад и осторожно опустил тонарм проигрывателя. Знакомое потрескивание заполнило комнату, а я раскатал презерватив, нанес больше смазки и опустился на колени позади него. Прильнул ближе и хрипло проговорил ему в шею:

– Когда-нибудь занимался сексом под любимую песню?

По его коже побежали мурашки, он нервно выдохнул, а потом безрадостно хохотнул.

– Нет.

Как только раздалась фортепианная мелодия, головкой члена я прижался к его готовой заднице, подразнивая его точно так же, как музыка дразнила воздух. Когда вступление перетекло в нечто большее, я протолкнулся в него.

От наполненности Эндрю издал стон. Он свесил голову на грудь и обхватил спинку

кресла, мышцы его плеч напряглись, отвлекая меня от нараставшего удовольствия и приятных ощущений.

Из-за нашего веса кресло начало накреняться. Поэтому я слегка подтолкнул Эндрю вперед и одновременно сильнее в него вжался. Он вскрикнул. Смесь из боли и наслаждения была мне хорошо известна. Я поцеловал его в плечо, в шею и прошептал на ухо:

— Ты такой сексуальный.

Он выгнулся спину и откинулся голову назад, предоставляя мне лучший доступ к своей заднице.

— Спэнсер, — пробормотал он. Музыка перешла ко второй части, сложной и изумительной, и я толкался в него под звучавший размер три четверти.

На ощупь Эндрю дотянулся до моего затылка и удерживал мои губы возле своего уха. Он изогнулся дугой, насаживался на каждый мой миллиметр, и вскоре мы с Бетховеном вошли в единый ритм.

Я обхватил его твердый член, и выступившая на кончике смазка помогала руке двигаться. Но я слишком далеко зашел, чтоб его дождаться. Ощущения были невероятными, и я уже подобрался слишком близко к краю.

— Спэнсер, — просипел он. — Твою мать.

Больше ничего и не требовалось. Лишь слетевшее с его губ мое имя и прошептанное ругательство, и оргазм меня воспламенил, как лесной пожар. Я схватил его за бедра, толкнулся в него последний раз и наполнил презерватив. Комната начала вращаться, казалось, что было одновременно тихо и шумно, и я почти потерял равновесие.

Не успел я полностью прийти в себя, как Эндрю уже стоял передо мной. Каким-то образом я очутился на ногах, а он держал меня за плечи.

— Ты в порядке? — со смешком спросил он.

— М—м—м.

Он схватил меня за руку и повел в спальню, где пихнул меня на постель лицом вниз.

— Ложись. Мы не закончили.

Мой смех приглушался подушкой.

— Я пытался продержаться дольше, но было слишком эротично.

Не замечая ничего вокруг, я почувствовал, как прогнулась кровать, а потом он раздвинул мои ноги. Затем последовали прохладная жидкость и без предупреждений и оправданий исследовавшие меня пальцы. Я простонал и схватился за покрывало. В постели мне нравилось грубое обращение. И мне нравилось, что Эндрю, тихий, стеснительный и чудаковатый Эндрю, становился своей полной противоположностью, когда дело доходило до секса. Он был у руля. Никаких сомнений. Я приподнял зад.

— Да. Вот так, — подстегнул я.

Он добавил еще несколько пальцев и минуту меня разрабатывал. Одна рука прижималась к моей спине, вторая находилась у моего входа, а он склонился надо мной. Я знал, что следующим будет его член, и жаждал его. Нуждался в нем.

— Эндрю.

Он вытащил из меня пальцы. Пока он надевал презерватив, я подложил подушку под бедра и улегся лицом в матрас. Время он зря не тратил. А просто—напросто расположился позади меня, приблизился членом к моему входу и протолкнулся внутрь.

Он не был нежен. И не медлил. Он подался вперед и ворвался в меня, растянул меня и наполнил. Я издал громкий стон и стиснул зубы.

— Черт. У тебя огромный член.

Горячо дыша мне в спину, он замер.

— Все хорошо?

– Да, – сказал я. – Боже.

Он дал мне секунду приспособиться, а потом медленно меня пронзил.

– Чуть раньше ты не довел меня до оргазма, – хрипло прошептал он.

Я засмеялся в матрас.

– Напомни, чтобы в следующий раз я опять облажался, если ты трахнешь меня точно так же.

Он толкнулся сильнее, отчего я ахнул. Он повторял снова и снова, а потом замер. Пальцы вцепились в мои бедра, и внутри меня он начал пульсировать. Господи, я чувствовал, как он кончал. Он задушило вскрикнул, вышел из меня и рухнул сверху. Грудь его тяжело вздымалась, а дыхание было рваным.

Шевелиться я не мог. Я был пришпилен к нему. Было приятно ощущать на себе его тяжесть, а когда он с меня скатился, я сразу же почувствовал себя одиноко. Я перевернулся лицом к нему и поцеловал.

– Ого.

– Никогда раньше так не делал, – прошептал он, закрыв глаза. Словно не мог на меня смотреть.

– Никогда раньше не делал что? – спросил я. – Не вминал парня в матрас? – Все еще не встречаясь со мной глазами, он кивнул. – Эндрю, серьезно, можешь делать так каждый день.

Тогда-то он на меня и взглянул.

– Тебе больно?

Я обвил его руками и притянул к себе.

– Было невероятно. Нет, мне не больно. – Я повертел задницей. – Ну, может, немного, но только потому что у тебя «агрегат» как у коня.

Он отреагировал смесью веселья и ужаса.

– Боже мой. Я сделал тебе больно?

Я захохотал.

– Нет. Сказал же: можешь иметь меня подобным образом в любое время, как только пожелаешь.

– Ох. – Явно засмущавшись, Эндрю усмехнулся. – Не знаю, что на меня нашло.

– Зато я знаю, что на тебя нашло. На кресле из ротанга я подвел тебя близко к оргазму, но кончил первым, потому что... ну... ты чересчурексуален. И, по-видимому, близость оргазма действует на тебя не очень хорошо.

Он зашелся в хохоте, вспыхнул красным оттенком и уткнулся лицом мне в грудь.

– Господи, Спэнсер. Тебе нельзя произносить такие вещи.

Я глубоко вздохнул.

– Ты меня поражаешь, Эндрю Лэндон. Тигр в постели и котенок за ее пределами.

Он резко вскинул голову и уставился на меня.

– Что?

Он меня рассмешил.

– Ты понятия не имеешь, да? – Я принял его пустой взгляд за ответ. – Вот что меня в тебе увлекает. Ты похож на застенчивого, кроткого парня. Но внутри ты властный «верхний».

Его глаза почти выпали из орбит.

– Властный «верхний»? – Он фыркнул. – Не думаю.

– Ох, прошу прощения, минут десять назад тебя здесь не было? Не сомневаюсь, что ты очень даже решительно мной овладел.

Он всхлипнул и покачал головой. Кажется, он искренне пришел в ужас.

– Я не... Я не... Я не «верхний».

– Да ты и когда снизу, тоже властный.

— Я не властный, — тихо сказал он. — Точнее не хочу таким быть.

Я обхватил его лицо и поцеловал.

— Ты идеален. Ничего не меняй.

Он слегка нахмурился.

— Я не идеален. Ты продолжаешь так говорить, но я не такой.

Я перевернул нас и оказался на нем. Коснулся ладонями его лица и вновь поцеловал, на этот раз глубже. Отстранившись, я дождался, пока он распахнет глаза и посмотрит на меня.

— Знаешь, что сделает тебя абсолютно идеальным?

— Что же?

— Просьба довольно большая, но уверен, что ты заполучишь статус «абсолютно идеален». — Я скатился с него, поднялся с постели и направился к двери. — Выбери фильм и приготовь попкорн.

— И это сделает меня идеальным?

— Ага. А я пойду в душ.

Он крикнул:

— И ты считаешь меня властным?

— Да, считаю. — Я вошел в ванную. Моя улыбка стала еще шире, когда я заметил его зубную щетку по соседству со своей щеткой. Меня до безумия радовали простые вещи. Но я ни за что не сознался бы Эндрю, что из-за стоявших рядом щеток мое сердце билось быстрее. Гарантирую: он посчитал бы меня чокнутым. Или романтичным олухом. Или всем сразу.

Улыбка сошла на нет, когда следом за мной он прошел в душ — буквально в душевую кабину, под бежавшую воду. Он все еще был обнажен, но что-то странное произошло с выражением лица.

— Эндрю?

Что-то явно не могло подождать, словно именно в эту секунду ему требовалось рассказать мне то, что было у него на уме, или он умрет. Брови сошлись на переносице.

— Знаю, я властный. Но я не хочу быть таким. Из-за тебя я забываю себя цензурить.

Стоя под потоком воды, я открыл рот, чтоб хоть что-то сказать, но он еще не закончил.

— С Эли мне приходилось следить за своей речью и поступками. Мне не хотелось его отпугнуть. Я никогда не высказывал свое мнение. Я никогда не настаивал на своем и не приказывал ему в спальне, как делаю с тобой. — Он тяжело сглотнул и из-за водяных брызг заморгал. — Но рядом с тобой я могу быть собой. Я *действительно* властный. Я люблю, чтоб все делалось определенным образом. Я перфекционист. Но я *не* идеален. Ты видишь меня настоящего. Это и есть я.

Сказать, что меня ошеломил всплеск его эмоций, значит, не сказать ничего. Ошеломил, пригвоздил к полу и удивил. И лишил дара речи. Я притянул его к себе, потом прижал к плиткам и поцеловал с той же честностью, какую продемонстрировал он. Нет, в тот момент слов я подобрать не мог, но надеялся, что он все равно меня понял.

Когда я наконец-то отстранился, мы оба дышали с трудом. И я прошептал ему в губы:

— Никогда себя не цензури. Ничего не меняй. — Я смотрел ему в глаза, и окруженный паром и рваным дыханием он не отводил от меня взгляда. — Ты идеален.

Он покачал головой.

— Нет.

— Для меня. Ты идеален для меня.

Наконец-то он улыбнулся, коснулся рукой моего подбородка и погладил по бороде.

— Не задерживайся. Я положу попкорн в микроволновку.

Он вышел из душевой, быстро вытерся и обернулся вокруг талии полотенце. А потом ускользнул из ванной. Я улыбнулся, намылил тело и волосы, а потом вспомнил... Попкорн. Микроволновка.

«Дерьмо!».

Попкорн, что имелся у меня, нельзя было готовить в микроволновке. Он был каким-то органическим и изысканным и должен был готовиться на плите. «Черт, черт, черт!». Я выключил воду, схватил полотенце, вылетел из ванной и, пытаясь обернуть полотенце вокруг бедер, помчался на кухню. Волосы все еще были в шампуне.

– Эндрю!

Он стоял в обернутом вокруг талии полотенце и держал в руке упаковку попкорна, а дверца микроволновки была открыта. Я его напугал.

– Что?

– Не в микроволновку, – выдохнул я и, закрыв дверцу, приложил руку к сердцу. – Попкорн готовится на плите. В сковороде. И, наверно, не вся пачка, если только мы не планируем кормить голодающих.

Он посмотрел на упаковку так, будто она его оскорбила.

– А я-то думаю, почему она не похожа на те, что покупает мама.

Я рассмеялся.

– А прочитать инструкцию на упаковке желания не возникло?

– Нет. Просто решил... – Уголки его губ опустились. – Говорил же, что не готовлю.

Ты толкаешь речи о моей идеальности, а я чуть не убил нас попкорном.

Я забрал у него попкорн и по-быстрому чмокнул в губы.

– Ты по-прежнему идеален. – Но потом в глаз попал шампунь, и я зажмурился. – О, черт, черт. Мой глаз!

Теперь смеялся он и, взяв за руку, повел меня в ванную.

– Не открывай глаза, – сказал он.

До меня донесся звук включившейся воды, и я почувствовал, как он снял с меня полотенце, а потом взял за руку и осторожно провел под душ.

Я сунул голову прямо под воду. Поток стекал по моему лицу и глазам, а я смывал шампунь с волос. Спустя минуту я вытерся, натянул штаны и обнаружил одетого Эндрю на диване. Босые ступни были закинуты на кофейный столик. Там же стояли две бутылки воды и миска с чипсами.

– Достал их из шкафа. Решил, что они безопаснее попкорна.

Я приподнял его подбородок и поцеловал, а потом плюхнулся на диван, почти завалившись на него как на подушку, и обнял себя его рукой.

– Какой фильм мы смотрим?

– «Бешеные псы». Классический Тарантино. Подойдет?

Я довольно и счастливо вздохнул.

– Как я и говорил. Идеально.

Глава 3

Самое дерымовое – мне нужно было работать, но Эндрю сказал, что подбросит меня до дома клиента. Я старался не задумываться о том, насколько странным ему должно было казаться отвозить своего бойфренда на работу, где мне предстоит изображать чужого парня. Я предложил вызвать такси, но Эндрю хотел меня заверить в своем нормальном ко всему отношении. Я завязал галстук–бабочку, набросил пиджак и вышел к ожидающему меня Эндрю.

Он уставился на меня. Глаза расширились. Рот распахнулся.

– Ох.

Я опустил взгляд на смокинг.

– Нормально выгляжу?

Он откашлялся.

– Э–э, да. – Он покачал головой. – Господи.

– Ужин официальный и торжественный, – сморщив нос, произнес я. – И костюм скрывает мои “рукава”. Питер предпочел бы, чтобы я не показывал татуировки.

Эндрю нахмурился.

– Это он так сказал?

Я пытался сдержать улыбку.

– Я спросил. Одна из составляющих моей работы – выглядеть должным образом. Питер немного старше и всегда озвучивал свое отвращение к татуировкам, поэтому его бывший поймет, что что–то не так, если я их продемонстрирую.

– Питер немного чудной.

– Но не самый чудной, – признал я. – Ему всего лишь нравятся мужчины вдвое моложе его самого. Ничего плохого. Он вроде бы хотел остепениться, но его бывший не был готов.

Эндрю задумчиво кивнул.

– Думаешь, они сойдутся? Его бывшего зовут Дункан, да?

– Ага. Дункан Дулиттл. Понятия не имею, сойдутся они или нет. Дункана трудно разгадать.

Эндрю улыбнулся. Я немного ввел его в курс дела, поэтому он дал мне рекомендации.

– Почти не сомневаюсь: вряд ли уйма ветеринаров носит фамилию Дулиттл. Может, тебе украсть собаку и отвезти к нему в клинику? Так было бы увлекательнее, чем высиживать официальный ужин.

Я усмехнулся.

– А еще незаконно. И нет, Питер работает с лучшим другом Дункана. Так они и познакомились. Друг по работе будет на этом ужине. Он увидит меня с Питером и, несомненно, расскажет Дункану. Потом мы с Питером возьмем его кота, а не украденную собаку, поедем к ветеринару, и сказочный доктор Дункан Дулиттл сможет определиться, ревнует он или нет.

– Сказочный доктор Дункан Дулиттл?

– Да. Аллитерация о внешности всегда звучит потрясающее в творческом изложении.

Эндрю расхохотался.

– Было ужасно.

– Тогда почему ты смеялся?

Он все еще улыбался.

– Пытался быть вежливым.

Я закатил глаза.

– Нет. Ты определенно считаешь меня замечательным.

Он не ответил. Но и улыбаться не прекратил.

– В смокинге ты выглядишь отлично, – еще раз меня осмотрев, проговорил он. – Нам стоит выбраться в какое–нибудь роскошное заведение, чтоб ты и для меня надел такой прикид.

Я поднял его руку и поцеловал костяшки.

– В любое время. Может, в джаз–бар?

Он застенчиво улыбнулся.

– Ты потанцевал бы со мной?

– Ты говорил, что не танцуешь.

– Я не танцую вочных клубах и барах.

– Но в модном заведении в смокинге станцуешь?

– Да.

– Тогда да. На переполненном элегантно одетыми гетеро–парами танцполе в лучшем джаз–баре ЛА? Черт, да. А ты, – я его чмокнул, – будешь самым щеголеватым из всех.

– Самым щеголеватым? – Он рассмеялся. – Это мужской эквивалент Золушки?

– Мне казалось, Джеймса Бонда, но без разницы.

Он хмыкнул и радостно вздохнул.

– Ну, мне все равно кажется, что ты выглядишь отлично...

– Щеголевато.

Он фыркнул.

– Окей. Мне все равно кажется, что в костюме ты выглядишь щеголевато. И я солгал бы, сказав, что не ревную.

Я прислонился лбом к его лбу.

– Если это имеет значение, я предпочел бы остаться с тобой.

От улыбки его серо–голубые глаза вспыхнули.

– Знаю.

Я зажал его подбородок между большим и указательным пальцами.

– Так какие у тебя планы на вечер? Ты серьезно собираешься вниз к Эмилио?

– Ты будешь безумно завидовать?

– Да. И особо не радуйся. Мог бы хоть постараться выглядеть раздосадовано.

Эндрю рассмеялся.

– Вообще–то, я собираюсь навестить родителей.

– О, как дела у Янни? – Янни был студентом актерского факультета, за чьи поиски мне платил последний клиент, оказавшийся очаровательным козлом, который избивал Янни и называл это любовью. Я забрал Янни к себе домой, понятия не имея, что еще с ним делать, а Эндрю сказал, что знает место, где Янни примут с распростертыми объятиями, и где он будет в безопасности. Так сложилось, что этим местом оказался дом его родителей. Планировалось подыскать Янни собственную квартиру, но неделю спустя он все еще жил там. Пару дней Эндрю о нем не упоминал. – Уже нашли ему жилье?

– Нет. Уверен, существует куча надежных жилищ, но честно говоря, думаю, маме нравится, что он живет с ними. Еще один актер в доме, и она в раю. Наверно, в гостиной она сдвигает всю мебель в сторонку и заставляет бедного паренька разыгрывать импровизационные сцены из последнего актерского курса. – Эндрю любовно улыбнулся. – Раньше она так делала со мной и Сарой.

– Не хотелось стать актером?

Он ужаснулся.

– Боже, нет. Потому–то я и играл на рояле, а Сара занималась балетом. Стоять на сцене перед критически настроенной аудиторией – мой наихудший кошмар. Я даже

фортепианные концерты никогда не давал. – Он содрогнулся.

– Наихудший кошмар? Типа самый–самый?

– До ужаса. А чего ты боишься больше всего?

– Сгореть заживо. Что звучит глупо. Мы же не говорим “утонуть заживо” или “зарезать заживо”. Так что тут скорее ты горишь до тех пор, пока не умрешь.

– Смерть через сожжение.

– Да! Смерть через сожжение.

Эндрю медленно кивнул и нахмурил лоб.

– Понимаю почему. Нахождение на сцене очень похоже на смерть через сожжение.

Мучительная, невыносимо болезненная пытка.

От закатывания глаз я воздержался.

– Ага, прям одно и то же.

Он расхохотался.

– Кстати о невыносимой боли. Помнишь, мне звонила Сара и говорила, что нас приглашают на шикарный обед в дом моих родителей?

– Да.

– Мама интересовалась, не хотел бы ты присоединиться. – Эндрю закусил губу и смотрел в пол. Прежде чем я смог ответить, он быстро добавил: – Я ей сказал, что сомневаюсь в вашем согласии. И теперь я знаю про вашей наихудший кошмар. Повидимому, вы предпочтете быть сожженным на костре, чем проведешь весь день в компании моих родителей и их друзей.

Пальцем я приподнял его лицо, чтобы он посмотрел на меня.

– Я с удовольствием. Когда?

– В следующее воскресенье.

– Если не придется работать, я весь твой.

– Уверен? Будет скучно, и будет куча людей, которые думают о себе лучше, чем есть на самом деле.

Как я мог ему отказать, когда смотрел на меня с радостью и надеждой в глазах?

– Разумеется, уверен. У меня в ванной твоя зубная щетка. Не сомневаюсь: она является определяющим фактором “общественного обеда с твоими родителями”.

Он послал мне застенчивую полуулыбку.

– Мне нравится, что у меня в ванной твоя щетка. Стоит утром ее увидеть, я тут же улыбаюсь. – Он покачал головой, зажмурился и разрумянился вплоть до шеи. – Боже, надо было промолчать.

Я зашелся в хохоте, потому что думал о том же.

– Не смущайся. Если бы существовал журнал под названием “Что делает Спэнсера счастливым”, твоя зубная щетка была бы на обложке.

– Правда?

– Да, правда. Помимо прочего, да, я посвятил бы ей целый выпуск. Сразу после выпуска с твоей фотографией о хорошей музыке, классических фильмах и зеленом чае.

Эндрю усмехнулся и прижался ко мне губами.

– Спасибо.

– За что?

– За понимание. Что не считаешь меня идиотом. Что тоже придумываешь обложки. Никто из моих знакомых не делал, как я. До встречи с тобой. – Он снова чмокнул меня в губы. – Между прочим, если бы существовал журнал под названием “Что делает Эндрю счастливым”, ты тоже был бы на обложке.

Я улыбнулся. Я ничего не мог поделать.

– О, не забудь: тебе нужно нарисовать мою будущую татуировку.

Он поморщился.

– Ты правда набьешь то, что я нарисую?

– Ну, да. Если понравится.

– Хорошо. Никакого давления.

Улыбаясь, я чмокнул его в губы.

– Все получится. Лучше тебя меня никто не знает, поэтому даже не сомневаюсь, что любая твоя задумка будет идеальной.

Он буквально вытаращился.

– Серьезно?

– Что ты знаешь меня лучше всех? – Я с трудом сдержался, чтоб не отвести взгляд, и кивнул. – Да. – Пока грудь не разорвало от нервозности, я сменил тему. – Идем. Нам лучше выехать, или я опоздаю.

В машине по пути к Питеру Эндрю притих. Я назвал ему адрес, который он быстро набрал в приложении на телефоне, и мы выехали. Ехать было не очень далеко, и когда я опустил ладонь на его бедро, его свободная рука легла на мою руку. Он улыбался, но почти все время молчал. Мы завернули на улицу Питера, он остановился возле тротуара, а я спросил:

– Все в порядке?

– Да, конечно. Просто задумался, какую татуировку для тебя нарисовать.

Я ему не поверил. Думаю, он скорее беспокоился о том, что я проведу вечер с Питером, чем о чем-то еще. Но признаваться не хотел.

– Не зацикливайся. Иногда наипростейшие идеи самые лучшие.

– Легче сказать, чем сделать.

– Правда. – Я глянул на дом Питера. – Мне пора. Хорошо тебе провести время с родителями. Скажи, что я приду в следующее воскресенье. И передавай “привет” Янни.

Он почти улыбнулся, но потом его глаза потемнели.

– Можно я тебя поцелую?

Ох. Резкая смена темы, но да ладно.

– Когда пожелаешь.

Он склонился над центральной консолью, я сделал то же самое. Но как только наши губы встретились, он обхватил ладонями мое лицо и поцеловал меня глубже. И крепче. И лучше. Это был не просто чмок с пожеланием хорошего вечера. Это был поцелуй из разряда “может, ты и проведешь время с ним, но принадлежишь–то ты мне, черт возьми”. Раньше я никогда не испытывал на себе чье–то чувство собственности. Должен признать, оно дьявольски возбудило.

Со стоном я от него оторвался. Дышал я с трудом, а сердце сбивалось с ритма. Пробуя его вкус, я облизнул губы.

– Блин, Эндрю.

Он выдохнул и усмехнулся.

– Прости.

– Боже. Не извиняйся. Можешь целовать меня вот так в любое время. – Я распахнул дверцу, но прежде чем выйти, добавил: – И раз уж тут такое дело, ответ “да, я буду”.

Он выглядел растерянным.

– Ответ на что?

– На вопрос в поцелуе. “Вечером тебе лучше думать обо мне”, что по факту даже не вопрос, но ты понял, о чем я.

Эндрю зарделся, значит, мое предположение было верным.

– Да неужели?

Я перегнулся через консоль и дождался, пока он сделает то же самое. Почти касаясь его губами, я произнес:

– Да, я буду о тебе думать. – Я поцеловал его нежно и сладко. – Я позвоню, –

пообещал я и выбрался из машины.

Он уехал. Не дойдя до входной двери Питера, я послал Эндрю сообщение.

“О, кстати, собственник Эндрю может появляться в любое время. Поцелуй был будоражащим”.

Улыбаясь, я постучал в дверь. Питер открыл, и его явно поразил и порадовал мой внешний вид.

– Спэнсер, – сказал он, оглядывая меня с головы до ног, когда я входил. – Выглядишь отлично.

– Спасибо, вы тоже.

Питер, как и я, был одет в смокинг и неплохо в нем смотрелся. Ему было сорок три года, он был в отличной форме и работал менеджером по закупкам в огромной корпорации. Просто у него был “пунктик” на твинков² чуть за двадцать. Он утверждал, что ему импонировала их энергичность, но я подозревал, что на самом деле имелись в виду либидо и выдержка. Не то что это было плохо. Питер был очень милым, вежливым и профессиональным человеком. Мне он нравился. Он определенно был нормальным и незаслуженно одиноким после того, как его бойфренд–ветеринар объявил, что не хочет скучной жизни в пригороде.

Мне было немного жаль Питера. Судя по его рассказу, он избаловал своего бойфренда чрезмерной любовью, но парень начал тосковать и заявил, что отношения закончены. Я немного покопался в интернете и обнаружил, что его бойфренд, парень по имени Дункан, уже заводил всевозможные интрижки. Его статусы в социальных сетях и комментарии совершенно точно давали понять, что он вернулся в строй. Питер же решил, что Дункану нужно немного поразвлечься, а потом он вернется, осознав, что стиль жизни тусовщика ему не подходил. Это было месяц назад, и сейчас пришло время проверить, навеселился ли Дункан и готов ли был вернуться к Питеру.

Тогда–то к делу и подключился я.

Лучший друг Дункана, Зак, работал айтишником в компании Питера. Зак будет присутствовать на сегодняшнем ужине. План был таков: он увидит Питера со мной и расскажет Дункану. Мы с Питером, якобы обеспокоившись какой–то несуществующей проблемой, появимся в клинике Дункана с котом.

В общем, примерно так все должно было пройти.

– Готов отправляться? – глянув на часы, спросил он.

Когда он перевел на меня взгляд, я ободряюще ему улыбнулся.

– Пора начинать шоу.

Глава 4

Мероприятие проходило в огромном танцевальном зале в каком–то шикарном гольф–клубе, и мы, подъехав на последней модели двухдверной “ауди” Питера, отлично вписались. Он передал парковщику ключи и, как мы и планировали, протянул мне руку.

Было ясно, что прятать свою ориентацию Питер не намеревался. Он был видным и уверенным, и с высоко поднятой головой вошел в зал, где проходил формальный рабочий ужин, с висевшим на руке мужчиной. Каждая увиденная мной пара – мужчина в смокинге и женщина в дизайнерском вечернем платье. Но никто нас не разглядывал, все тепло приветствовали Питера и вежливо улыбались мне.

Он представил меня в качестве “друга”, и после нескольких шутливых комментариев мы уселись за круглый стол по соседству с шестью людьми. Питер сел справа от меня, а приятная дама по имени Роза – слева. Она была женой работника компании, а потому, как и я, понятия не имела, кем были все остальные.

Пока зал заполнялся, мы немного поболтали. Когда Питер опустил ладонь на мою руку и прошептал:

– Зак здесь, – я проследил его взгляд и узнал парня, которого видел на фото в “инстаграме” Дункана.

Мы наблюдали за Заком, пока он, сидя за столиком, болтал и смеялся с коллегами. Он просканировал помещение и, обнаружив Питера, слегка улыбнулся и кивнул.

Я обратил внимание, что в течение вечера Зак несколько раз смотрел в нашем направлении. Весь вечер в руках он держал телефон, но писал Дункану или нет, я не знал. После основного блюда я извинился и отправился в уборную. Запер дверь кабинки и вытащил мобильник. Несколько часов назад Эндрю ответил на мое сообщение.

“Собственник Эндрю появляется, только когда на то есть необходимость. Как Брюс Бэннер. Только не зеленый”.

Глядя в телефон, я улыбнулся и быстро набрал ответ: *“Можешь превращаться в Халка в любое время. Вечер адски скучный. Руководители толкают дерзкие речи и рассказывают несмешные шутки. Это мучительно. Предпочел бы находиться в постели с Халком”.*

Я убрал трубку в карман, на всякий случай смыл унитаз и прошел к умывальникам. Меня ждал Зак. Он был тощим парнем с густыми волосами и длинными паучьими пальцами. Он не выглядел угрожающе. Казалось, он... нервничал.

– Привет, – сказал он.

– Привет. – Я помыл руки, потом их высушил, ожидая продолжения разговора.

– Я заметил, ты здесь с Питером.

– Да.

– Он хороший парень.

– Да. Ты с ним работаешь? – спросил я, зная, что они работали в разных отделах, но мне нужно было как–то развить беседу.

– Нет–нет, – протараторил он. – Он... э–э... встречался с моим другом.

– Ох. – Меня удивила его честность. – С Дунканом? Он рассказывал мне о расставании.

Зак кивнул.

– Да. Дункан неплох. Он только что выпустился и начал работать в клинике, и сейчас у него совершенно другая жизнь. Наверно, он хотел чего–то другого. Но, должен сказать, я счастлив видеть, что у Питера новая пассия. Мне он всегда нравился. Он отличный парень. Настоящий. А Дункан, можно сказать, швырнулся ему этим в лицо. Мне было жаль, что он так сделал.

Я медленно кивнул.

– Питер замечательный.

Зак засунул руки в карманы.

– В общем, я просто хотел это сказать.

Я послал ему улыбку.

– Спасибо. – Я расценил ситуацию как возможность задать вопросы и, как только Зак развернулся к выходу, проговорил: – Могу я кое о чем спросить?

– Конечно.

– Дункан заинтересован к нему вернуться? – Я обязан был доиграть свою роль. – Просто любопытно, есть ли у меня конкурент, вот и все.

Зак печально улыбнулся.

– Не. Он слишком занят тем, что трахает всех, кто проявит к нему интерес. Сказал, что навсегда завязал с моногамией – или как он там это назвал. Жаль, конечно – я за него беспокоюсь – и Питер ему подходил. – Он вздохнул. – Дункан зарекомендовал себя человеком, оставляющим после себя кучу разбитых сердец.

Было очевидно, что Зак был одним из них.

– Ох.

Он засмеялся и покачал головой.

– Да. – Потом он просиял. – Короче, передай Питеру “привет”, и что я рад, что он тоже движется дальше.

– Передам.

Он развернулся и вышел, а со мной осталась ужасающая задача просветить клиента об окончании игры.

Я сел на стул, а Питер снял с колен льняную салфетку и аккуратно положил на стол.

– Ты общался с Заком.

– Да.

– И он сказал, что Дункан не заинтересован в воссоединении.

– Да.

Питер уставился в пустоту, потом несколько раз моргнул и медленно кивнул.

– Примерно так я и предполагал.

– Питер, – начал я.

– Все нормально. Он всегда был... – Он прервал свою мысль. – Как только он принял решение, все было кончено. Я должен был понять.

О, боже. Он выглядел так, будто из него вышибли весь дух.

– Хотите отсюда уйти?

Он громко вздохнул, еще раз осмотрел шумное помещение, а потом глянул на меня.

– Да.

Я тихонько попрощался с Розой, забрал пиджак со спинки стула и ждал Питера. Он никому не сказал ни слова, разве что резво подогнавшему машину парковщику.

– Я предложил бы сесть за руль, – произнес я, плюхаясь на пассажирское кресло, – но вряд ли вы захотите, чтоб я вел вашу машину. Для начала руль не с той стороны, не говоря уж о неправильной стороне дороги.

Питер почти улыбнулся.

– Подвезти вас я не смогу, но зато знаю бар, где подают отличный скотч.

Он грустно улыбнулся.

– Я не тот, кто топит печали в алкоголе. Мой отец натворил достаточно за нас обоих.

По какой бы причине это ни было сказано, у меня было ощущение, что подобной информацией он делился редко. Его изысканная маска немного спала, доказывая, что последний отказ Дункана ударил по нему сильнее, чем он хотел показать. Мне не хотелось

оставлять его в одиночестве.

– Тогда позвольте угостить вас кофе.

Казалось, он задумался, а потом кивнул.

– Ты не дашь мне шанса отвертеться?

Я улыбнулся.

– Нет.

Мы нашли закусочную на бульваре Санта-Моники в десяти минутах езды от моего дома, и, заметив, что там не предлагали зеленый чай, я заказал два кофе. Мы сели в кабинке, и спустя довольно долгий промежуток времени официантка принесла нам две чашки. Ничего роскошного, просто кофе, обычный черный.

– Ты не любишь кофе, – когда она ушла, произнес Питер.

Я добродушно улыбнулся.

– Переживу. Если добавить достаточно сахара, ужасного вкуса я даже не почувствую.

Он тихо засмеялся, рассеянно покрутил чашку, и медленно, но верно его улыбка исчезла.

– Что сказал Зак?

Я не собирался повторять реплику “трахает всех, кто проявит к нему интерес”. Питер и без того чувствовал себя дерьямо.

– Сказал, что счастлив видеть, что вы движетесь дальше. Сказал, что ему жаль, что Дункан сделал вам больно, но у него есть привычка оставлять после себя разбитые сердца.

Питер печально улыбнулся.

– Я знал, что так произойдет. Думал, мне повезло, и я загнал его в ловушку. Я считал, что со мной будет иначе. Пресловутые последние слова, да?

– Не вините себя. Вина на нем. Вы не сделали ничего плохого. Просто не судьба.

– Зак сказал, что Дункан счастлив?

И вот она, демонстрация доброты Питера. Он всего лишь хотел знать, был ли счастлив его бывший.

– Да.

Питер вздохнул и отпил кофе.

– Мне казалось, со мной он был счастлив. Надо было лучше думать. Я хочу сказать, ни один молодой парень не мечтает остепениться... они вообще не хотят *спокойствия*.

– Не все, – поправил я.

– Ты бы хотел остепениться? Не со мной, – по-быстрому добавил он. – А со своим парнем. Как его зовут?

– Эндрю.

– Ты бы согласился на тихую, спокойную жизнь с Эндрю?

– Два месяца назад я ответил бы “ни за что”. Черт, да даже месяц назад я назвал бы вас сумасшедшим. Но теперь... Ну, теперь я б ответил, что серьезно подумал бы.

Питер вздернул брови и неспешно кивнул.

– Должно быть, он особенный.

– Да.

– И вы познакомились, когда он тебя нанял?

Я вкратце просветил Питера насчет своей личной жизни, как делал со всеми новыми клиентами, когда они впервые меня нанимали.

– Да.

– Значит, бывший тоже его не захотел, – отметил он, хотя это было скорее плевком в свой адрес, чем в адрес Эндрю.

– Не совсем. Я просто помог Эндрю понять, что он не хотел возвращения своего бывшего.

— Выходит, я порчу тебе всю статистику. Это, должно быть, положит конец твоему идеальному коэффициенту успешности.

Я послал ему улыбку.

— Я расцениваю вас как успех. Теперь вы можете спокойно жить дальше. И встретите того, кто примет вас таким, какой вы есть.

— Ты это вычитал в каком-то слогане доктора Фила³?

— Не совсем. — Я хохотнул и отхлебнул кофе. А Питер усмехнулся, когда я поморщился.

Он кивнул на мою чашку.

— Ну, как?

— Отвратительно.

Он улыбнулся, что я тоже расценил как победу. В кармане звякнул телефон, и я его вытащил. Пришло сообщение от Эндрю. *“Как проходит вечер?”*.

— Мне нужно ответить. Секунду, — обратился я к Питеру. Не хотелось, чтобы он посчитал меня грубияном. *“Все закончилось, причем не очень хорошо. Решил поддержать Питера и пью с ним кофе”*.

“Ой. Мне жаль”.

“Где ты?”.

— Извините, — сказал я Питеру и положил трубку на стол.

— Это Эндрю? — спросил он. — Понятно по улыбке.

Не сомневаюсь, что покраснел.

— Да.

На столе пискнул телефон, но я его проигнорировал.

— Можешь ответить, Спэнсер. Я не против. — Питер отпил кофе.

“Жду, пока Янни выйдет из “Севен-Элевен”⁴ на Санта-Монике. Ему захотелось корневого пива”.

— Вообще-то, они как раз чуть ниже по дороге, — рассказал я Питеру, настрачивая ответ Эндрю. *“Мы в закусочной “Зигги”, недалеко от южного Бэнтли”*.

— Скажи, чтоб присоединялись, — предложил Питер.

— Не, все нормально, — заверил я.

— Спэнсер, пожалуйста. Скажи, пусть приходят. Кем бы они ни были.

— Они — это Эндрю и Янни. Уверены?

— Иначе не предложил бы. Во всяком случае, отвлечься было бы неплохо.

“Справедливо”, — подумал я. Я нашел имя Эндрю и нажал “позвонить”. Он ответил на втором гудке.

— Привет, — нежно отозвался он. — Все хорошо?

— Да, все в порядке. Хотите к нам? Вы же недалеко, да? — А потом мне подумалось, что Янни может не захотеть. — Янни будет не против?

До меня донесся заданный вопрос, хотя и прозвучал приглушенно.

— Скоро будем.

Он отключился, а я передал Питеру, что они скоро к нам присоединятся.

— Значит, я наконец-то познакомлюсь с твоим мистером Великолепие?

Я улыбнулся.

— Да. Но есть кое-что, что вам нужно знать о Янни. Он классный парень, но пережил парочку суровых месяцев. Поэтому может повести себя немного сдержанно. Не принимайте на свой счет.

---

3 Филипп Кэлвин «Фил» Макгроу (род. 1 сентября 1950) — американский психолог, писатель, ведущий телевизионной программы «Доктор Фил».

4 Оператор крупнейшей сети небольших магазинов в 18 странах под управлением Seven-Eleven Japan Co., Ltd., действующий главным образом на основании франчайзинга.

Сообщать больше не хотелось, потому что прав на то у меня не было. Но по правде говоря, я не видел Янни с тех пор, как две недели назад мы оставили его в доме родителей Эндрю. Эндрю несколько раз с ним виделся и сказал, что дела у него шли отлично, но до сих пор имелись проблемы, которые были более чем понятны.

А когда он вошел, я его не признал. Сначала я заметил Эндрю и поднялся его поприветствовать. Чмокнул его в щеку, а затем переключил внимание на мужчину позади него. Янни выглядел в сто раз лучше, чем двумя неделами ранее. Его постриженные волосы блестели, глаза посветлели и под ними больше не было темных кругов. Он даже набрал парочку столь необходимых килограмм.

– Янни, отлично выглядишь!

Его объятия меня удивили.

– Спэнсер. Как же я тебе благодарен.

Отстранившись, я махнул рукой в сторону стола, на сиденье напротив нас с Питером.

– Пожалуйста, присаживайтесь. Питер, это Янни. А это мой Эндрю.

Эндрю, приподняв бровь, глазел на меня.

– Твой Эндрю?

“Погодите, что? ”.

– Я так сказал?

Он расхохотался и пропустил Янни в кабинку первым. Янни сел напротив Питера, Эндрю напротив меня, и я заказал еще два кофе.

– И пирог, – добавил Эндрю.

– Какой?

– Без разницы, – ответил он. – Главное, чтоб это был пирог.

Питер тоже заказал пирог, и Янни тоже, а я отказался.

– Я могу поесть твой, – сказал я Эндрю.

– Думаешь? – с вызовом спросил он. – Костюм Джеймса Бонда сделал тебя смелее?

– Глаза игриво мерцали, под столом он скользил ногой по моей ноге и силился не улыбаться.

Я опустил взор на смокинг.

– Тебе вроде бы нравился мой костюм.

Питер откашлялся.

– Значит, – произнес он, меняя тему беседы, – ты и есть Эндрю Спэнсера.

– По–видимому, да, – тепло улыбаясь, отозвался Эндрю.

– Он много о тебе говорит.

Эндрю взглянул на меня и склонил голову.

– Да неужели?

– Только когда есть необходимость, – заявил я, пытаясь не смущаться. – Например, когда мы обсуждали людей, которые могут ежедневно есть, как ненормальные, и все равно имеют божественное тело.

Эндрю зарделся от шеи до кончиков ушей. Он прочистил горло и одновременно пнул меня под столом по голени.

– Я... э–э... каждый день по часу провожу в зале, поэтому могу есть, что пожелаю. Например, целый кусок пирога, которым не стану делиться.

Несмотря на боль в голени, я рассмеялся.

– Янни? Как живется с Лэндонами?

– О, лучше быть просто не может, – изрек он. – Они самые приятные люди на свете.

– Но они сводят его с ума, – добавил Эндрю.

Янни расхохотался и рьяно закачал головой.

– Нет–нет. Они очень великодушны. Я действительно всем тебе обязан, Спэнсер.

Если б не ты...

Питер вопросительно на меня посмотрел, но Янни пояснил сам.

– Мой бывший нанял Спэнсера, чтоб меня выследить и... подружиться со мной.

Он... был плохим человеком, и Спэнсер забрал меня к себе. Он меня спас.

“Ox”.

– Ну, насчет этого я не в курсе. Безусловно, я не мог просто тебя бросить. А приютили тебя родители Эндрю. – Питер таращился на меня, поэтому я глянул на него и пояснил: – Я лишь сделал то, что казалось правильным.

– Ты хороший человек, Спэнсер. – А потом, тяжело вздохнув, он печально улыбнулся. – Мой *бывший* точно такой же. Мой *бывший*. Сегодня вечером подтвердилось, что возвращение ко мне его не интересует.

– Мне жаль, – проговорил Эндрю. Янни жалостливо кивнул.

Питер пожал плечами.

– Ну, если он может с легкостью жить дальше, значит, и для меня все должно быть просто. Так ведь?

– Если б так и было, – тихо ответил Янни.

Питер улыбнулся.

– Верно. В общем, Спэнсер любезно предложил составить мне компанию, за что я благодарен.

И в этот момент официантка принесла тарелки с пирогом, спасая меня от смущения в виде комплиментов и признания. Я взял чайную ложечку, лежавшую сбоку от моего едва тронутого кофе, и попытался развернуть пирог Эндрю. Он шлепнул меня по руке и направил на меня вилку.

– Даже не пытайся.

Я хохотнул и, пока он отвлекся и на меня глазел, быстро отломил уголок его пирога. Я так резво запихнул его в рот, что он даже не успел начать ругаться. Изображая обиду, Эндрю распахнул рот. А, может, обиделся по-настоящему.

– Контроль качества, – заявил я. – Я должен был удостовериться, что его можно употреблять. Теперь можешь есть.

– Ненавижу тебя, – брякнул он.

– Не правда.

Питер и Янни нас разглядывали, поэтому я пояснил:

– Он просто так говорит. Он не серьезно.

– Заметно, – ласково произнес Питер.

Я прокашлялся и отхлебнул мерзкого кофе, делая вид, будто не краснел.

Эндрю меня спас, развив беседу с Янни и Питером, а когда они начали общаться вдвоем, Эндрю перевел взгляд на меня и улыбнулся.

– Не могу поверить, что ты съел мой пирог, – прошептал он.

– Всего-то крошечный кусочек.

– Ты мне должен.

Я многозначительно вздернул бровь, мой интерес пробудился.

– О, неужели?

Но хмыкнул, но не ответил. Не то чтоб это имело значение, потому что я и так планировал принять любое его предложение. Питер и Янни болтали о классических фильмах эпохи немого кино и обсуждали Чарли Чаплина. Было здорово видеть улыбку Питера, а Янни разительно отличался от того парня, которого я встретил пару недель назад.

Разговоры не смолкали до тех пор, пока наши кофейные чашки не опустели. Питер хлопнул меня по плечу.

– Ну, мне пора. Спасибо за вечер.

– Без проблем, – откликнулся я, выбираясь из кабинки.

– Если хочешь посмотреть фильм, – сказал Янни, – в Западном Голливуде есть кинотеатр, где крутят немое кино. – Вряд ли до него дошло, что прозвучало так, будто он только что пригласил Питера на свидание.

– Ох. – Питер явно удивился. Он тяжело сглотнул и добродушно заговорил: – Я польщен, но в настоящий момент этого не ищу. Думаю, мне нужно дать своему старому сердцу передышку.

Янни пришел в ужас. Он побледнел, и рот его распахнулся. Не от страха, я уже видел его в таком состоянии, а из-за стыда.

– Я не... – Он покачал головой и в поиске подмоги глянул на Эндрю. – Я не... О, боже.

Эндрю осторожно коснулся руки Янни, пока у того не случился нервный срыв. Но заговорив, смотрел на Питера.

– Янни не имел в виду свидание.

Янни опять покачал головой и громко сглотнул. Глаза его расширились, и в них мерцала паника, которую пару недель назад я имел несчастье наблюдать.

– Нет, я к этому не готов. *Правда-правда* не готов. Но мой психоаналитик говорит, что я должен попытаться завести новых друзей. Тебе нравится немое кино, и мне тоже. И я подумал... ну... Даже не знаю, о чем я думал.

К счастью, Питер смог верно истолковать ситуацию, и хотя он очень мало знал о Янни, этого было достаточно, чтоб ступать осторожно.

– Янни, – ласково изрек он. – Я с радостью посмотрю с тобой кино. Спэнсер и Эндрю могут присоединиться, если захотят, – он взглянул на меня и кивнул, а потом вернулся к Янни, – если ты захочешь. *Друзья* мне сейчас не помешали бы. Вернее друзья, попкорн и Чарли Чаплин.

Янни выдохнул, улыбнулся и заметно расслабился. Он кивнул.

– Хорошо.

– Спэнсер может дать тебе мой номер телефона и е-мэйл.

– Могу, – согласился я, выскользнув из кабинки и выпустив Питера.

Он надел пиджак и выпрямился.

– Ты доедешь до дома с парнями? – поинтересовался он у меня.

– Да, все в порядке. Питер, мне жаль, что сегодня все пошло не по плану.

Он искренне улыбнулся и резко кивнул.

– Я буду на связи, – произнес он и попрощался с Эндрю и Янни.

Когда он вышел за дверь, я, вздохнув, рухнул на сиденье.

Пиджак я бросил рядом с собой.

– Боже, мне хотелось, чтоб он стал историей успеха.

– Он хороший парень, – дополнил Эндрю.

– Да. Порядочный и честный. Что в наше время редкость.

– За исключением меня. – Эндрю возмущенно фыркнул. – Я честный и порядочный, да?

Я засмеялся.

– Честный – да. И порядочно непорядочный. В хорошем смысле.

Эндрю бросил мне в лицо скомканную салфетку.

– Ты, конечно, выглядишьексапильно в этом своем смокинге без бабочки и с расстегнутыми пуговицами, но это не дает тебе права говорить такие вещи.

Я хотел пояснить Янни, что у Эндрю был “пунктик” на Джеймса Бонда, но он закусил губу и ковырял под ногтем.

– Янни? Ты в порядке?

Он поднял испуганный взгляд.

— О, конечно. Ну, не совсем. Думаете, мне стоило так делать? Спрашивать Питера, хочет ли он стать друзьями? То есть кто так поступает за пределами детского сада? Но он кажется хорошим. Знаю, видеть людей такими, какие они есть, у меня выходит не очень, но нам нравятся одни и те же фильмы. Никому из моих знакомых не нравится немое кино.

Он нервно бараболил, каждое предложение звучало как вопрос. Он до сих пор был таким неуверенным, что, вероятно, было обоснованно. Но он старался. Он пытался наладить свою жизнь, ходил к психологу и стремился расширить круг общения. Он пытался вернуть все то, что забрал у него мерзавец бывший.

— Думаю, вы с Питером станете отличными друзьями, — сказал я. — Я знаком с Питером всего неделю, но мы много общались. Я задавал ему кучу личных вопросов, и он всегда был со мной честен. Я был у него дома, сидел в его машине и чувствовал себя на сто процентов комфортно.

У Янни дернулся глаз, но он кивнул и глубоко вздохнул.

— Ладно.

— И ты не спрашивал, не хотел бы он стать друзьями, — добавил я. — Ты спросил, хочет ли он как-нибудь провести вместе время. Именно это и делают друзья. Ты здорово справился.

В этот раз он улыбнулся. Когда я перевел взгляд на Эндрю, он таращился на меня потемневшим, отяжелевшим взором, говорившим “хочу тебя трахнуть”. Я вопросительно приподнял бровь, но он покачал головой и засмеялся. Потом выпрямился и выдал:

— Нам лучше уйти. Уже поздно.

Я взял пиджак и оплатил счет, и мы все вместе вышли на улицу.

— Уверен, что вас не напрягет подбросить меня до дома? — поинтересовался я, пока мы шагали к машине Эндрю.

Янни остановился.

— Если вы хотите, я могу... — Он перевел взгляд на дорогу.

Эндрю вздохнул и осмотрел нас обоих поверх крыши машины.

— Не могли бы вы оба уже сесть внутрь?

Янни открыл заднюю дверцу, а я забрался на переднее пассажирское сиденье.

— Он всегда вот так вот командует, — обратился я к нему, когда мы все уселись в машину. — Не позволяй его ботанским вязанным жилетам тебя обдурить. Он был на обложке “Властных ботаников” и всякое такое.

Эндрю завел машину и уставился на меня.

— Ненавижу тебя.

Я взял его за руку и поцеловал костяшки.

— Не правда.

Я обернулся к Янни. Он улыбался.

— Вам двоим стоит перестать вести себя так мило.

— Ну, Спэнсер сможет, — невозмутимо заявил Эндрю. — Я же, к сожалению, круглосуточно милый.

Я засмеялся.

— Правда. Он такой.

Мы подвезли Янни до дома родителей Эндрю и по-быстрому поздоровались с миссис Лэндон. Она читала какой-то отчет и, несмотря на столь поздний час, выглядела гламурнее обычного. Ткань ее блузки струилась позади нее, как во время театрального представления. Она чмокнула Эндрю в щеку, а потом, к моему удивлению, и меня. Она заметила мой наполовину расстегнутый смокинг.

— Вечер был насыщенным, — объяснил я.

Она очаровательно улыбнулась.

— Вижу.

Эндрю взял меня за руку и потащил к машине.

– Увидимся в следующее воскресенье.

Она вздохнула, потом посмотрела на меня.

– Спэнсер, пожалуйста, приходи к одиннадцати. И не слушай, если он назовет тебе другое время.

Эндрю расхохотался и забрался в машину. Я ей помахал, а Эндрю подрулил к воротам, где ввел код безопасности, и вывернул на улицу. Я взял его за руку и опустил ее на свое бедро.

– Было любезно с твоей стороны вытащить Янни.

– Две недели он провел в одиночестве и посещал терапию, не говоря уже о проживании с моими родителями. Просто подумал, что ему необходимо провести вечер вне дома.

– Он пытается вернуть свою жизнь в прежнее русло.

Эндрю кивнул.

– А ты отлично повел себя с Питером. Ему явно требовалось поговорить.

– Ему требовалось находиться в компании.

– И то, что ты сказал Янни... – Он перевел взгляд на меня, а потом вернулся глазами к дороге. – Ты так хорошо ладишь с людьми. Ты находишь правильные слова, которые помогают людям почувствовать себя лучше. Ты делаешь это не в снисходительной манере. А потому что ты замечательный человек.

– Сказанное мной Янни было правдой. – Я вспомнил, как Эндрю глядел на меня, весь такой сексуальный, глаза потемнели. – Тебе понравилось то, что я говорил.

– Так сложилось, что я нахожу сострадание и искреннее сопереживание... привлекательными.

– Да неужели? – Я обратил внимание, что мы ехали в неверном направлении. – Хм, разве мы едем не ко мне?

– Нет. Мы едем ко мне. Может, ты надел этот смокинг и не ради меня, но совершенно точно из-за меня его снимешь.

Я ухмыльнулся.

– М–м–м, командир Эндрю. Мой любимчик.

– Мне казалось, тебе нравится Эндрю–Халк.

– Мне нравятся все Эндрю.

Он рассмеялся, но где-то в промежутке между сейчас и прибытием к нему домой командир Эндрю испарился и его место занял соблазнитель Эндрю. Не успели мы войти, как он забрал мой пиджак и осторожно положил его на спинку дивана. Он притянул меня ближе, наши губы почти соприкасались, его взгляд был пристальным, а выражение лица серьезным. Не проронив ни слова, он неспешно расстегнул мою рубашку, одну издевательскую пуговицу за другой, и снял белую ткань с моих плеч. Я позволил ей упасть на пол, и тогда он заметил свежую татуировку на моей руке.

– Новая татуировка болит? – прошептал он.

– Вообще нет, – прохрипел я. Честно говоря, я о ней забыл. “Боже, неужели все произошло лишь этим утром?”.

Он поднял мою руку и медленно прижался губами к чувствительному месту. Потом поднял руку еще выше и покрыл поцелуями мой бицепс. Черт. Он мягко постанывал, и мой член отреагировал на эти звуки. Эрекция уже имела место быть, а яйца пульсировали от желания.

Эндрю коснулся ладонью моего подбородка и резко притянул меня для поцелуя. Требовательные губы, нежный язык, его вкус...

Потом он отстранился, оставив мне жажду и отчаяние. Он дразнил меня, доказывал, что мог завладеть моим телом в любое время.

– Эндрю, – пробормотал я.

Не отрывая от меня взора, он неспешно опустился на колени. И прямо там, в его гостиной, он расстегнул мои брюки, освободил мой страждущий член и принял меня в рот. Моя рука нашла точку опоры в его волосах, а он простонал. Звук срезонировал в моем члене. Руками он обвил мои бедра, дотянулся до зада и втянул меня глубже. Прорабатывал он меня тщательно, потом впустил меня в горло, сглотнул, и я кончил.

Глава 5

Стоило признать: мне нравилось просыпаться рядом с Эндрю. Не только потому что его постель была божественно удобной. В его нахождении рядом присутствовали незнакомый уют, спокойствие, безопасность.

Его рука лежала на моем животе, и он громко посапывал. Я переплел наши пальцы и выдохнул то тепло, что наполнило мою грудь. Вроде бы простой и милый жест, но держаться в постели за руки было довольно интимно. Еще одно “впервые” для меня.

Глядя в потолок, я удовлетворенно вздохнул. И если быть честным самим с собой, нужно сознаться: я был немного напуган. После всех прошедших лет позволить себе открыться, стать уязвимым, свободно вручить свое сердце другому человеку – пугающий поступок. Я не сожалел и не хотел уходить.

Боже, да я вообще этого не хотел. Но мне необходимо было быть уверенным, что я все равно буду в норме, если Эндрю решит со мной попрощаться.

Хватит ли мне сил пережить его уход?

Что со мной будет?

Вернусь ли я к эмоциональной отрешенности, с которой жил раньше? Вдруг я изменюсь настолько, что не соображу, с чего стоит начать? Может, состоять в отношениях означает потерять часть себя? Или я лишь выиграю, выучусь и вырасту? Стану ли я лучшим человеком или останусь полностью опустошенным?

Наверно, в действительности вопрос должен был звучать так: с чего вдруг мне думалось, что Эндрю меня бросит?

Ответа я не знал. Но не сомневался лишь в том, что я, Спэнсер Коэн, парень, который однажды поклялся, что он никогда не подпустит к себе никого достаточно близко, чтоб его вдруг не обидели, делал совершенно противоположное.

Я был влюблён в Эндрю.

Мое глупое сердце игнорировало глупый мозг. Ну, хотя бы мой глупый рот не выпалил ему все до того, как он был готов услышать, и до того, как я был готов признаться. И пускай я подслушал его разговор с матерью, когда он говорил, что любит меня. Что это вообще значило для парня вроде меня?

– Не хочешь рассказать, зачем пытаешься сломать мои пальцы? – сонным голосом прохрипел Эндрю.

Я и не осознавал, что стискивал его руку.

– О, прости.

Я отпустил его руку, но он резво ее сцепил и опустил наши переплетенные руки мне на грудь.

– В чем дело? Тебя что–то тревожит?

Черт, черт, черт.

– Ну, я задумался об известных мне чайных домах, которые в это время смогут доставить зеленый чай. Или, если уж на то пошло, в любое другое время. Не сомневаюсь: Зинеб рассмеялась бы и обзвывалась бы по–арабски, если б я позвонил ей с вопросом о доставке на дом.

Эндрю хмыкнул и провел свободной рукой по лицу.

– Ни хрена ты не умеешь врать. Не об этом ты думал. Но раз уж тут такое дело, я куплю для тебя зеленый чай, чтоб здесь тоже был. И ту фигню, что стоит у тебя в кухне на стойке. Как она называется?

– Электрический чайник? Или заварочный чайник? У меня есть и то, и другое.

– Электрический. Но я куплю оба. – Он радостно и удовлетворенно вздохнул. – В обмен на проигрыватель, что ты мне купил.

– Знаешь, впервые приехав в Штаты, странно было осознать, что здесь почти никто

не пользуется электрическими чайниками. В каждом доме в Австралии он есть. И чайник, и тостер. Они необходимы. Как тарелки и приборы.

— Потому что австралийцы чудные, — со смешком сказал он. — Который час?

— Половина шести.

— Видишь? Чудно. И что это означает?

— Шесть тридцать.

— Почему бы тогда так и не сказать?

— Потому что сейчас половина шести.

Он хохотнул.

— Вы правда в Австралии так говорите? Это реально означает шесть тридцать? Или же три часа? Потому что фактически половина шести — три.

— Не так уж все и сложно. Но означает шесть тридцать.

Эндрю опять расхохотался и покачал головой.

— Может, все-таки стоит сделать лоботомию, и тогда я пойму.

Я ахнул и его защекотал. Он взвигнул и одновременно засмеялся, и с легкостью меня оттолкнул. Он явно был гораздо сильнее меня. Он перекатил меня на спину и оседлал, мои руки были пришпилены к подушке. Он, как и я, был обнажен. Поэтому мне достался прекрасный обзор на его член. Набухший и отяжелевший, его член был направлен прямо на меня.

— Тебе стоит больше заниматься, — пошутил Эндрю. — Может, тогда ты сможешь лучше драться.

Я засмеялся и, глазея на его член, облизнул губы.

— Кто сказал, что я хотел выиграть?

Он улыбнулся, и его глаза вспыхнули азартом и озорством.

— Правда?

Он спрашивал, действительно ли я хотел ему отсосать?

— О, да.

Эндрю сел прямо, член величественно возвышался, яйца касались моего живота. Он слегка подался вперед, и я вновь облизнулся. Он еще чуть-чуть приблизился, но не достаточно близко, что, даже напрягая шею, я не мог дотянуться. Я рухнул обратно на подушку.

— Хочешь, чтобы я начал умолять?

Он злорадно усмехнулся и смеялся вперед таким образом, что кончик его члена доставал до моих губ. Я открыл рот и в ожидании на него смотрел.

— Боже, — пробормотал он. Качнул бедрами и оказался у меня во рту. Его член был разбухшим и мускусным, и офицет каким огромным. Я облизывал его и вбирал сильнее, ласкал одной рукой его яйца, а второй — стискивал у основания.

Эндрю схватился за изголовье и толкнулся немного глубже, резче, его самообладание разваливалось на куски. Он ворчал и постанывал, и, еще раз содрогнувшись, кончил. Я слготнул и выпил то, что он мне дал. По нему пробежала судорога, он вскрикнул и наконец-то отстранился. Рухнул на бок рядом со мной, секунду лежал неподвижно и безмолвно, а потом зашелся в хохоте.

— Господи, боже мой. Спэнсер.

— Уже сделал лоботомию?

Он фыркнул.

— Похоже на то.

Я сжал свой член и подавил стон. Прежде чем я успел что-то сделать или сказать, он скатился с постели.

— Душ, завтрак, тренажерка.

Я покачал головой.

– Нет. Минет, душ, завтрак и обратно в постель.

Он стоял возле подножия кровати, его набрякший член все еще поблескивал от слюны. Его тело было бледным и подтянутым. Проведенные в зале часы действительно творили чудеса.

– Как насчет компромисса?

– Он включает в себя минет, душ, завтрак и постель?

Он рассмеялся.

– Мы примем душ, позавтракаем. Я доброшу тебя до дома и отправлюсь в зал.

Потом мы встретимся в тату–салоне за воскресным утренним кофе. У тебя будет время сделать все свои дела. Справедливо?

– Куда подевался мой минет?

Он хмыкнул.

– Обещаю, если сейчас ты согласишься на душ и завтрак, днем тебя ждет лучший секс в твоей жизни.

Это по–настоящему возбудило мой интерес. Как и мой все еще напряженный член.

– О, правда?

Он послал мне самодовольную, всезнающую улыбку, развернулся и отправился в ванную комнату. Он оставил дверь открытой, и до меня донесся звук полившейся воды. Потом он крикнул:

– И я не говорил, что в душе нельзя будет помастурбировать.

Я так быстро ворвался в душевую кабину, что от воды еще даже не успел пойти пар.

***

Несколько часов я потратил на уборку, покупку продуктов, а потом сбежал за кофе для нашего еженедельного воскресного ритуала в салоне Эмилио. В момент приезда Эндрю был очень расслаблен и счастлив, разместился рядом со мной и весь следующий час смеялся и болтал с нами.

Он с легкостью вошел в мою жизнь, словно всегда там и находился, и я не мог припомнить, на что до знакомства с ним расходовал время.

После обеда Эндрю пробежался по моей коллекции альбомов. Хотелось послушать что–нибудь новенькое. И до меня дошло: я понятия не имел, чем в эту самую секунду себя занимал бы, если б его не было рядом. Возможно, торчал бы внизу и помогал Эмилио. Или раздражал бы Лолу и Габа у них дома. Может, гулял бы по городу или по Венис Бич... Но все это меркло по сравнению с проведенным в его компании временем.

– Опять ты таращаешься в пустоту, – сказал он, выдергивая меня из мечтательности, и положил альбом. – Все нормально?

– Конечно. Вообще–то, все здорово, – ответил я.

– Но?

– Никаких “но”.

– Спэнсер, ты ни черта не умеешь врать.

– Я не вру.

Он подошел ко мне и провел большим пальцем по моей брови. И улыбнулся.

– Скажи, о чём задумался.

Можно же было ему рассказать, да? Ведь так и делали бойфренды? Они обсуждали различное дермо.

– Не могу припомнить, на что тратил время до знакомства с тобой.

Эндрю моргнул, но улыбка никуда не делась.

– И тебя это беспокоит?

– Ну, да. Нельзя быть собой, если без тебя не выходит быть тем, кто я есть.

Улыбка медленно исчезла.

– Что ты хочешь сказать?

Он выглядел так, будто я его ударил. И проиграв сказанное в голове, я осознал, как оно должно было для него прозвучать. Почти как прощание.

– Нет, нет, нет. Я не о том. – Я взял его за руку. – Я в хорошем смысле. Я не особо умею говорить, поэтому терпи. Больше всего я люблю проводить с тобой время. И только этим и хочу заниматься. Но и себя я не хочу терять. Это вообще логично? Несколько лет, чтоб себя обезопасить, я закрывался от людей. Я никогда в себе не сомневался. Но потом появился ты, и я уже не хочу просто быть собой. Я все время хочу быть с тобой. Но нам не стоит так поступать, да? А вдруг ты решишь, что больше не хочешь быть со мной?

Сомневаюсь, что я в курсе, что делать. И меня это пугает. Очень долго я был один и знаю, как с этим справляться. Но если сейчас придется остаться одному, вряд ли я переживу.

Эндрю приложил большой палец к моим губам, чтоб остановить поток бессвязной болтовни.

– Спэнсер, – зашептал он. – Я от тебя не уйду.

Его взгляд был таким искренним, таким честным, что у меня перехватило дыхание.

– Но ты прав, – нежно произнес он. – Нам стоит проводить время врозь. Потому-то утром я и отправился в зал, чтоб ты занялся своими делами. Всего на несколько часов, но все-таки. Нам нужно сохранить свою прежнюю жизнь.

Я кивнул.

– Ты не злишься?

Он улыбнулся.

– Ни капельки. Скорее наоборот. Спасибо, что поделился своими чувствами. И, – он коснулся меня губами, – я тоже больше всего люблю проводить с тобой время.

Я хотел рассказать ему о своих чувствах. Очень хотел. Слова уже были на кончике языка, типа *прямо там*, но мой глупый голос обнаружить не удалось. Мое глупое сердце не помещалось в груди, стало тяжело дышать, а мои нервные клетки подпитывали паривших в районе горла бабочек.

– Эндрю, – выдохнул я.

Потом он завладел моими губами в опаляющем, лишавшем всех мыслей поцелуе. Он подтолкнул меня в сторону спальни, а потом на кровать, где накрыл меня своим телом. Полностью одетый, он расположился между моих ног и целовал меня так, будто от этого зависела его жизнь.

Он и раньше меня целовал, но сейчас все было иначе. Было в новинку то, как он меня обнимал, двигался и крепко меня целовал. Здесь не было страсти и потребности. Здесь были эмоции и жажда.

Нет, я не смог найти в себе смелости признаться в своих чувствах. Но я мог показать. Каждым прикосновением, каждым поцелуем. Я надеялся, что он сможет ощутить каждое слово, которое мне не удалось произнести. А потом мы разделились, и он погрузился в меня. Мы занимались любовью. Мягкие стоны и нежные поглаживания, глубокие поцелуи и обнимавшие руки. Во мне больше не осталось сомнений. Нет, он тоже не рассказал мне про свои чувства, но они были в его взгляде. Двигаясь внутри меня, он смотрел мне прямо в глаза. Он не отворачивался. А когда он достиг кульминации, я увидел. *“Этот мужчина, этот идеальный для меня мужчина меня любит”*.

И судя по выражению его лица, он, скорее всего, разглядел то же самое в моем лице. Потому что в тот день, лежа в моей постели и не произнеся ни слова, я признался ему в любви.

***

Во второй половине дня Эндрю уехал домой, а я направился вниз увидеться с Эмилио. По правде говоря, я скучал по времяпрепровождению с ним. И хотя мы с Эндрю вынуждены были находиться порознь, я все равно был счастлив побывать со своими

друзьями.

Эмилио глянул на меня.

– Где Эндрю?

– Мы решили побывать врозь.

Эмилио стрельнул в меня глазами.

– Зачем?

– Чтоб не переусердствовать, – пояснил я. – Знаешь, чтоб не затошило друг от друга.

Казалось, ему стало весело.

– И как, выходит?

– Пытаюсь вспомнить, чем занимался до знакомства с ним.

Эмилио засмеялся и махнул татуированной рукой в сторону беспорядка на стойке.

– Ты занимался инвентаризацией, прибирался и все дезинфицировал.

Там действительно был кавардак.

– Намек понят. Давненько я не помогал.

– Я и не жду.

– Да, но мне нравится помогать. – Я незамедлительно приступил к сортировке груды бумаг. – И вот мое мнение. Я не могу из-за Эндрю избегать своей прежней жизни. Я хочу, чтоб он был в моей жизни, а не был моей жизнью.

Эмилио оторвался от работы.

– Любовь – забавная штука, друг мой.

– Да. – И тут же осознал: впервые за всю свою жизнь я сознался, что был в курсе, что такое любовь. Я проигнорировал улыбку Эмилио и продолжил прибираться на столе. – Да.

Когда наступил вечер, я позвонил Лоле и ввязался помочь ей в течение недели.

Купил ужин для себя и Эмилио, смеялся и болтал. Прям как в старые времена. Телефон я проверил всего-то три десятка раз. С каждым разом разочарование разрасталось.

Сообщений от Эндрю не было.

Чуть позже, когда я в одиночестве лежал в постели, оно взяло надо мной верх. Я послал ему сообщение.

“Знаю, мы должны проводить время по отдельности, но моя постель пахнет тобой, и я хочу пожелать спокойной ночи”.

Ответ пришел почти сразу же.

“О, слава богу, ты написал. Я с ума сходил. Моя кровать тоже пахнет тобой”.

Глядя в маленький экран, я улыбнулся.

“Мне хотелось тебе написать с той самой секунды, как ты ушел”.

“Мне тоже”.

“Когда мы увидимся?”.

“Во вторник вечером. Сможешь научить меня готовить еще какое-нибудь блюдо”.

“Здорово”.

“У меня в половину шести”.

“Ты стебёшься над тем, как я называю время?”.

“Без сомнений. Но во вторник вечером я исправлюсь”.

“Звучит многообещающе”.

“И чтоб ты знал: я добавил чай, чайник и спринцовки в список покупок”.

Я закатился смехом.

“Спокойной ночи, Эндрю”.

“Сладких снов, Спэнсер”.

Я положил трубку на тумбочку и с улыбкой на лице уснул.

***

Следующие два дня я пробыл лакеем Лолы во время ее выездной работы и помогал Эмилио в салоне. Сжульничал и послал Эндрю несколько сообщений, а он позвонил мне вечером в понедельник, просто чтобы услышать мой голос. По крайней мере, так он заявил.

Мы оба были эмоционально истощены, потому что в ту же секунду, что я принял вызов, звук его голоса расслабил что-то внутри меня.

Но к вечеру вторника я был невероятно готов к встрече с ним. Почему два дня казались такими долгими? Каждая минута издевательски тянулась. Но вот он распахнул дверь, улыбнулся, и все в моем мире встало на свои места.

За кофту он втянул меня внутрь и поцеловал так основательно, что я перестал ясно мыслить. Мы пятались до тех пор, пока его зад не столкнулся с диваном. Губы не отрывались друг от друга. Я чувствовал, как ко мне прижималась его эрекция. Чувствовал нужду и настойчивость в его прикосновениях.

Чтоб отдохнуться, я разорвал поцелуй. Из-за смеси его аромата, поцелуя и нехватки кислорода голова пошла кругом.

— Привет, — тяжело дыша, сказал я.

Его губы были опухшими и влажными.

— Привет. — Его дыхание было сладким и теплым, а член напрягся от возбуждения.

— Скоро здесь будет Сара. Она не останется. Только кое-что заберет. Черт, я скучал по тебе.

Я засмеялся.

— Я тоже скучал. — Я прижался к нему бедрами и поерзал по его стояку. Он простонал и толкнулся мне навстречу. Боже, он был в отчаянии. — Сколько у нас есть времени до ее прихода?

Эндрю опустил между нами руку и расстегнул ширинку.

— Мало. — Он скользнул ладонью в трусы и вытащил член. Сказать, что меня поразила его наглость, значит, ничего не сказать. — Пожалуйста, Спэнсер. Я вот-вот кончу.

Он опустил свободную руку мне на плечо и надавил. Я с готовностью опустился на колени. В ту же секунду, что я принял его в рот, Эндрю стиснул в кулак мои волосы и руководил мной. Он полностью держал все под контролем, а я закрыл глаза и расслабил горло.

К тому моменту, как приехала его сестра, Эндрю уже успокоился, на лице сияла самодовольная улыбка, а глаза были стеклянными.

— О, боже. — Сара помахала рукой перед лицом. — Чувствую запах тестостерона и феромонов.

Я не смог сдержать хохот, а она поприветствовала меня улыбкой и поцелуем в щеку.

— Спэнсер, я так понимаю, что именно в тебе причина выражения лица моего брата.

— Она взяла с дивана коробку, которую я даже не заметил, и произнесла: — Остаться не могу. Развлекайтесь, хотя заметно, что вы и так не скучаете. Увидимся в воскресенье. — Она чмокнула Эндрю в щеку, помахала мне и удалилась так же быстро, как и приехала.

Эндрю запер дверь и проговорил:

— Она собирается к родителям и хотела отвезти Янни мои старые книги. — Затем он неспешно ко мне приблизился. — Наверно, мне стоит извиниться за произошедшее ранее. Последние два дня я только и делал, что думал о тебе. И немножко завелся.

Я дотронулся ладонью до его лица и нежно поцеловал.

— Всего лишь немножко?

Он улыбнулся, взгляд был напряженным и полным огня.

— Теперь твоя очередь. — Он осторожно подтолкнул меня на диван.

— Разве мы не должны были готовить ужин? — поинтересовался я.

Между моих ног он опустился на колени, расстегнул ширинку и облизнулся.

– Мы и ужинаем. Это первое блюдо. Потом мы готовим, ты меня вылижешь, а затем трахнешь.

“О, да”. Командир Эндрю вернулся. На его слова мой член отреагировал молниеносно.

– Я когда-нибудь говорил, что меня заводит, когда ты выдаешь такие вот пошлые фразочки?

Он улыбнулся. Слабый румянец окрасил его щеки. Он освободил мою эрекцию. Как только он принял меня в рот, я коснулся ладонью его подбородка. Я скользил у него в рту и большим пальцем пробежался по его губе. Он вбирал меня все глубже, и его щеки западали. Во время минета он довольно часто тянул меня за волосы, и мне стало любопытно: ему понравится, если я сделаю так же? Я запустил пальцы в его короткие торчавшие вверх волосы и сгреб их в кулак, как только смог.

Он простонал и втянул меня сильнее.

“Блин”.

– Да, тебе нравится, – прохрипел я. Вновь потянул его за волосы и добился той же реакции. Он взял меня глубже, слегка сглотнул и высосал из меня оргазм. Я кончил ему в горло, волна за волной по мне прокатывалось удовольствие. Кровь в венах разгорячилась, а яйца болели в самом хорошем смысле.

Эндрю меня отпустил, а я приподнял его лицо для поцелуя. Он прильнул к моей груди, а я рухнул на диван.

– Bay.

В ответ Эндрю довольно замурлыкал и поднял на меня взгляд.

– Думаю, теперь мы готовы поесть.

Я захочатал.

– Ты ненасытен. Секс, еда, секс, еда.

Он поднялся на ноги и потянул меня вверх, а я по-быстрому привел себя в презентабельный вид. Я чувствовал себя слегка одурманенным, и Эндрю улыбнулся.

– Еще я очень люблю музыку и поговорить. Давай ты выберешь музыку. Я достану из холодильника ингредиенты для ужина и расскажу, как прошел мой день. Как тебе?

Я зажал его подбородок между большим и указательным пальцами и притянул для поцелуя.

– Как по мне, так ты хренов командир.

Эндрю улыбнулся и отправился в кухню. До меня долетели звуки открывшегося холодильника и шуршания пакетов.

– Надеюсь, стейк и салат подойдут. Я загуглил “самый простой ужин, который можно приготовить дома”, и мне показалось, что этот вариант самый лучший. О, ты ни за что не угадаешь, что сегодня произошло на работе, – сказал он. – Было так смешно... Ты уже выбрал музыку?

Честно сказать, я по-прежнему стоял именно там, где он меня оставил, и лыбился, как идиот.

– Просматриваю. – Я подошел к его проигрывателю и обратил внимание на пластинки, которых не было в мой прошлый приход сюда. – Эй, ты не говорил мне, что купил вот эту.

Я обернулся и обнаружил его в кухонном дверном проеме. Он вытирал руки о полотенце.

– О, да. Купил вчера. А еще “Лучшие австралийские композиции восьмидесятых”. Для тебя. Сомневался, что тебе понравится, но увидел и подумал о тебе. Потому и купил. – Он немного разрумянился, что было частью парадокса по имени Эндрю Лэндон. Не моргнув глазом, он мог потребовать, чтоб я опустился на колени и отсосал ему, зато краснел при самых невинных обстоятельствах.

– Это просто здорово. Спасибо. – Я вытащил альбом из обложки, аккуратно положил на вертушку и опустил тонарм. Подошел к Эндрю и смахнул его по щекам. – Ты замечательный. – Он моргнул и поправил свой вязаный жилет, будто пытался отмахнуться от моего комплимента. Я приподнял его подбородок, чтоб он смотрел мне в глаза. – Ты замечательный мужчина, Эндрю. А теперь про стейк...

Мы нарезали салат и приготовили стейк, а Эндрю пересказывал свой рабочий день. До колик в животе я заливался смехом над историей о нем и Шель. А он внимательно выслушал мой рассказ о том, как, пока Лола делала макияж для маркетинговой фотосессии, я подавал ей кисти и палетки, прям как медсестра подает скальпели хирургу. Он не поверил, что существует больше ста оттенков розового, и у Лолы были они все. Я почти мог отличить “Эго” от “Свиш”, и теперь меня считали экспертом по кистям кабуки.

После ужина мы разместились у телевизора и смотрели “Рискуй⁵”. Я лежал на спине, Эндрю почти лежал на мне, и наши переплетенные руки покоялись на его груди. Мы старались превзойти друг друга по количеству правильных ответов.

Когда шоу прервалось на рекламу, я изобразил из себя участника “Рискуй” и произнес:

– Я бы хотел выбрать свою любимую тему, спасибо, Алек.

Эндрю хмыкнул и подыграл.

– А именно?

– Эндрю.

Он сжал мою руку.

– Ладно, первая подсказка. У Эндрю...

Я нажал ему на грудь, словно на кнопку.

– Б–з–з–з–з–з. Двадцать сантиметров?

Он рассмеялся.

– Верно.

– Ты реально его мерил?

– Вето.

– Значит, да.

– Нет.

Я хохотнул.

– Следующая подсказка.

– Будешь перебивать?

– Да.

Он хмыкнул.

– У Эндрю любимое...

И опять я использовал его грудь как кнопку.

– Б–з–з–з–з. Секс или еда? И музыка, и разговоры, но в основном секс и еда.

От смеха его грудь завибрировала.

– Верно.

– А я шарю в этой игре.

Эндрю фыркнул, а потом дал еще одну подсказку.

– Эндрю говорил, что этим мы займемся вечером.

– Б–з–з–з–з. Римминг и секс?

Он зашелся в хохоте и встал. Протянул мне руку и поднял меня на ноги.

– Снова верно. Ты победитель сегодняшнего вечера. Хочешь забрать свой приз?

Держа за руку, я повел его наверх.

– Черт, еще как хочу.

***

– Только посмотрите на его улыбочку, – сказала Лола. Они с Даниэлой надо мной глумились. По-видимому, я опять *придурковато лыбился*.

– Я не скажу ничего такого, что в будущем могло бы меня инкриминировать. – Я направился к двери. – Сбегаю за кофе. Говорите сейчас или потом держите себя в руках.

Эмилио схватил себя за причиндалы.

– Не в этом смысле.

– Ох. – Он засмеялся. – Кофе не помешало бы.

Я протянул руку Лоле.

– Моя прекрасная леди составит мне компанию?

– Ты поделишься со мной развратными подробностями?

– Конечно же, нет. Джентельмен не распускает язык о своих похождениях. Или в зависимости от обстоятельств не занимается фантастическим сексом, риммингом, делает и получает минет, а потом треплется.

Эмилио закрыл уши руками.

– О, боже. Ла–ла–ла–ла.

Даниэла хлопнула в ладоши и рассмеялась, а Лола ухмыльнулась и, прошмыгнув ко мне, взяла меня под руку. Мы хотели на протяжении всего пути до кафе.

***

Вечер пятницы никак не наступал. Я не виделся с Эндрю с вечера вторника. Каждый вечер мы болтали по телефону и часто друг другу писали, но я не касался его, не целовал и не находился рядом три дня.

Это было смехотворно.

Я любил проводить время с друзьями. Любил. Но стоило задуматься об Эндрю, у меня появлялось такое легкомысленное ощущение, похожее на нервно паривших бабочек. Из-за него мое сердце сбивалось с ритма: из-за высыпавшегося имени на экране телефона, звука голоса, жужжания мобильника пришедшими сообщением. Мое глупое сердце екало в груди.

Это было чудесно.

Мы планировали провести вместе вечер пятницы и утро субботы, а потом заняться своими делами в субботу вечером, например, побывать с друзьями. А затем в воскресенье пообедать в доме его родителей.

Но стоило мне его увидеть в полдень пятницы, я уже был готов вышвырнуть все планы в окно. Он приехал раньше. Я находился в кабинке, в которой Даниэла делала пирсинг, помогал ей с инвентаризацией, и тут он просунул голову между штор.

– Привет.

У меня буквально пропал дар речи. Достаточно было его увидеть, и я лишился последовательности мыслей и светского этикета. Как только мой глупый мозг уловил его в обозримой близости, я отбросил таблицу и спустя три шага мои руки уже обнимали его лицо. И я его целовал.

Он рассмеялся мне в рот.

– Надеюсь, ты не всех так приветствуешь.

Я отстранился и его обнял.

– Не *всех*.

Он хотел помахать в знак приветствия Даниэле.

– Прости, что прервал.

Она подобрала брошенные мной бумаги и, улыбнувшись, их сложила. И глянула на меня с любовью.

– Сложно на него злиться, когда он так счастлив.

Я закатил глаза и, прижимая к себе, подтолкнул его к запасному выходу.

– Увидимся позже, – крикнул я. – Мы уходим.

Эндрю хмыкнул. Мы вышли на улицу, и, оставив меня позади, он забирался по лестнице через ступеньку.

– Чего ждешь?

– Просто, пока ты карабкаешься по ступеням, любуюсь твоей задницей. Штаны неплохо на тебе натянулись.

Он прыснул.

– Хочешь знать, что еще я могу натянуть?

Несспешно я поднимался по ступенькам, наши глаза не отрывались друг от друга.

– Что же? – спросил я, хотя и не сомневался, что ответ был мне известен. Но мне хотелось услышать, как он это произнесет.

Я достиг верхней ступеньки, а он прислонился спиной к двери. Закусил губу, щеки заалели, но взор был полон огня и обещаний.

– Тебя. Я очень хорошо смогу тебя растянуть.

Черт.

Стоя почти вплотную к нему, я вставил ключ в замок и отпер дверь. Эндрю вошел в квартиру спиной, и как только я шагнул внутрь, он пинком захлопнул дверь и вдавил меня в нее. Он стал крепкими мышцами, теплом и силой, и божественным ароматом. И он уже был на взводе.

– Хочу растянуть тебя. Прямо сейчас.

Мой стон прервался, когда он накинулся на мои губы. Он ерзal по мне бедрами и крепко меня целовал. Наши зубы и языки сталкивались друг с другом, как и настойчивые руки.

Я пытался стянуть с него жилет. Мне было необходимо почувствовать тепло его кожи, но у него имелись другие идеи. Командир Эндрю снова был у руля, в том не было сомнений. Он оттолкнул мои руки и потащил меня в спальню, где раздел, подготовил и, как и обещал, растянул.

***

Чуть позже мы, распластавшись, лежали в постели, пыхтели и пытались прийти в себя. И тут он взял меня за руку.

– Ты в порядке?

– Очень даже.

Он хмыкнул и до сих пор силился перевести дух.

– Bay.

Я поднес наши переплетенные руки к губам и поцеловал тыльную сторону его ладони.

– Знаю. Решил пораньше уйти с работы?

– Ага. Я частенько работал в обеденный перерыв. Поэтому моего начальника не возмутило, когда я отпросился.

– Не мог дождаться?

Он повернул голову и смотрел прямо на меня.

– Нет.

– Еще не поздно, можем поужинать.

– Правда?

– Да. Надлежащее свидание за ужином. И если ты пообещаешь, что чуть позже трахнешь меня точно так же, после ужина я даже отведу тебя в джаз–бар .

Он засмеялся.

– Или мы можем остаться здесь.

– Или мы можем пойти поужинать.

– Ты типа командуешь?
– Ага.
– Нужно доработать.
– Завали и одевайся.
Он хохотнул.
– Так гораздо лучше.

Глава 6

Субботнее утро свелось к походу в душ и возвращению в постель. После прошлого вечера зад у меня побаливал, и Эндрю предложил себя, но мне хотелось не этого. Я улегся на Эндрю, примостившись между его бедер, наши эрекции вжимались друг в друга, но торопливости или отчаяния не было. Зато были неспешные движения и нежные поцелуи, крепкие объятия и тихие стоны – физические проявление слов, которые я не мог произнести.

Мы спустились в салон как раз в момент прихода на первый сеанс подруг Эндрю, Шель и Уэнди. Обе были взволнованы, и Эндрю поприветствовал их поцелуем в щеку.

– Готовы? – спросил он.

– Да! – воскликнула Шель. – О, Спэнсер, привет! Полагаю, ты не возражал, что Эндрю пораньше ушел с работы?

Я послал ей теплую и открытую улыбку.

– Ни капельки.

– Фу, не начинай. – Эмилио улыбнулся. – Они как кролики.

Мне казалось, Эндрю слегка смущается или даже ужасно оскорбится, но он лишь рассмеялся. Шель пихнула его локтем.

– Ты не переменил решение насчет сегодняшнего дня? Все идут. Или тебе поступило предложение получше? – Она многозначительно глянула на меня.

Улыбка Эндрю немного померкла.

– Разумеется, не переменил.

Я не упустил вспышку неуверенности, что отразилась на его лице, и мысленно отметил чуть позже поинтересоваться. Ему не хотелось отдохнуть с друзьями? Идея принадлежала ему, разве нет? Именно он утверждал, что нам стоило провести один выходной врозь.

– Кто первый? – задал вопрос Эмилио, выдергивая меня из ментального пространства.

– Я! – сказала Шель и уселась на рабочее кресло Эмилио, а Уэнди взяла ее за руку.

Эндрю зачарованно наблюдал, как трудился Эмилио. Когда работа с Шель была закончена, и ее место заняла Уэнди, я оттащил Эндрю в сторонку.

– Мы можем минутку поговорить?

Он вытаращил глаза и нервно облизнул губы.

– Конечно.

Я провел его к задней двери и придерживал ее открытой, чтобы мы смогли войти обратно.

Эндрю вытер ладони о бедра и побледнел.

– Ты в порядке? – спросил я.

– Э-э... Ни один разговор между парами, начавшийся со слов “нам надо поговорить”, хорошо не заканчивается.

У меня вырвался смешок, что, как мне быстро удалось осознать, было неверной реакцией. Я схватил его за руки и притянул ближе. Я пристально смотрел ему в глаза. Теперь уже вполне серьезно.

– Даже на секунду не думай, что я захотел бы провести с тобой такую беседу. Пожалуйста, Эндрю, – прошептал я. Сомневался, что голос не надломится. – Ты никогда не услышишь от меня ничего подобного.

В солнечном свете его глаза стали ярко-голубыми.

– Что тогда?

– Чуть раньше, когда Шель напомнила о встрече, ты странно на нее посмотрел, – пояснил я и стиснул его руку. – Не хочешь рассказать, в чем дело?

Несколько раз он открыл и закрыл рот.

– Ни в чем.

Я медленно кивнул и улыбнулся.

– Эндрю, помнишь, когда мы только начали встречаться, в такси ты попытался от меня закрыться, и мне пришлось тебя останавливать? И я говорил, что все это так называемое недопонимание меня вымораживает. Ты помнишь?

Он кивнул.

– Видишь ли, лежа в постели, нам не составляет труда озвучивать свои желания. Но вне постели приходится прикладывать усилия. Знаю, тебе нелегко говорить о подобных вещах, и поверь, я тоже не эксперт. Во всем, что касается отношений, я полный невежа. Но я понимаю, что общение и честность – самое важное.

Он моргнул. Господь всемогущий, он выглядел так, будто я с ним прощался.

Я нежно его поцеловал.

– Я никуда не денусь. А ты?

Он неистово затряс головой.

– Нет.

– Тогда просвети меня, откуда взялась боль на твоем лице, когда Шель заговорила про вечер? Идея была твоя, разве нет?

Эндрю опустил взгляд в пол и кивнул.

– Да. Просто...

– Что просто?

– Не то чтобы мне не хотелось бы потусоваться с друзьями. Мне хочется. Но еще хочется, чтобы ты пошел со мной. Хочется познакомить тебя с друзьями, но ты говорил, что нам не стоит спешить. Ты говорил, нам нужно в одиночку проводить время с друзьями.

– С чем ты согласился.

– Да, но только потому что мне казалось, что именно этого ты и хотел.

«Маленьими шажками», – сказал ты. А знакомство с друзьями и семьей – явно не маленькие шажки. Я стараюсь замедлиться, но, боже мой, Спэнсер, мне не хочется. Знаю, это страшно неправильно, особенно после Эли. Господу известно, с ним я мчался на всех парах. И посмотри, куда это меня привело. Я не хочу, чтобы мы нырнули в омут с головой и перегорели, но....

– Эндрю, дыши, – зашептал я.

Он сделал глубокий вдох.

– Не хочу тебя пугать и чувствовать, что чересчур усердствую со стараниями.

– Я уже знаком с твоей семьей. И с Шель и Уэнди.

– Знаю. – Он провел рукой по волосам. – Опять я все испоганил?

Я хмыкнул и, приподняв его подбородок, чмокнул.

– Нет. Но если ты хочешь познакомить меня с друзьями, я согласен.

– Я прихожу сюда и провожу время с твоими друзьями, они чудесные, правда. Но мне хочется, чтобы ты был знаком с моей компанией, и хочется, чтобы они тебе понравились так же, как мне нравятся твои друзья. – Он вздохнул и насупился. – Эли отказывался “зависать” с моим друзьями, и мне казалось, будто я разрывался между ними. Не хочу, чтобы то же самое случилось с тобой.

И вот она. Настоящая причина.

Я прислонился к нему лбом.

– Спасибо, – вновь зашептал я ему в щеку. – Спасибо, что сказал мне правду.

Он пробурчал:

– Чувствую себя придурком.

– Никогда не обесценивай свои эмоции.

Зажмурив глаза, он вздохнул.

– Ты не обязан идти с нами сегодня, но в ближайшем будущем. Ладно?

– И чем вы сегодня займитесь?

– Отправимся в “Юниверсал”. Там будет шоу спецэффектов, а мы все визуальные аниматоры, что, наверно, убого, но нам нравится. А потом засядем на Сити Вок в нашем любимом ресторане. Если есть желание, мы организуем что-нибудь на следующих выходных.

Улыбка медленно растянула мои губы.

– Шутишь? Это потрясающе!

Он стрельнул в меня глазами, и уголки губ приподнялись.

– Правда?

– Да, черт подери. Твои друзья не будут против, если я напрошу за компанию?

– Вообще, нет. Я почти не сомневаюсь: кое-кто из них считает, будто ты не существуешь. Так что поможешь мне их заткнуть. – Все его лицо светилось от счастья, а глаза искрились.

Я хохотнул и, снова приподняв его подбородок, прижался к нему губами.

– И если уж на то пошло, с тобой стараться не спешить все равно что пытаться сдержать прилив.

– Эй, вы двое, снимите номер, – крикнула из салона Лола.

Мы с Эндрю отошли друг от друга. Улыбаясь и держась за руки, мы вернулись внутрь и захлопнули дверь.

– Не знал, что ты здесь, – обратился я к Лоле и чмокнул ее в щеку.

– Только пришла, – ответила она. Выглядела как всегда превосходно. – Ты все еще настроен прийти на ужин? Габа я предупредила. Сегодня он заканчивает около пяти, так что я решила заскочить сюда и подготовиться к завтрашнему дню. Воскресные свадьбы прекрасны, но утренние свадьбы... Кто так делает? Короче, допоздна мне засиживаться нельзя. Рано вставать.

Уголки моих губ опустились.

– Блин. На самом деле, планы поменялись. Сегодня я знакомлюсь с друзьями Эндрю. Прости.

– Ох. – Она неестественно улыбнулась. – Круто.

– Может, присоединитесь? – выпалил я. – Кто угодно же может пойти, да? – задал я Эндрю вопрос.

Заметно удивившись, он моргнул.

– Конечно.

– Это нормально? – с нажимом проговорил я. – Можешь отказаться. Но я так прикинул: сказал “А”, говори “Б”. Если я знакомлюсь с твоими друзьями, они могут познакомиться с моими.

Эндрю кивнул и явно был не в состоянии остановить широкую ухмылку.

– Эй, Эмилио? – гаркнул я.

– Да?

– Свободен вечером?

Повисла тишина.

– Закрываюсь в шесть. А что?

Мы прошли туда, где он заканчивал татуировку Уэнди.

– Студия “Юниверсал” устраивает какое-то трехмерное графическое шоу, а потом можно поужинать и выпить.

Он пожал плечами.

– Звучит классно. Спрошу своего босса.

Его единственным и неповторимым боссом была красавица жена. Закончив, Эмилио позвонил Даниэле, она согласилась, и все было решено. Мои ближайшие друзья

проведут вечер с друзьями Эндрю.

Эндрю потряхивало, от него исходили волны восторга.

– Сказал “А”.

Я сжал его руку.

– Говори “Б”.

***

Я принял душ, подстриг бороду, раз сто уложил волосы и в итоге вышел в песочного цвета брюках, белой рубашке на пуговицах с закатанными до локтей рукавами и синих “лоферах”, которые сочетались с подтяжками. Увидев меня, Эндрю распахнул рот.

– Перебор? – спросил я.

Он покачал головой.

– Идеально.

– Я нервничаю.

– Не надо. Они тебя полюбят.

Из-за последнего слова сердце сбилось с ритма. Я выдохнул как можно ровнее. Не то чтобы он сказал это слово в мой адрес, но все равно внутри зародилась надежда.

“Надежда?”. Вот же черт. Я поправил рубашку, и, прежде чем нервы успели взять надо мной верх, зажужжал мой телефон.

– Эмилио и Даниэла внизу. Ну, что? Мы готовы?

Эндрю, одетый в черные джинсы и серый свитер с ромбиками, кивнул.

– Да.

Эмилио выглядел обалденно в дизайнерских джинсах, черной рубашке на пуговицах и ботинках. А Даниэла смотрелась шикарно в красном длиной до колен платье, которое идеально гармонировало с цветом губ. Длинные черные волосы ниспадали волнами по спине, а благодаря струившемуся платью она могла бы сойти за испанскую танцовщицу. С нарядами они не переборщили. Скорее наоборот, все было просто и элегантно.

– Ого, – привлекая мое внимание, сказал Эндрю. – Выглядите роскошно.

– Если бы существовал журнал под названием “Самая сексуальная латинская пара”, вы, ребята, были бы на обложке.

Эмилио фыркнул, но не отводил от Даниэлы глаз.

– Моя невеста всех затмит.

Она с любовью на него посмотрела и проговорила:

– Мы нечасто выбираемся. Как же здорово принарядиться. И вы выглядите очень симпатично!

Эндрю закатил глаза. Ему по-прежнему крайне недоставало способности принимать комплименты.

– Готовы?

Мы забрались в машину Эндрю и отправились к студии “Юниверсал”.

– Лола и Габ сразу придут туда, – объявил я сидевшим сзади Эмилио и Даниэле. – И им придется рано уйти.

Эндрю добавил:

– Янни и Питер тоже сразу придут туда.

Вот так новости.

– Да?

Эндрю улыбнулся.

– Да, в качестве друзей. Они отлично ладят, но, по-видимому, на этом все. По крайней мере, так говорил Янни.

– Я рад.

– И Янни нужно почаще выбираться из дома. Он клевый. Мне он нравится, –

выворачивая руль, сказал Эндрю. – Ему нужно знакомиться с новыми людьми, поэтому я и предложил присоединиться. Надеюсь, ты не против.

Я был счастлив, что Эндрю и Янни подружились. Я взял Эндрю за руку и стиснул.

– Ни грамма.

Эндрю безо всякой помощи знал, куда ехать. Мы припарковались и прогулялись по “Юниверсал”. Небо окрасилось в темно-фиолетовый цвет, который постепенно превращался в черный. Но вечер был ясным и теплым. Вокруг бродили толпы счастливых, смеявшихся людей. Теперь моя нервозность смешалась с острым интересом.

Мне хотелось встретиться с людьми, которых Эндрю звал друзьями. Хотелось быть частью его жизни и не хотелось, чтобы ему пришлось разрываться на части. Он не должен был выбирать между мной и друзьями, а тот факт, что бывший бойфренд именно к этому его и принуждал, лишь укреплял желание познакомиться.

Я надеялся, что придусь им по душе.

Мы завернули за угол здания, где стояла компания из шести человек. Вначале я заметил Шель и Уэнди, а потом кто-то увидел Эндрю.

– Эй! А вот и он.

Эндрю рассмеялся, сжал мою руку и отпустил, а затем обнял своих друзей.

– Привет. – Он сделал шаг назад. – Все, это Спэнсер. Спэнсер, это все. Ты уже знаком с Шель и Уэнди. – После он выдал еще восемь имен: Стивен, Джейс, Лиень, Юши... Господи, мне никогда их не запомнить.

Но все улыбались и тепло здоровались. Я представил Эмилио и Даниэлу, и тут же появились Лола и Габ. На Лоле было платье в стиле рокабилли с арбузным принтом, зеленые туфли-лодочки, подходившие к платью, а розовые волосы были идеально зависы в привычные уже виктори роллс. Она выглядела...

– Ты выглядишь очень вкусно, – заявил Эндрю.

Она захохотала и чмокнула его в щеку.

– Не перегнула?

– Нет, – заверил он и представил их с Габом своим друзьям. Если наши покрытые татуировками тела кого-то и встревожили, этого заметно не было.

Следующими прибыли Янни и Питер. Янни поприветствовал меня объятиями и улыбкой, которая поведала, что он нервничал и при этом храбрился.

– Рад, что вы добрались, – изрек я, а потом пожал Питеру руку. – Приятно снова вас видеть.

Нас собралось четырнадцать человек, и было похоже, будто кто-то совместил соревнование по шахматам и тату-конференцию. Мы были разношерстной компанией, без сомнений. Но как ни странно, прогуливаясь по аллеям студии “Юниверсал”, мы болтали и хохотали.

А Эндрю сиял.

Новое анимационное шоу было невероятным. Эндрю и его друзья понимали больше, на профессиональном уровне, но и Эмилио от них не отставал. Когда шоу подошло к концу, он вышагивал между Эндрю и его друзьями и болтал насчет движений и размерности, о затенении и линиях. Даниэла держала меня под руку, мы шли позади них и улыбались.

Преодолев примерно половину Сити Вок, они тормознули возле ресторана. Нам пришлось сдвинуть несколько стоявших возле входа столиков, чтобы все смогли разместиться. Вместе с заказанными напитками официант принес пачку бумаги и карандаши.

Я глянул на Эндрю.

– Э-э... конкурс раскрасок?

Он расхохотался.

– Нет. Здесь проводятся конкурсы по рисованию. Это новое слово в ресторанном деле.

Я рассмотрел освещаемое неоновыми огоньками название. “Нарисуй меня”.

– Ты стебёшься? Теперь ясно, почему тебе здесь нравится.

Он хмыкнул и взял планшет и листок бумаги.

– Обычно мы работаем командами.

– О, нет, черт возьми, – произнес я, – Я даже фигурки из палочек рисовать не умею.

А вы все художники.

Эмилио засмеялся и хлопнул в ладоши.

– Наконец–то я хоть в чем–то смогу победить.

Я тыкал пальцем в сидевших за столом.

– Они – визуальные аниматоры!

Эмилио прыснул.

– Не стоит меня недооценивать, братишка.

Принесли наши блюда, и чем дольше мы выпивали и ели, тем чаще рисовали и покатывались со смеху. Я впервые попытался что–то изобразить, а Эндрю должен был угадать, что это такое.

– Что это на хрень? – завопил он.

– Завали! Не умею я рисовать! – Я зашелся в хохоте.

Эндрю взволнованно покачал головой, на догадки оставалось лишь несколько секунд.

– О, боже. НЛО притягивает лучом две сковороды.

Все взорвались смехом, а я спрятал лицо в ладонях.

– Это велосипед!

Эндрю склонил голову и, прищурившись, разглядывал мой рисунок. А потом охнул.

Эмилио вот–вот должен был лопнуть, так сильно он хохотал.

– Окей, наша очередь.

Эмилио прочел карточку с подсказкой, а Питер выставил на таймере тридцать секунд. Он плавно царапал что–то на планшете, а Даниэла подглядывала. И сверкнула прекрасной улыбкой.

– Статуя Свободы, – бросила она.

Он еще даже не закончил, но и по нескольким карандашным штрихам можно было разобрать очертания. Идеальные пропорции. Все выполнено умело.

– Очень круто, – сказал один из друзей Эндрю и кивнул. Его звали Стивен?

По прошествии некоторого времени мы прекратили пользоваться карточками с подсказками и просто выбирали различные тематики. Когда было произнесено слово “дракон”, все заулыбались. Эндрю, как и некоторые его друзья, по–быстрому набросал Беззубика. Кто–то нарисовал других драконов из фильма, и они невообразимо походили на оригинал. А потом до меня дошло, что они и *были* оригиналом, и я не мог поверить, насколько потрясно все было сделано. Эти люди в действительности рисовали тех героев, и у меня мозг взрывался от того, что на куске бумаги они словно ожили.

Спустя несколько минут Лола и Габ продемонстрировали нечто похожее на огнедышащую собаку. Дракон Янни и Питера был схож с огнедышащей уткой. Я не стал даже пытаться, довольствовался тем, что опустил ладонь на бедро Эндрю и наблюдал, как на моих глазах он воссоздавал любимого персонажа.

Но потом Эмилио положил карандаш и пихнул планшет на середину стола, чтоб всем было видно.

– О, вау. Изумительно. – Все в унисонсыпали его похвалой, и с легкостью можно было понять почему.

Дракон Эмилио не был мультишным персонажем. Это был натуралистичный совершенно прорисованный дракон с чешуей, зубами, хвостом и блестящими глазами, а в лапе он держал яйцо. Несмотря на то, что рисовал он меньше минуты, картинка вполне подошла бы для татуировки.

Все побросали карандаши и объявили Эмилио победителем. Он засмеялся, гордость и смущение окрасили его щеки. Кажется, я впервые увидел, как он краснел.

Уже было довольно поздно, и Габ с Лолой поднялись и извинились за ранний уход. Эмилио и Даниэла решили отправиться домой вместе с ними, хотя недвусмысленно мне намекали, что мы оба обязаны прийти на наш традиционный воскресный поздний завтрак.

— Э... Завтра утром мы заняты, — пояснил я. — Обедаем у родителей Эндрю. — Мне стало неловко, потому что мы никогда не пропускали наши воскресные посиделки за кофе и чаем.

Эмилио пожал плечами.

— Тогда перенесем на ужин.

Когда они ушли, Эндрю дотронулся рукой до моего бедра.

— Все хорошо?

— Да. — Я улыбнулся. — У тебя суперские друзья.

От его ухмылки сжалось сердце.

— Спасибо.

— Спэнсер, — весело заговорила Лиень. Она была крошечной китаянкой, чей зычный хохот компенсировал недостаток роста. — Значит, ты не плод воображения Эндрю.

Эндрю простонал, а я засмеялся.

— Нет. Раз сижу здесь, значит, я настоящий.

— Стоит признать, что, судя по рассказам, ты слишком хорош, чтобы быть правдой. — Джейс улыбнулся и подмигнул. — Эндрю говорил, что его новый парень — милый, забавный австралиец... — он похлопал ресницами, — просто мечта.

Эндрю откашлялся.

— Вот так ресницами я не делал.

Шель встала на его защиту. Типа.

— Даже после моего знакомства с тобой, Спэнсер, эти ребята считали, что я была вовлечена в схему Эндрю с фейковым бойфрендом.

Фейковые бойфренды...

Я расхохотался. *“Боже, если б они только знали”*. Ну, Шель знала и не очень-то незаметно подмигнула Эндрю. Питер и Янни восторженно нас разглядывали и, к счастью, хранили молчание.

— Я польщен. — Я улыбнулся Эндрю, зная, что щеки выдавали мое смущение. — Но да, я настоящий.

— О, оно и видно, — сказала Юши. В ее глазах танцевал юмор, хотя она явно разглядывала Эндрю с любовью. — Нельзя сыграть то, как вы друг на друга смотрите.

Не сомневаюсь: я стал ярко-красным с головы до ног. Попытался зашифроваться и сделал глоток своего напитка, но ничего не вышло. Я глянул на Эндрю. Он стеснялся не меньше меня. Спрятал лицо на моем плече, и, к счастью, Питер заговорил до того, как мы оба умерли от тяжелого случая унижения. Он задавал вопросы о последних работах или о чем-то наподобие, и за столом завязалась дружеская мультипликационная дискуссия, включавшая и Эндрю. Я мельком глянул на Питера, и он понимающе кивнул. Я улыбнулся, нас обоих вполне устраивало просто сидеть и наслаждаться подтруниванием и смешками.

Я был счастлив видеть Эндрю в родной стихии. Когда пришло время закругляться, он улыбался от уха до уха.

— У меня от смеха бока болят, — забравшись в постель, сказал он.

– У тебя крутые друзья.

– Они считают тебя замечательным.

– А теперь они еще и в курсе, что я на самом деле существую.

Он фыркнул.

– Наверно, я переусердствовал с описанием, раз никто не поверил. Знаешь, выставил тебя идеальным бойфрендом. Они решили, что я несу чушь.

– Но я и есть идеальный бойфренд.

Он рассмеялся и перекатился на меня.

– Да, ты такой. А теперь и им об этом известно.

Я поцеловал его и провел руками по спине до округлой задницы, которую сжал. Он застонал мне в рот и приподнял зад повыше. Поэтому, будучи идеальным бойфрендом, я дал ему именно то, о чем он меня умолял.

Глава 7

С парившими во всю мощь в животе бабочками я принял душ, причесался и, одевшись, вышел к Эндрю. Он сидел за роялем, но, заметив меня, играть прекратил. На мне были песочного цвета брюки, белая футболка и синий пиджак. Я опустил взгляд на свой наряд.

– Нормально?

Он поднялся и не спеша оглядел меня с головы до ног.

– Идеально.

Одет он был в брюки цвета древесного угля, я никогда у него таких не видел. Казалось, сшиты они были на заказ. Судя по тому, как плотно они облегали его бедра, быть магазинными брюки просто—напросто не могли. А простецкая футболка сочеталась с бледно—голубыми полосками на его сером жилете с ромбиками.

Я вытянул руки.

– Рукава вверх или вниз? – Я не знал, как было предпочтительнее его родителям. Меня все—таки увидят их друзья.

Ответил он без промедлений.

– Вверх. – Когда я завернул рукава до локтей, он долго меня рассматривал. – Ты вроде бы нервничаешь.

– Я нервничаю.

– Но ты же часто делал подобные вещи, – переборов улыбку, сказал он. – Разве нет? Ну, знаешь, на фейковых свиданиях и званых вечерах, на которых не хотел присутствовать.

– Это не одно и то же. Там была игра. А сейчас – нет. Сейчас реальность. Там будут твои родители и их друзья.

– И нам с тобой и Сарой будет скучно до чертиков, пока мои родители и их друзья—актеры будут трепаться о днях своей славы и рассказывать смешные истории о закулисном развлечении, безусловно, не о своем собственном, и будут стараться выглядеть круче, чем есть на самом деле.

Я рассмеялся.

– Ну, ладно. Может, нам стоит обзавестись кодом для незамедлительного спасения? Типа если во время общения с кем—нибудь меня необходимо будет выручить, я дерну за бороду, – я потянул себя за бакенбарды на подбородке, – и вы с Сарой меня спасете.

Эндрю хмыкнул.

– У нас уже предусмотрены коды. Если Сара играется с сережкой, значит, мне нужно ее выручать. Если кто—нибудь настаивает на игре на рояле, я имитирую кашель, и Сара уводит меня в кухню выпить стакан воды. Потом мы прячемся в кухне вместе с официантами и поглощаем канапе. – Он весело кивнул. – Поверь, мы так делаем с тех пор, как научились ходить. Но я проинформирую Сару про маневр с бородой.

– Отлично.

– Готов?

– И всегда буду.

Он приник ближе и меня поцеловал.

– Спасибо, что идешь со мной.

– Всегда пожалуйста.

***

Обед прошел не так уж и плохо, если сравнивать с описанием Эндрю. Вообще—то, было вроде как весело. Я понятия не имел, кем были гости. Знаменитые бродвейские актеры или нет, я их сроду в глаза не видел. Что работало в мою пользу: я не имел ни малейшего понятия, кто был знаменит больше, и общался со всеми на равных.

Легко можно было понять, кто считал себя лучше остальных, а еще с легкостью

много было заметить, что из всех присутствовавших родители Эндрю пользовались наибольшим уважением. Я был экспертом по чтению людей и без особого труда понял: каждый человек знал, где ежеминутно находились Хелен и Алан Лэндоны.

Их уважали, ими восхищались, но при этом они были очень приземленными. Мне пришлось задуматься: а не потому ли их так любили люди? Эндрю и Сара вели себя забавно. Они были отличной командой, ловко увиливали от гостей и вежливо всем улыбались. Годы, посвященные подобным вечеринкам, научили определять, кто был искренен, а кто пришел сюда лишь ради соблюдения приличий.

– Фу, Гвендолина здесь, – прикрыл рот бокалом шампанского, прошептала Сара.

Эндрю с точностью секретного агента просканировал комнату, но, заметив упомянутую Сарой женщину, стон подавить не сумел.

– Кто такая Гвендолина? – тихо спросил я.

Сара заговорила, как чревовещатель. На самом деле было поразительно, как эти двое проводили проверку.

– Женщина возле двери.

Я не обернулся, вместо этого отхлебнул из своего бокала и попытался вести себя столь же сдержанно, как и они.

Потом Эндрю произнес:

– Вон та с похожим на кошачью задницу ртом.

Шампанское у меня пошло носом.

Сара скрыла смех за кашлем.

– Скажу так: если б она получила роль египетской мумии, перебинтованной золотом и забальзамированной, ей бы не понадобились ни реквизит, ни грим.

Вытерев нос салфеткой, я рискнул отыскать взглядом обсуждаемую женщину. Описание Сары и Эндрю оказалось до абсурда точным. Bay.

Эндрю дополнил:

– Уверен, она умерла еще в девяностые. А ее тело функционирует исключительно благодаря химикатам в лосьоне для загара и лаке для волос.

Я был очарован.

– Ну, мне стоит пойти представиться, – объявил я.

– Чего? – шепотом прокричал Эндрю. – От нее в дрожь бросает. От нее бросало в дрожь, когда мне было пять. А сейчас и подавно.

Я прыснул.

– Мне нужно увидеть собственными глазами, действительно ли ее кожа настоящая, или она носит кожаный костюм, как в “Молчании ягнят”.

Он хототнул и процитировал фильм:

– Оно втирает лосьон в свою кожу.

– Иначе его опять окатят водой из шланга.

Сара засмеялась.

– О, боже. Вы идеальны друг для друга.

В общем, я пошел знакомиться с Гвендолиной. Очень быстро я пришел к выводу, что долго общаться с ней было нереально. Спустя десять минут я знал все ее прошлое и отлично отрепетированный список спектаклей. Говорила она чрезмерно громко, а глаза были расфокусированы. Но для ношения очков и слухового аппарата она явно была чересчур тщеславна. Какая жалость. Если б она видела, что на ней было надето, пришла бы в ужас. Кричащий, устаревший и пропитанный запахом нафталина и лаванды нарядец. Выглядела она столь же прекрасно, как и благоухала.

– Первая постановка у меня была в тысяча девятьсот сорок восьмом году, – рассказала она.

Господи, боже. А Эндрю–то мог быть прав. Я похлопал ее по руке.

– Вы вышли на сцену, еще будучи новорожденной? – Я слишком увлекся своим шармом. – Иначе каким образом вы оказались в актерском составе? Вы выглядите очень молодо.

– О, ну разве ты не дьявол? – проворковала она и мечтательно улыбнулась. Я взял ее за руку и повел к толпе.

– Давайте найдем вам что-нибудь выпить, – сказал я.

Мы оказались в компании других гостей, большинство было старше меня раза в два, зато раза в два моложе Гвендолины. Но мы вписались, вежливо болтали с гостями и смеялись, потому что Гвендолина была до одури смешной. Окинув взглядом комнату, я заметил, что Эндрю вместе с матерью любовно мне улыбались. Изящно и элегантно ко мне подошла Хелен.

– Спэнсер, можно тебя на минутку?

– Конечно, – ответил я.

Я предложил Гвендолине переместиться на диван, и когда она с удобствами устроилась, прошел с Эндрю и его родителями в кухню, где суетливые официанты готовили подносы с канапе. Я понятия не имел, в чем было дело. Может, они решили, что спасали меня от высущенного на солнце динозавра в фиолетовой тунике из полиэстера?

– Гвендолина – та еще приколистка, – проговорил я. – Трехсотлетняя очень смешная извращенка.

Эндрю захотел и обвил рукой мою талию, но глядел на мать.

– Мам, в чем дело?

Окей, значит, Эндрю тоже ничего не знал.

– Спэнсер, я хочу попросить об одолжении, – ласково начала она. – Понимаю, что, возможно, попрошу о многом, но учитывая, что ты отыскал Янни...

– Что случилось с Янни? – перебил Эндрю. – Мы с ним виделись прошлым вечером, и все у него было в порядке. Выглядел он счастливым. Я думал, он в своей комнате. – Эндрю перевел взгляд на меня и ждал подтверждения.

Я кивнул.

– Прошлым вечером у него все было прекрасно. Он в норме? И все хорошо, миссис Лэндон. Что бы вам ни понадобилось, просто скажите.

Она улыбнулась.

– У Янни все отлично. Он решил провести день в компании Питера. Сегодня показывают какой-то немой фильм, и ему не приглянулось проводить два дня подряд среди толпы.

Узнав, что Янни был в порядке, я расслабился, но миссис Лэндон упомянула мои поиски.

– Чем я могу вам помочь?

– Одна из обязанностей фонда «Акация» – предоставлять пережившим насилие людям из ЛГБТКИ⁶-сообщества безопасную гавань, – пояснила она. – У нас был случай с молоденькой девочкой, у которой все было прекрасно, но после перебранки с отцом она вернулась на улицы. Для нас подобное дело необычно, и когда я обсуждала этот вопрос с командой, кто-то сказал: «Жаль, у нас нет связей на улицах, человека, который мог бы отыскивать их и сообщать, где можно получить помощь». Полиция чересчур занята, чтобы искать детей, которые не нарушили закон или фактически не пропали. Они скрываются. И я вспомнила о тебе, Спэнсер, – глядя прямо на меня, произнесла Хелен. – Ты нашел Янни.

Я моргнул несколько раз.

– Вы хотите, чтобы я помог с поисками пропавшего ребенка?

– Ей пятнадцать, и жила она отнюдь не легкой жизнью. Среди них не все

подростки. Но да. Если они относятся к группе риска, мы должны помочь.

– Мам, Спэнсер этим не занимается, – мягко проговорил Эндрю.

– Сделаю. – Я посмотрел на всех по очереди. – Если я могу помочь хотя бы одному попавшему в беду ребенку—гею, значит, помогу.

Хелен лучезарно мне улыбнулась и сжала мое предплечье.

– Надеюсь. Детали сможем обсудить позднее. Простите, что во время вечеринки я говорю о работе, но мне хотелось выловить тебя до того, как Гвендолина предложила какую-нибудь гнусность.

– Мам! – зашипел Эндрю.

Я захохотал.

– Она уже предлагала. Я очень вежливо ей ответил, что нахожусь здесь в компании мужчины, но, как ни странно, ее это не отпугнуло.

Хелен расхохоталась.

– Она шаловливая женщина. Очень отважная. Много лет назад она мне помогла, и каждый год в знак благодарности я забиваю мероприятиями ее социальный календарь.

Кто-то позвал миссис Лэндон, и когда я обернулся к Эндрю, он разглядывал меня не совсем понятным взором.

– Что?

Он медленно покачал головой.

– Ты вообще в курсе, насколько замечательный?

– Да не собирался я принимать предложение Гвендолины, – пошутил я.

Он подавил улыбку.

– Ты понимаешь, о чем я.

– Я говорил на полном серьезе. Если я могу помочь хотя бы одному ребенку—гею, значит, помогу.

– Вот почему ты замечательный.

Я глубоко вздохнул.

– Кажется, в следующем месяце выйдет мой журнал “Замечательные и щеголеватые австралийцы”.

Он захохотал.

– Полезно знать.

Официанты выносили из кухни подносы, и Алан, отец Эндрю, потребовал всеобщего внимания.

– Нам стоит туда выйти? – спросил я Эндрю.

Он посмотрел на меня так, будто у меня выросла вторая голова.

– Боже милостивый, нет.

Мы слышали, как Алан обращался к гостям, самоотверженно, почтительно и весело рассказывал о своей жене, семье и давних друзьях и, безусловно, об отличной еде. Ответом послужили “ура” и “дело говоришь”. Мы же все это время оставались в кухне. Эндрю присвоил поднос с различными причудливыми канапе и, не успел он запихнуть штучку в рот, как нас тут же засекли.

– Вы двое! Вы меня бросили. – В грандиозную кухню ворвалась Сара. – У нас была договоренность! – Потом она осмотрела поднос, который до сих пор держал Эндрю, и взяла канапе. – О, мне нравится.

Эндрю с набитым ртом засмеялся, потом повернулся ко мне и протянул поднос.

– Мама, когда планировала меню, специально просила делать без моллюсков.

Я взял маленький квадратик, который вроде бы был сыром и перцем с бальзамическим уксусом. Боже, было вкусно. Следующий час мы с Эндрю и Сарой скрывались в кухне, смеялись и болтали о всякой ерунде. В конце концов, мы вернулись обратно и обнаружили, что и без того небольшой список гостей стал еще меньше. Кто-то

пил шампанское, кто–то – кофе, но все улыбались, и было очевидно, что эти люди дружили довольно давно. Я почти огорчился, заметив, что Гвендолина уже ушла домой. Но опять–таки было около четырех часов дня. Должно быть, она уже улеглась спать. Либо первой стояла в очереди в клуб “Авалон” и готовилась фотографировать мальчиков гоу–гоу.

Я оказался в компании видного старичка по имени Дэвис. Мы обсуждали австралийскую литературу. Он был заинтригован и, посмею сказать, слегка впечатлен. Но вскоре его окрикнула жена, и остались только мы.

Простонах, Алан рухнул на диван.

– Дорогая моя, пообещай, что в ближайшем будущем у нас не будет “всего–то парочки друзей за обедом”.

– О, было весело. – Хелен захохотала, взяла пустой стакан и протянула официанту. – Пожалуйста, принесите оставшиеся канапе. Как только я сяду, уже больше не встану. – Но она прошла к развлекательному центру, и спустя несколько секунд заиграла “Огромный шар огня”. – О, я обожаю эту песню, – сказала она, подошла к Алану и в молчаливом приглашении потанцевать протянула ему руку.

Он отмахнулся.

– Я слишком стар!

Я протянул ей руку.

– Позвольте?

– Оу. – Она театрально приложила руку ко лбу. – Позволю.

Я провел ее на импровизированный танцпол между мебелью и, повернувшись к ней лицом, глубоко вздохнул. И мы начали танец в стиле пятидесятых. Двигался я немного скованно, но она прощала. Мистер Лэндон смеялся вместе с нами, Эндрю остолбенел, но был счастлив, а Сара могла только хохотать и хлопать в ладоши.

К моменту окончания песни мы оба тяжело дышали.

– Где ты научился так танцевать? – спросила Хелен.

– Тетя Марви научила. – Я улыбнулся. – Не практиковался несколько лет, что, должно быть, заметно.

– Много лет я вот так не танцевала с мужчиной, – изрекла она и бросила на мужа насмешливый взгляд.

Все покатились со смеху. Я помнил слова Эндрю, что он не танцевал, но пришел к выводу, что стесняться здесь было некого. Я прошел к дивану, где они с отцом изображали из себя скромников, и протянул ей руку.

– Окажешь мне честь?

Он совершенно точно собирался отказаться, но отец и сестра его перебили. И по прошествии целой песни он сдался.

– Не умею я танцевать, – нехотя поднимаясь, пробурчал он.

Вместе с ним я вернулся туда, где танцевал с его матерью, и как раз вовремя началась следующая песня – «Джорджия в моей голове», медленная–медленная композиция. Я притянул Эндрю к себе. Может, и было чудно танцевать перед всей его семьей, но он, казалось, не возражал. Когда я обернулся, Хелен сидела на диване, а Алан массировал ее босые ступни.

– Так нормально? – прошептал я Эндрю на ухо.

– Да, – пробормотал он. – Очень даже нормально.

Он едва шевелил ногами, но все равно было прелестно. А когда началась следующая песня, он не отстранился. Я прижался губами к его виску и проговорил:

– Мне думалось, ты не любитель танцевать.

– Просто не хочу, чтоб родители лицезрели мою маленькую проблемку, – пробубнил он, а потом качнул бедрами.

“Вот оно что”. Я захотел, а затем прошептал:

– Проблемка вовсе не маленькая.

– Эй, вы двое, хватит, – прокричала Сара. – Мне завидно до тошноты.

Смузено засмеявшись, мы оторвались друг от друга, и Сара пропихнула между нами поднос с канапе.

– Ешьте. Если уж мне суждено разжиреть, я заберу вас с собой.

Все еще улыбаясь, я подхватил какие-то зажаристые шарики и откусил. Я сделал всего один укус и понял... Я понял, что ничем хорошим это не закончится. Я попытался сглотнуть и откашляться. Но горло сдавило, сильно сдавило. Я расстегнул верхнюю пуговицу. Опять попытался откашляться.

Дальше посыпалось все сразу.

– Спэнсер?

Я силился дышать. Легкие нуждались в воздухе, но несмотря на мои старания, дышать все равно не выходило. Голова начала пульсировать и кружиться из-за нехватки кислорода, и я припомнил, как мне подумалось, что больно не было. И что слово “анафилаксия” было довольно своеобразным.

– Боже мой, Спэнсер!

– Его “эпипен”! – Голос Эндрю звучал безумно. Он паниковал, а я лежал на спине на полу, разглядывал потолок и их обеспокоенные лица. И по-прежнему не мог дышать. – Пальто! Принесите его пальто!

Мне было жарко, чересчур жарко, и не хватало воздуха. Руками Эндрю обхватил мое лицо и что-то говорил. Он выглядел испуганным. До меня долетали голоса. Отец Эндрю подошел ближе, и я почувствовал резкий удар по бедру.

Боли не было. Только темнота.

Глава 8

Даже не открывая глаз, я знал, где находился. Звуки, запах... Больница. Кто-то стиснул мою руку, что побудило меня взглянуть.

Эндрю.

Уперевшись локтями в кровать, он сидел возле меня и крепко сжимал мою руку в своих руках. Наши переплетенные руки были около его лица, а глаза его были закрыты. Он выглядел усталым и будто постарел лет на десять.

– Привет. – Мой голос надломился, горло словно чем-то царапнуло, но он меня услышал.

Он стрельнул в меня глазами и от видимого облегчения осел.

– О, Спэнсер.

– Сколько...? – Я даже не сумел закончить вопрос. – Воды.

Он по-быстрому дотянулся до маленького стаканчика и поднес к моим губам.

Благодаря холодной жидкости горло тут же расслабилось.

– Спасибо.

Эндрю поставил стаканчик на стол возле моих ног.

– Сейчас десять минут девятого, – вновь взяв меня за руку, сказал он. – Ты здесь с пяти. Сюда тебя доставили фельдшеры.

Я ничего не помнил.

– Мам, – крикнул Эндрю. Почти мгновенно вошли Хелен, Алан и Сара. – Можете сообщить, что он очнулся?

– Я схожу, – произнесла Сара и испарилась.

Хелен подошла к моей постели. Опустила ладонь на мою руку и печально улыбнулась.

– Мне жаль, что так случилось. Я уточняла про аллергию на моллюсков. С рестораном я разберусь. Не переживай.

В палату вошла медсестра – «*У меня что, отдельная палата?*» – проверила какие-то приборы и поинтересовалась моим самочувствием. Затем пришел доктор, но, рассказывая про “тяжелый случай аллергической реакции” и лекарства, которые мне дали, он обращался к родителям Эндрю, а не ко мне.

– Когда была первая аллергическая реакция? – задал доктор вопрос. Врач считал родителей Эндрю моими родителями?

Безусловно, они понятия не имели, когда у меня была первая аллергическая реакция.

– В три года, – ответил я. – Тогда был первый раз. А повторилась, когда мне было двенадцать.

Доктор нахмурил брови.

– Полагаю, становится хуже?

Я кивнул, потом пожал плечами.

– Наверно.

– Ну, вам очень повезло, что ваш отчим был рядом и ввел эпинефрин. В противном случае они навещали бы вас в подвальном помещении. Если вы понимаете, о чем я.

В подвале больницы располагался морг.

– Да.

– Мы оставим его на ночь, – сказал доктор. – И следующие сорок восемь часов я посоветовал бы не оставлять его в одиночестве. – Он еще что-то лепетал, но я очень устал и пребывал в замешательстве.

После ухода врача Эндрю взял меня за руку и пояснил:

– Мама сказала, что ты ее сын, а отец – твой отчим, – тихо проговорил он. – Нас

считают братьями.

Хелен похлопала меня по ноге.

– Чтоб он мог оставаться с тобой в палате.

– О, спасибо. – Горло снова царапнуло, отчего я поморщился. – Еще воды.

Эндрю поднялся и помог мне попить. Потом Алан изрек:

– Мы оставим вас на минутку. – Он вывел Хелен и Сару за дверь.

Я глубоко и утомленно вздохнул. Я ощущал усталость всем своим нутром. Эндрю коснулся ладонью моего лица.

– Я охереть как испугался, Спэнсер.

Я кивнул.

– Я тоже.

– Ты перестал дышать. Я подумал, что ты умрешь. – Он сжал мою руку и покачал головой. Он боролся со слезами. Он прильнул ближе и прижался ко мне губами. – Я люблю тебя, – выдохнул он.

Прежде чем я успел ответить, ярким и обеспокоенным пятном в палату ворвалась Лола. Увидев меня, она замерла на месте.

– Спэнсер!

Следом за ней, бледный как приведение, вошел Габ. Содрогаясь, он сел, поднял глаза и, объясняясь, выдал:

– За рулем была Лола. – У него дернулся глаз. – И ехала быстрее обычного.

Лола набросилась на меня с объятиями и выдавила те немногие признаки жизни, что во мне еще оставались. Обычно Эндрю отходил в сторонку, но я по-прежнему держал его за руку. И не отпустил бы ни за что.

– Ты в порядке? – спросила Лола и погладила меня по лицу и волосам. – Мне позвонил Эндрю. Хочешь, чтоб я заработала сердечный приступ? – Она посмотрела на Эндрю. – Спасибо. Как дела? Слава богу, ты его спас.

Эндрю покраснел.

– Вряд ли я много сделал. Отец сохранял спокойствие. А мне крышу снесло.

– Неправда, – донеслись из дверного проема слова Аланна. – Именно Эндрю сказал, где был «эпипен».

Лола дотронулась до моей бороды и попыталась привести в порядок прическу.

– Нас один только пересказ напугал.

В этот момент вошла медсестра и остановилась.

– Ну, и кто должен здесь находиться?

– Мы все, – ласково ответила Лола. Розовые волосы были собраны в твист, макияж был совершенен, и на ней было похожее на кексик кукольное платье. Но все это медсестру не обдурило.

Сестра кивнула на меня.

– Мистеру Коэну нужен отдых. Он практически умер, что довольно изнурительно. Часы посещения подошли к концу. – Потом она заприметила Габа. – Сэр? Вам нехорошо?

Габ, по-прежнему потный и бледный, глянул на нее и отмахнулся.

– Моя жена водит как сатана под наркотой.

Я, как и все остальные, хмыкнул, и прежде чем Лола успела начать спорить, Сара обвила ее руками, и они вышли. Габ отправился следом, Алан похлопал меня по ноге, а Хелен пообещала, что они вернутся утром.

Глядя на Эндрю, медсестра вздернула бровь, но он уселся рядом со мной.

– Я остаюсь.

Нужно было что-нибудь сказать. Перед тем, как нас прервали, он признался мне в любви, а я так ничего и не ответил. Но я дико устал. Глаза сами собой закрывались.

Эндрю большим пальцем рисовал круги на тыльной стороне моей ладони, а потом

приподнял ее и поцеловал туда, где только что был его палец.

– Спи, Спэнсер. Я буду рядом.

У меня не вышло сформулировать ни слова, поэтому я сжал его руку и держал так крепко, как позволял мой ослабший организм. И я уснул.

***

Проснулся я, когда пришедшая на вечерний обход медсестра проверяла аппаратуру. Эндрю спал на раскладушке, и от знания, что он до сих пор был здесь, в груди потеплело.

Он меня любил. Я знал, что он любил. Я слышал, как он рассказывал матери. Но он признался мне. Он признался мне, что любил меня. Это было сказано. Слова уже нельзя было забрать назад. Я не сомневался, что в отношении этих трех слов у вселенной имелась оговорка “никаких возвратов”. Не то чтобы мне хотелось, чтобы он от них отказался. Боже, да это последнее, чего мне хотелось.

Зато мне хотелось, чтобы мой глупый мозг и еще более глупое сердце определились, что делать с этими словами.

Самое сложное заключалось в том, что я тоже его любил. Мой глупый мозг был в состоянии признать, что мое предательское сердце сотворило то, что много лет назад я поклялся не делать. Что я влюбился.

И вот он спал на раскладушке в моей больничной палате. И я его любил. Он делал меня счастливейшим мужчиной в мире. Все дело было в словах, тех трех коротеньких словах. Можно было сознаться самому себе, что я любил Эндрю. Но заставить себя произнести их перед Эндрю я не мог.

Было нечто совершенно кошмарное во вручении израненного сердца другому человеку.

Все эти мысли наряду с постоянным писком и наполнявшими больницу звуками не давали уснуть. Эндрю очухался в начале седьмого, растерянный и немного не выспавшийся, но как только понял, где находился, тут же подумал обо мне.

– Привет. Как себя чувствуешь? – Голос его хрипел, и он провел руками по лицу.

– Гораздо лучше. Усталость по–прежнему есть, но мне уже лучше.

Он встал и потянулся. На нем до сих пор была вчерашняя одежда, после сна он выглядел помято и великолепно. Он поймал меня на подглядывании и улыбнулся.

– Что?

– Ничего. Спасибо, что остался.

– Где ж еще мне быть?

Я протянул ему руку, и он ее принял.

– Я практически всю ночь не спал. И почти присоединился к тебе на раскладушке. Он улыбнулся и провел моей рукой по своему небритому подбородку.

– Вряд ли «братья» могут быть настолько близки.

О, точно.

– Братья?

– Вообще–то, сводные братья, но да.

– Я бы сказал, что мне до ужаса приятно, что мой сводный братишко остался на ночь, и мне захотелось пообщаться с ним в его постели.

Вошла медсестра, Эндрю резко отпустил мою руку и поднялся. Он открыл оконные шторы, а сестра проводила рутинную проверку и печатала что–то на компьютере.

– Скоро будет завтрак, – уходя, сообщила она.

Эндрю поморщился и вынул телефон из кармана. Что–то написал, потом посмотрел на меня.

– Ты не будешь есть больничную еду.

– Я как бы голоден.

– Как и я, но больничную еду подают в гастрономическом аду.

Я усмехнулся, отчего проснулся мой мочевой пузырь.

– Надо отлить.

– О, давай помогу. – Эндрю опустил ладонь мне на плечо.

– А подержать за меня не хочешь?

Он засмеялся.

– Вряд ли кто–нибудь оценит.

– Я в порядке, – заверил я, поднялся на ноги и потащил за собой стойку капельницы. – Встать я могу.

Он закусил губу.

– Не в этом смысле, – фыркнув, произнес я. – Точнее в этом смысле тоже могу, но мне не хотелось бы в момент прихода доктора щеголять палкостоянием.

– Чем?

– Типа стояком, только добавь сюда еще и полный мочевой пузырь. Ну, знаешь, такое бывает. – Я прошел в ванную комнату и подкатил к себе физраствор. – Через сорочку видно мой зад?

– А, да.

Я покрутил задницей.

– Прекрасно. – Я закрыл дверь, опустошил мочевой пузырь, потом помыл руки и умыл лицо. В больницах мне всегда казалось, что я грязный. К двери я стоял спиной, чтоб у Эндрю был идеальный обзор на мой зад. Протянув за спину руку, я распахнул дверь. – Знаешь, эти сорочки могут пригодиться. Может, стоит прихватить домой?

Только вот засмеялся не Эндрю. А Сара. Очень громко. Я обернулся. Эндрю медленно закрыл лицо руками, Сара, согнувшись, беззвучно сотрясалась от хохота, родители Эндрю, у которых в руках были еда и напитки, пытались сдержать смех, а врач приподнял бровь, неспешно кивнул и проговорил:

– Думаю, вы можете ее забрать.

Не сомневаюсь, я стал бордовым от головы до кончиков пальцев на ногах. И пропищал:

– Я не знал... Господи, простите.

– Я так понимаю, вам стало лучше? – спросил доктор.

– Гораздо. – По–прежнему избегая зрительного контакта с присутствовавшими в палате, я обошел их всех и присел на кровать. И удостоверился, что все было должным образом прикрыто. – Пожалуйста, можно мне домой? Я предпочел бы умереть от смущения там.

Влетела медсестра, без слов забрала капельницу, а когда она ушла, выражение лица доктора из веселого стало серьезным. Он прочитал мне лекцию о тяжелых формах аллергии, типа я ничего не знал, и кивком показал мне готовиться к выписке.

– Как уже было сказано прошлым вечером, я предпочел бы, чтоб ближайшие двое суток вы не оставались в одиночестве. При первых же признаках головокружения или тошноты, одышке или отечности вам нужно будет вернуться.

– Я могу с ним остаться, – сказал Эндрю.

Доктор фыркнул.

– Скоро с бумагами вернется сестра. Сделайте все возможное, чтоб она не поймала вас за кражей сорочки.

– Я пошутил. И мне очень жаль, – пробубнил я, и меня поглотила новая волна позора.

После ухода доктора первым захотел Эндрю. Он хлопнул в ладоши и качнулся с пятки на носок.

– Ну, зато теперь все видели тебя со спины.

Я швырнулся в него подушкой. Она была тяжелой как кирпич. Я надеялся сделать

ему больно, но он с легкостью ее поймал.

– Держи, дорогой. – Хелен вручила мне стакан. – Зеленый чай. Эндрю подсказал, какой заказ сделать. Еще есть пирожные.

Алан протянул пакет, который держал.

– Никаких моллюсков. Я спрашивал.

Я улыбнулся и отпил чаю. Он был восхитительным.

– Спасибо. Спасибо вам всем за все. За чай, за то, что вчера меня спасли, за то, что сделали вид, будто я не продемонстрировал вам свой зад. И за то, что сказали, будто мы родственники, чтоб Эндрю смог остаться.

Хелен улыбнулась.

– А, да. Это скорее была не ложь, а актерская игра. Я до сих пор в состоянии устроить достойное представление. Никто даже не засомневался.

– Спасибо. Я ценю.

– После вчерашнего это было меньшее, что мы могли сделать, – отозвался Аллан.

– Я никого не виню, – сказал я. – Такое случается. – Казалось, я никого не убедил. Поэтому я отхлебнул чаю и выдохнул. – Чай отличный. Спасибо.

Эндрю присел на кровать, отпил кофе и глянул на пакет. Потом вытащил пирожное и откусил.

– М–м–м, гораздо вкуснее больничной еды.

– О, – заговорила Сара, – Лола хотела, чтоб первым делом ты позвонил ей.

Я посмотрел на Сару.

– Не могла бы ты подать мой телефон? Хотя я даже не знаю, где он.

На раскладушке Эндрю рядом со стопкой моей одежды стояла сумка. Я предположил, что там лежали мои пожитки, но уверен не был. Эндрю ткнул в нее пальцем и пробормотал что–то с набитым ртом. Мать его упрекнула, а он закатил глаза. Нормальная такая семья. Невероятная, замечательная и любящая, но совершенно нормальная.

Сара передала мне мобильник и кошелек, и когда я проверил телефон, батарея уже была разряжена.

– Вряд ли она порадуется.

Эндрю взял свой мобильный и что–то пробурчал с полным ртом. Сара закатила глаза.

– Какой же ты мерзкий. – Потом обратилась ко мне: – Думаю, у меня сохранился ее номер. Помнишь, с того раза, когда мы планировали нашу первую встречу? – Она быстро вытащила телефон и пролистала страницы. – Да, есть. Хочешь, позвоню ей?

– Если можно, просто напиши, что я буду дома через... – Я глянул на Эндрю. – Я даже понятия не имею, в какой больнице нахожусь.

Он погладил меня по ноге и, к счастью, проглотил то, что жевал.

– Передай Лоле, что он будет дома в течение часа.

– Спасибо, – сказал я и повалился на кровать.

– Ты выглядишь усталым, – нежно произнес он.

– Прошлой ночью почти не спал.

– Давай ты оденешься, и как только принесут бумаги на выписку, я отвезу тебя домой.

Я кивнул.

– Звучит прекрасно. – Потом я кое–что припомнил: – Эй, разве сегодня не понедельник? Разве ты не должен работать?

– Взял небольшой отпуск. Дней скопилось прилично.

Мне не хотелось, чтоб из–за меня он пропускал работу, но мысль провести с ним целый день в постели была слишком заманчивой, чтоб отказываться. Я доел какое–то

датское пирожное и прошагал в ванную комнату. К моей великой радости, за мной не волочилась капельница, и я придерживал полы сорочки.

По-быстрому я принял душ и оделся во вчерашнюю одежду. Вернувшись обратно в палату, я чувствовал себя гораздо лучше. Для заполнения бланков на выписку не очень-то терпеливо меня ждала медсестра. Я прочитал бумаги. Сестра выдала комментарий на тему, что молодые люди не страхуются должным образом, на что я ответил:

— Австралийские и американские больничные и медицинские страховки разительно отличаются, а получение надлежащей страховки — первое, что по приезду сюда я сделал. Я слышал жуткие истории о том, что за оказание неотложной помощи люди платили бешеные бабки, потому что не были застрахованы. И прикинул, зная свою удачливость, что у меня случится реакция, и я умру в комнате ожидания. — Я поставил подпись и протянул сестре планшет.

Она просмотрела бумаги.

— Вы не вписали родственников.

Я положил ручку. Ответ занял некоторое время.

— Нет.

Я чувствовал на себе взгляды. Эндрю прокашлялся и сделал шаг ближе, чтоб за меня заступиться.

— Ладно, мы можем идти? — Он опустил руку мне на поясницу. — Готов?

Я кивнул.

— Да.

К счастью, Алан пригнал к больнице машину Эндрю, которую вчера он оставил возле дома родителей после того, как я внезапно решил умереть. Мы попрощались, и я раз двадцать сказал «спасибо» его семье. Нас с Эндрю обняли и позволили уехать.

Я усился на пассажирское кресло. На меня обрушилась тяжесть всех тех часов, в течение которых я не спал. Эндрю коснулся ладонью моего колена.

— Тебе нужно поспать.

Я даже поспорить не мог. Я опустил голову на подголовник и закрыл глаза.

— Угу. Хочешь присоединиться?

— Поспать — да, — отозвался он и вырулил с парковки. — Доктор сказал: в течение двух дней никаких физических нагрузок.

Глаза мои по-прежнему были закрыты.

— Я просто полежу. Можешь сделать все сам.

Он хмыкнул, но не согласился. Оставшуюся часть поездки до моего дома он молчал. Я предположил, что это была такая попытка дать мне отдохнуть. Когда мы припарковались позади салона, я с трудом поднялся по лестнице, а Эндрю открыл дверь. Я знал, что в какой-то момент Лола да и все остальные поднимутся наверх. И я понятия не имел, нужно ли было Эндрю куда-нибудь уехать. Но я скинул ботинки и снял рубашку, а потом побрел к кухонному шкафу. Вытащил запасной ключ и сонно подошел к Эндрю.

Я до сих пор не отреагировал на его признание в любви. Сомневался, что сумею. Поэтому я протянул руку.

— Хочу, чтоб он был у тебя.

Эндрю стрельнул в меня взором.

— Если вдруг тебе понадобится уйти и вернуться, — пояснил я. — И если я еще буду спать.

Он охнулся. И не смог скрыть боль на своем лице.

Я схватил его за футболку и удерживал на месте.

— Нет, не так. Я понимаю, что это означает, и понимаю, что это огромный шаг.

Ключ важнее зубной щетки, что меня вполне устраивает. Я даю тебе ключ от своего дома, чтоб ты мог приходить в любое время. Тебе не нужно спрашивать. Я никогда не скажу

«нет». – Я медленно моргнул. – Хочу, чтоб он у тебя был.

– Спэнсер, – прошептал он. – Спасибо.

Я приник к нему и поцеловал.

– Пожалуйста.

– Боже, да ты прям на ходу засыпаешь, – пробормотал он, взял меня за руку и повел в спальню. – В постель.

Я расстегнул и стащил брюки и в одних лишь боксерах улегся в постель. Эндрю укрыл меня одеялом, а потом подобрал мои штаны. Положил мой кошелек на тумбочку и поставил мой мобильный на зарядку, словно старался отвлечься и хоть чем–то себя занять.

– Спасибо. – Мой голос даже для меня звучал утомленно. – Присядь на секунду.

Нерешительно он сделал то, о чем я попросил.

– Что такое?

– Ты в порядке?

– Конечно. Почему должно быть иначе?

– Вряд ли было очень приятно наблюдать мою аллергическую реакцию.

Он хохотнул, но не особо весело.

– Ты почти умер, Спэнсер. Ты перестал дышать. И меня никто не предупреждал, что от введенного «эпипена» тебя будет так трясти.

Я простонал.

– Прости. Должно быть, было кошмарно.

– Да, – тихо ответил Эндрю. Смотрел он прямо на меня. – Но в том нет твоей вины, поэтому не извиняйся.

– Мне все равно жаль. Хотел бы я, чтоб ты этого не видел. Лихорадка – это побочный эффект, по крайней мере, мне так говорили. Не у всех так происходит. Я не знал, что у меня такое бывает, прости.

Он кивнул и печально улыбнулся. В глазах стояли слезы.

– Как же я испугался.

Я сцепил его руку.

– Эй. Ложись. – Я потянул его ближе к себе, он ко мне прижался и обвил себя моей рукой. – Я здесь.

Рядом со мной он расслабился и крепче сжал мою руку. И когда я уже больше не мог бороться со сном, до меня долетел его шепот:

– Я тоже здесь.

***

Разбудили меня звуки пения Дженис Джоплин. Пела она что–то обо мне и Бобби Макги. Занавески в комнате были зашторены, и я понятия не имел, который был час. И был я один. Из гостиной до меня доносились голоса – Эндрю, Эмилио и Лолы – поэтому я скатился с постели, надел шорты, взял телефон и вышел к людям.

– Эй, а вот и он, – сказал Эмилио и поднялся меня поприветствовать. – Как чувствуешь себя, дружище?

– Усталость все еще присутствует. Который час? – спросил я, проверив телефон. Было время обеда. Не удивительно, что я был голоден.

Лола меня обняла и всего ощупала.

– Ты в порядке? Нужно что–нибудь принести?

– Я в норме. Хочу есть, но если ты принесешь моллюсков, будет круто. – Повисло молчание. – Что? Слишком рано?

Эндрю прыснул.

– Не смешно.

Я повалился на диван рядом с Эндрю и прильнул к его груди. Обнял себя рукой и вздохнул.

– Вообще-то, было смешно.
Лола была на кухне.
– Хочешь сэндвич, Спэнс?
– Не откажусь. Я помогу, – сказал я и попытался подняться.
– Нет, я помогу, – отбиваясь от меня, произнес Эндрю и поднялся.
– Ты поможешь? – поинтересовался я. – С готовкой?
Он повернулся ко мне.
– Делать сэндвичи и готовить – разные вещи, умник.
Эмилио засмеялся, и я глянул на него.
– Не занят сегодня?
– Клиент придет в два. Решил подняться и проверить, как ты поживаешь. Эндрю говорил, вчера ты был не в самой лучшей форме.
Я вздохнул.
– Да. Было не очень. Мне повезло, что он и его родители были рядом.
– У тебя еще есть «эпипен»?
– Да, конечно.
– У меня есть упаковка в шкафу возле стойки, – проговорил он. – Проверил после рассказа Лолы. У нее тоже по упаковке в машине и в сумочке. У Эндрю дома есть?
– Я ему дам.
На лице у него появилась маска из разряда «я на полном серьезе».
– Я не шучу.
Его покровительство было явным признаком неравнодушия. Я послал ему улыбку.
– Знаю. И спасибо.
Я включил мобильник, и тут же зажужжали оповещения о пришедших сообщениях и пропущенных звонках.
– Забирай, – крикнула из кухни Лола.
Я поднял свою утомленную задницу с дивана и, просматривая пропущенные звонки, прокручивал экран, как вдруг один из них привлек мое внимание. И не один звонок, их было три. И международный код 612...
Австралия.
– Спэнсер, что такое? – Эндрю стоял передо мной, в руке держал тарелку, на которой лежал сэндвич. Я и не осознавал, что замер как вкопанный.
Несколько раз я моргнул и откашлялся.
– У меня несколько пропущенных звонков из дома. То есть из Австралии.
Эндрю посмотрел на мой мобильник, а затем вернулся взглядом ко мне.
– Сообщения есть?
Я перешел к голосовой почте. К тому моменту, как Эмилио и Лола встали рядом и за мной наблюдали, я нажал на сообщение и включил громкую связь.
– Здравствуйте, Спэнсер. Это Терренс Аскот из «Баркли Соломонс». Пожалуйста, перезвоните мне на этот номер.
Сердце мое билось хаотично.
– Ну, это плохо, – пробормотал я и проверил, который был час. Здесь было начало второго, а значит, там был девятый час утра. Я откашлялся и каким-то чудом умудрился заговорить: – Терренс – мой адвокат.
Зная, что Терренс работал допоздна, я нажал «позвонить». По прошествии нескольких гудков ответила женщина.
– Доброе утро, «Баркли Соломонс», офис Терренса Аскота.
Я сделал глубокий вдох и, глядя на Эндрю, изрек:
– Меня зовут Спэнсер Коэн, мне звонил Терренс Аскот.
Она перевела меня в режим ожидания, и когда он снял трубку, я выключил громкую

связь и приложил трубку к уху. Не хотелось, чтобы все слушали. Я, безусловно, им расскажу, но только после того, как переварю информацию.

– Простите, что пропустил ваши звонки, – сказал я. – Вчера сложилась непредвиденная ситуация.

– Все в порядке?

«О, разумеется. Всего-то чуть не умер. Ничего глобального».

– Да, все в порядке.

На некоторое время воцарилась тишина, а затем он сделал глубокий вдох, словно перед сообщением плохих новостей силился успокоиться. Я знал, что ничего хорошего ждать не стоит. Адвокаты мучительно подбирали слова только в том случае, если новости было трудно проговорить вслух.

Я решил избавить его от мучений.

– В последний раз, когда мы с вами общались, вы проинформировали меня о смерти тети Марви. Разве вам не платят достаточно, чтобы приносить мне радостные вести?

Раздался тихий вздох.

– К сожалению, Спэнсер, сейчас вести тоже плохие. Со мной вышел на связь мистер Льюис Коэн.

– Ох. – Льюис был моим братом. Такого я не ожидал. Я вообще не знал, чего ожидал, но жуткая надежда, будто шарик, раздулась в груди без моего на то разрешения.

– Да, – сказал мой адвокат. – Он попросил меня передать кое-какие безрадостные новости.

Я ждал.

– Скончался ваш младший брат, Арчер Коэн.

Надувшийся шарик лопнул в моей груди, и весь воздух из легких испарился. Неуверенно я присел на диван, а Эндрю опустился рядом со мной. Он взял меня за руку и своим прикосновением, словно осозаемым спасительным тросом, выдернул меня из момента, когда мне начало казаться, будто я тонул.

– Что?

– Он покончил с собой. Мне очень жаль, что именно я вам сообщаю. Льюис без ведома отца связался с моим офисом. Он просил, если вы согласны, чтобы я передал вам его контактную информацию. Он желает с вами поговорить. Если хотите, я могу выслать информацию е-мэйлом.

– Да, – в ответ прошептал я. Больше ничего я сделать не мог. В голове был туман, а зрение помутилось.

– Спэнсер, – ласково продолжил он, – если уж на то пошло, он был очень искренен. На вопрос, почему я должен огорчать вас еще больше, он ответил: «Кроме Спэнсера, у меня никого из семьи не осталось».

После этих слов я больше его не слышал.

Эндрю забрал у меня трубку и положил на стол. А потом взял меня за руки.

– Спэнсер, что такое?

Я не понимал, как сумел заговорить.

– Мой брат умер... Покончил жизнь самоубийством.

Все молчали, кроме запевшего «Нет солнечного света» Билла Уизерса. Лола прошла к проигрывателю и тихонько приподняла тонарм, а Эндрю сжал мою руку.

После этого я впал в оцепенение.

Глава 9

Черт знает сколько времени я пролежал, свернувшись калачиком, в кресле из ротанга и таращился в никуда. Эмилио, Лола и Эндрю шептались в кухне, а я даже не мог вынудить себя прислушаться.

По прошествии некоторого времени подошел Эмилио и коснулся ладонью моего плеча.

— Я вернусь чуть позже. Хорошо, дружище? Если что-нибудь понадобится, я внизу. Кое-как я кивнул.

Потом Лола чмокнула меня в макушку и обняла.

— Я тоже скоро вернусь, ладно, Спэнс? Нужно подготовиться к завтрашней встрече. На обратном пути захвачу обед.

Туман в голове рассеялся.

— Что будет завтра?

Лола выглядела до одурения печальной.

— Четырехчасовая съемка. Попробую уговорить Анжелику меня подменить.

Я не поспевал.

— Зачем?

— Чтоб побыть с тобой.

Я покачал головой.

— Нет, Лола, все хорошо. Я буду в норме. Приходи, как закончишь.

— Дорогой, здесь нет ничего страшного. Я хочу быть рядом с тобой.

— Спасибо, но честно, я буду в норме. Я и так в норме. И Эмилио, — сказал я и наконец-то на него посмотрел. — Проверять меня нет необходимости. Я сам чуть позже спущусь. Мне просто нужно время.

Лола и Эмилио переглянулись, потом глянули на Эндрю, а затем на меня.

— Уверен?

Я откашлялся.

— Да. Я признателен. Сильнее, чем можно подумать. Просто нужно немного личного пространства, чтобы привести мысли в порядок.

Оба молча кивнули, Лола нежно коснулась руки Эндрю, и они вышли. Наверно, завтра придется перед ними извиниться, но сейчас мне была нужна тишина.

Я поднялся и прошел в кухню. Сделанный для меня сэндвич нетронутым лежал на стойке. Я подумывал его съесть, но стоило взять его в руки, как тут же в желудке все перевернулось.

— Ты в порядке? — ласково спросил Эндрю.

По-прежнему таращась на сэндвич с курицей и майонезом, я вновь кивнул.

— Хочется сэндвич с веджимайтом⁷, — прошептал я. — С детства его не ел.

Эндрю дотронулся ладонью до моей спины.

— Хочешь о нем поговорить?

Я покачал головой.

— Не сейчас.

Он убрал руку.

— Хорошо.

Когда я на него посмотрел, он кусал губу и выглядел взволнованным и грустным.

— Что-то не так?

— Все хорошо.

Но явно не было все хорошо. Он не поддерживал визуальный контакт.

– Что случилось?

– Ты хочешь, чтобы я ушел?

«Что?».

– Нет.

– Ты сказал, что тебе нужно время и личное пространство. А если ты не хочешь, чтобы здесь находились Лола и Эмилио, полагаю, и моего нахождения здесь тоже не хочешь. Можешь сказать. Я пойму.

Я покачал головой.

– Не хочу, чтобы ты уходил. – Боже, да это последнее, чего я хотел.

– Что тебе нужно? – спокойным тоном поинтересовался он.

Я вздохнул и оттолкнул сэндвич.

– Не это.

Он медленно кивнул.

– Хорошо. Ты голоден?

– Нет.

Он казался уязвленным и не знал, что ответить.

– Прости, – прошептал я, свесил голову на грудь и глубоко вздохнул. Он стоял неподвижно, дистанция между нами была очевидна. – Понятия не имею, что мне сейчас нужно.

– Лола и Эмилио просто–напросто хотят помочь, – ласково проговорил он. – Не отталкивай их.

– Знаю. – Я повернулся к нему лицом. Он вроде бы готовился уйти.

Он кивнул и, клянусь, сделал небольшой шагок назад.

– Ладно.

– Почему ты уходишь?

– Не ухожу.

– Что в таком случае не так?

Он покачал головой.

– Все так.

– Эндрю, пожалуйста. У меня сейчас нет сил на игры. Если что–то не так, пожалуйста, скажи.

– Я стараюсь не ляпнуть что–нибудь не в тему, – глядя в пол, зашептал он. – Вечно я что–нибудь брякну, особенно в неподходящий момент. Есть у меня склонность все портить, даже самое лучшее. Как, например, чуть раньше...

– Когда чуть раньше?

– В больнице. – Он резко тряхнул головой. – Слушай, сейчас не время для этой беседы. Потому что речь не обо мне. У тебя были ужасные два дня. И тебе со стольким пришлось столкнуться, я даже представить не могу.

«В больнице». Он признался мне в любви, а я промолчал.

– Сейчас самое время. Учитывая, что я почти умер, потом мой брат... – Я сглотнул ком в горле. – Учитывая все это, сейчас самое время.

– Я жду, что ты меня оттолкнешь.

– Что?

– Я подумал, что сказанное мной в больнице... а теперь еще и новости о твоем брате... Не знаю. Жду, что ты посчитаешь, что все это на тебя давит. – Он пожал плечами.

– Но мои слова о том, что я тебя люблю, – правда. Я не стану за них извиняться. И, может, тебе нужно их услышать именно сейчас.

Я закрыл глаза и кивнул.

Эндрю продолжил, и его голос надломился:

– Я старался не надеяться на ответные слова, но, видимо, все же надеялся, а это не

честно по отношению к тебе. Особенно сейчас.

Я попытался унять свое барабанившее сердце.

– Нет.

Эндрю охнул и нахмурился. Я практически не мог говорить.

– Нет. – Он сделал шаг назад, но я стиснул в кулак его футболку. – Нет. Подожди.

Пожалуйста.

Он приподнял мое лицо, и я посмотрел ему в глаза.

– Спэнсер, я не понимаю, что тебе нужно.

– Эндрю, мне нужен ты. Вот и все. Да, мне нужны время и личное пространство, но *не* отдельно от тебя. Мне нужно, чтоб ты был рядом. Без понятия, как со всем этим справиться, но без тебя я не смогу. – Я нервно выдохнул. – Я не могу... Не могу *это* сказать. То, что тебе хочется услышать. Мне хотелось бы. Но я не готов. – Эндрю попытался отстраниться, но я все еще держал его за футболку. – Но моя неспособность говорить не означает, что это неправда. Потому что нет ничего важнее сказанного тобой в больнице, – прошептал я.

Эндрю обхватил мое лицо руками.

– Серьезно?

Я едва заметно кивнул. Измученным голосом сказал:

– Пожалуйста, не оставляй меня.

Он нежно меня поцеловал, а потом крепко обнял. Хотелось в нем спрятаться, хотелось, чтоб он никогда меня не отпускал. Благодаря его объятиям я чувствовал, как заживали мои внутренние раны. Я был в замешательстве, потерян и убит горем. Он чмокнул меня в висок.

– Я никуда не уйду.

Молчали мы очень долго. Просто стояли, обнимались, глубоко дышали и исцеляли свои души. Глубоко вдохнув, я пробормотал ему в шею:

– Мой адвокат сказал, что к нему обратился Льюис и попросил выйти со мной на связь. Он сказал, что, кроме меня, никого из семьи у него не осталось.

Он отклонился назад и дотронулся до моего лица.

– Он хочет с тобой поговорить?

– Понятия не имею. Думаю, да. Адвокат пришлет е-мэйл с контактными данными. Ответил он так, будто я был сделан из стекла.

– Это же хорошо, разве нет?

Останавливая слезы, я заморгал. Меня разрывало в клочья.

– Что если... А что если он опять от меня закроется? А если он решит, что наш отец был прав? А если он пожалеет о разговоре со мной? Эндрю, еще одного раза я не переживу.

Эндрю обнял мое лицо и провел большими пальцами по щекам, словно я был самым большим сокровищем в мире.

– Сначала с ним поговорю я. Узнаю, что он хочет сказать. А потом ты сможешь решить, станешь с ним общаться или нет. А не наоборот. Если хочешь, то есть.

Я кивнул.

– Я хочу с ним поговорить. Но мне страшно.

Эндрю притянул меня к себе, одна рука легла на спину, а вторая гладила по волосам.

– Я буду с тобой.

– Спасибо.

Он провел меня обратно к дивану, прилег и, потянув меня за собой, обнял. Я чувствовал себя спокойным и любимым, и полностью измотанным. Он чмокнул меня в висок, я закрыл глаза и каким-то образом уснул.

Мне снились австралийское лето и празднование на пляже. Но вдруг небо заволокло тучами, а ветер стал холодным. Шестнадцатилетний я бежал по пляжу и выискивал двенадцатилетнего Арчи. Но как бы я ни искал, сколько бы ни кричал его имя, он так и не нашелся.

***

Эндрю был моим спасательным кругом. Он ничего не говорил, когда я плялся в пустоту. Он не задавал вопросов, когда я проснулся бешеным и расстроенным. Он просто был рядом, чтобы я знал, что не был один. И я *не был* один. Он нежно меня касался, когда я этого жаждал. Ободряюще улыбался, когда мне было необходимо. Он был вездесущим и при этом не был деспотичным. Он был моими двумя ногами на твердой земле, когда мне начинало казаться, будто я тону в зыбучих песках.

Он взял данный адвокатом номер телефона и набрал Льюису. Подтянув к себе коленки, я сидел в кресле из ротанга и жалел, что мне не хватило сил позвонить самостоятельно.

По правде говоря, сил не было вообще.

– Алло, это Льюис Коэн?... Меня зовут Эндрю Лэндон, я звоню из Америки. Мы можем минуту поговорить?... Я бойфренд Спэнсера... Да, все верно. Утром он общался с адвокатом.

Что говорил Льюис, я слышать не мог. Гряз ноготь большого пальца и жалел, что не улавливал ни слова, но в то же время этому факту радовался.

– Вы должны понять его нерешительность... Да, думаю, да. Хотел убедиться в вашей искренности... Да, знаю... Хорошо, я у него уточню. Подождите секунду... Нет, он здесь. – Эндрю прижал трубку к груди и печально улыбнулся. – Он хочет с тобой поговорить. Не против?

– Он...?

Эндрю зашептал:

– Он плачет. Думаю, поговорить стоит.

«*O, боже*». Я взял мобильник и слотнул ком в горле.

– Льюис?

Голос моего брата был таким же, как я помнил. Будто мы ни на день не разлучались.

– Спэнсер? – Он всхлипнул в телефон. – Боже мой, как же я скучал.

Я залился слезами, а Эндрю держал меня за руку.

***

Я говорил с Льюисом около часа. Разговор перешел от прошедших два дня назад похорон Арчи к воспоминаниям, как мы втроем катались на великах по пляжу Бронте, и девятилетний Арчи не смог заехать на холм. Боже, как же нам надрали зад за мысли, что он сможет за нами угнаться. А когда мне было четырнадцать, за день до похода в цирк мы с Льюисом заставили Арчи смотреть фильм Стивена Кинга “Оно”⁸.

Да, за это мы тоже ограбли по полной.

Я рассказал Льюису о случае, когда трехлетний Арчи вытащил пленку из всех подаренных мне на семилетие кассет. Я измывался над матерью группой “Бэкстрайт бойз” и доводил тем самым до нервного срыва, а Арчи на следующий день взял и вытащил все внутренности смазанными веджимайтом руками. Льюис хохотал до упаду.

– А я–то и забыл! – Потом он вздохнул. – Он по–прежнему ел сэндвичи с веджимайтом. – Было понятно, что он вновь боролся со слезами. – Черт, Спэнсер. Все так запутано.

– Знаю.

– Никогда бы не подумал, что такое может случиться. Ни за что бы не подумал, что он наложит на себя руки. Клянусь. Мы разговаривали за день до случившегося, и он был в порядке. – Он опять разрыдался. – Он оставил записку, Спэнсер. Твою мать.

– Что там сказано?

– О, боже, я... – Он шмыгнул носом. – Я не могу...

Я кивнул, хотя видеть меня он не мог.

– Что–то обо мне?

– Нет. Напрямую нет. – Он вроде бы покачал головой и издал сдавленный, печальный звук. – Меня уже тошнит от слез. Спэнсер, мы можем увидеться? Знаю, что прошу о многом, но мне нужно тебя увидеть.

– Хочешь, чтобы я приехал в Австралию? – задал я вопрос Льюису, а Эндрю стрельнул в меня глазами.

– Всего лишь навестить, если сможешь, – протараторил Льюис. Судя по доносившимся звукам, он провел рукой по лицу. – Вряд ли я сейчас смогу оставить мать и отца, несмотря на...

– Несмотря на что?

– Несмотря на то, что не хочу здесь находиться. Спэнсер, я не расскажу им о твоем приезде. Они не узнают. И оплачу твой билет.

– Я подумаю, – отозвался я. – Я... Я не собирался возвращаться, Льюи. Сомневаюсь, что смогу.

Он засопел в телефон.

– Да. Понимаю. Извини за просьбу. Но я очень хочу тебя видеть. Может, через пару месяцев я сумею прилететь. Просто...

О чем–то он явно не договаривал.

– Что такое, Льюис? О чем ты мне не говоришь?

– Я их ненавижу, – злобно выплюнул он. – Я охереть как их ненавижу. Они разрушили нашу семью. Они выкинули тебя и довели Арчи до такой степени, что он не разглядел другого выхода. – Он снова расплакался, слезы были смесью гнева и разочарования. – Они все у меня забрали.

– Ну, я вернулся, – неубедительно пролепетал я. – Мы разговариваем.

– Да. Обдумай. Пожалуйста.

– Хорошо.

– Можно я тебе позвоню? Через день или около того?

– Конечно. Когда пожелаешь.

Мы попрощались, и разговор завершился. Я бросил мобильник на кофейный столик, откинулся на спинку дивана и вздохнул.

Эндрю вновь уселся рядом со мной.

– Ты в порядке?

Я посмотрел на него.

– Да. – Я вымученно улыбнулся. – Вообще–то, мне стало лучше.

– Он хочет, чтобы ты приехал в Сидней?

Я кивнул.

– Хочет повидаться. Он немного не в себе.

– Оно и понятно.

– Да.

– Но это же хорошо, да? Что ты с ним пообщался?

Я вновь кивнул и выдавил из себя самую лучшую улыбку, на которую был способен.

– Спасибо, что находишься рядом.

– Где ж еще мне быть? Помнишь наказ доктора? Он сказал, что следующие

несколько дней тебе понадобится присмотр. Это мой гражданский долг.

– Как гражданин, я очень благодарен.

Эндрю улыбнулся.

– Ты голоден?

– В общем–то, да.

Он протянул мне свой телефон.

– Лола звонила. Пока ты разговаривал с Льюисом. Не хотелось прерывать. Они с Габом зайдут. Не мог бы ты ей перезвонить? Она очень переживает. Как и Эмилио. Он внизу мечется туда–сюда.

– Правда?

– Ну, ладно, может, и не мечется, но ты его лучший друг, Спэнсер. Позволь им помочь. Они любят тебя и хотят помочь. Не доводи до того, чтобы они посчитали, будто ты в них не нуждаешься. Потому что они в тебе нуждаются.

Я неспешно кивнул.

– Окей, я понял. Пойду к нему.

Эндрю ухмыльнулся, встал и протянул руку.

– Идем. Пока ты болтаешь с Эмилио, я куплю на всех обед. Скоро приедет Лола.

Он направился к двери, но я притянул его обратно.

– Остановись. – Я обвил его рукой и прижался к нему лбом. – Спасибо. Эндрю, ты понятия не имеешь, насколько я тебе благодарен.

Он коснулся ладонью моей щеки и поцеловал.

– А я благодарен тебе.

***

Когда я вошел в салон, Эмилио стоял неподалеку от занавешенных кабинок и разговаривал с Даниэлой. Как только они меня заметили, беседа завершилась, Эмилио подлетел ко мне и обнял.

– Спасибо, – прошептал я, и он меня отпустил.

– Нет проблем. – Он отстранился и хлопнул меня по плечу. – Как ты?

– Лучше.

Тогда заговорил Эндрю:

– Пойду куплю что–нибудь на обед. Поедим здесь, ладно?

Даниэла кивнула и дотронулась до его руки.

– С огромным удовольствием.

Мы смотрели ему вслед, и Эмилио сказал:

– Он отличный мужчина.

Надув щеки, я выдохнул.

– Да, правда.

– Ты выглядишь измученным. Присядь, – настоял Эмилио.

Я рухнул на диван в комнате ожидания, а Эмилио и Даниэла ко мне присоединились.

– Я общался с братом, Льюисом.

– И как прошло? – спросил Эмилио. – Как он?

– Не очень хорошо. Но думаю, мы во всем разобрались.

Даниэла тепло улыбнулась.

– О, Спэнсер, это великолепно.

Я кивнул и протяжно выдохнул.

– Да уж. Он хочет увидеться. Точнее хочет, чтобы я прилетел в Сидней.

Эмилио нахмурился.

– И ты полетишь?

– Не знаю. Даже и не знаю.

Тогда–то и приехали Лола и Габ. Лола меня обняла, и я сжимал ее столь же яростно. Она была крошечной, но боже, сколько же в ней было силы. Потом меня обнял и Габ. Им я тоже пересказал разговор с Льюисом. Я как раз добрался до ненавязчивой лекции Эндрю о том, что мне не стоило отталкивать друзей, и тут он вошел во входную дверь салона с упаковкой пива в одной руке и пакетом из продуктового в другой руке.

– Господи, – буркнул Габ и, чтобы ему помочь, соскочил со стула.

– Не так уж все и плохо, – сказал Эндрю, когда Габ забрал у него упаковку пива.

– Он сможет унести раза в два больше, – с улыбкой произнес я. – Под этим свитером у него дьявольски накаченное тело.

Эндрю игриво сощурился.

– Потому что я хожу в зал, пока твоя ленивая задница нежится в постели.

Я покал плечами.

– Правда.

Затем Эндрю проговорил:

– Чтобы купить обед, пришлось идти в импортный магазин в двух кварталах отсюда.

– Он приподнял пакет. Сложилось ощущение, что закусок было накуплено явно не на шесть человек... Он залез в пакет и вытащил оттуда банку веджимайта. – Сэндвичи с веджимайтом... – он смотрел на меня, – в память об Арчи. Я слышал слова Льюиса, что он их очень любил.

Я сдержал слезы, поднялся и, подойдя к нему, обнял так крепко, что он пискнул.

– Ты раздавишь хлеб.

Я отстранился и нежно его поцеловал.

– Спасибо.

– В любой момент. Что угодно. – Он глубоко вдохнул. – И если нам, не австралийцам, вкус веджимайта покажется дрянью, мы закажем китайской еды.

Эмилио запер салон, мы расселись в комнате ожидания, поглощали сэндвичи с веджимайтом и пили пиво. С каждым следующим укусом им не нравилось все больше, но они все равно давились. Я же наслаждался каждым кусочком. Вкус детства принес с собой новые воспоминания. Мы трепались, смеялись, и я припомнил парочку историй из нашего с братьями детства.

И глядя на своих друзей, которые сидели со мной, разделяли мое горе и помогали исцелиться, мне подумалось, что это и есть семья. Вот она, прямо здесь. Лучше быть просто–напросто не могло.

Следующим утром я лежал в постели и размышлял. А когда Эндрю проснулся, я изучал потолок.

– Ты в порядке?

Я повернулся к нему и улыбнулся.

– Да. Эндрю, я хочу вернуться в Сидней.

Глава 10

– Что?

– Хочу повидаться с Льюисом.

Он моргнул и провел рукой по лицу.

– Ладно.

Я дал ему возможность немного прийти в себя, а потом произнес:

– Хочу поехать сегодня. Или завтра. Не хочу надолго откладывать. Я не видел его несколько лет. А вчера вечером пришел к выводу: у меня все есть здесь. И семья, и друзья. Эмилио и Лола – лучшие брат и сестра, о которых можно попросить. А ты... Ну, ты не брат, учитывая наше вчерашнее занятие, это было бы странно. Но у Льюиса никого нет. Он сказал, что остался один. Он обособился от родителей. Потерял ближайшего из братьев. Эндрю, он был так расстроен...

Эндрю похлопал меня по груди, потом перекатился и сел на краешек кровати.

– Мне нужно сделать несколько звонков.

Я был немного сбит с толку, но он отправился в ванную, а затем вернулся в спальню. Сел на постель и с телефоном в руке прислонился к изголовью.

– Сколько дней нас не будет?

«Нас?».

– Э–э... – Я присел и почесал голову. – Нас?

Он оторвал взгляд от трубки и посмотрел на меня.

– Ну, я предположил... Ты хочешь, чтобы я поехал с тобой?

– Не знаю. Не думал об этом, – сказал я и покачал головой. – Но да. Если ты сможешь.

– У меня скопилось много дней отпуска. Так что проблем не будет. – Он нахмурился. – Мы продвигаемся слишком быстро? На столь ранней стадии отношений совместная поездка – нормальная идея?

– Понятия не имею.

– Просто не хочу, чтобы ты переживал все это в одиночестве. – Он протянул мне руку, которую я безо всяких колебаний принял. – Ты точно не против, если я присоединюсь?

– Да. Конечно, да. Мне было бы приятно. – Я сжал его руку. – Мне плевать, рано это для наших отношений или нет. Знаю, поездка будет не из легких. Нахлынут воспоминания, вылезут демоны и... – Я глубоко вдохнул. – Я был бы очень признателен, если бы ты был со мной.

В течение минуты он вглядывался в меня, словно успокаивался от одного лишь взгляда на меня. Затем снова начал прокручивать экран телефона, а когда нашел искомое, показал мне.

– Есть самолет сегодня в десять. Таким образом, мы приедем не очень поздно.

Я забронировал два билета, а Эндрю отправился договариваться, готовиться и паковать. Он пообещал вернуться, как только закончит, и, томительно поцеловав меня возле входной двери, ушел.

Я послал Льюису е–мэйл с номером рейса, а после спустился вниз поговорить с Эмилио. Он был в шоке. Это было очевидно. Не отрывая от меня глаз, он положил бумаги, которые держал в руках.

– Ты же вернешься?

– Разумеется!

Он громко выдохнул.

– Тогда ладно. Хорошо. – Успокоившись, он улыбнулся. – Лоле уже рассказал?

Я вытащил телефон.

– Нет. Пожелай мне удачи. – Эмилио хмыкнул и вернулся к бумагам, а я ждал ответа Лолы.

– Привет, Спэнс, – тепло отозвалась она. – Как этим утром у тебя дела?

– На удивление отлично. Чем занята сегодня вечером около восьми?

– Э-э, ничем. А что?

– Надеялся, ты дбросишь нас до аэропорта.

– Зачем? С чего бы... Куда ты собрался? В Австралию? Спэнсер, пожалуйста, скажи, что вернешься.

– Да. Конечно. Эмилио спрашивал о том же.

– Ну, а как иначе? А Эндрю нет? – поинтересовалась она. – О, пожалуйста, скажи, что ты рассказал ему о своей поездке. И из любви к Джейфу Бакли, пожалуйста, скажи, что он в курсе, что ты вернешься домой? Спэнсер?

– Я вернусь! И, разумеется, я рассказал Эндрю. Он едет со мной.

– Ой. – Она с облегчением вздохнула.

– Я рассчитывал, что ты нас довезешь.

– Конечно. Он готов к встрече с «Синди Кроуфорд»?

– Ну, я решил, что если он сможет вынести поездку в «Синди Кроуфорд», тогда мы точно переживем совместное путешествие.

Повисло молчание.

– Спэнсер Коэн, даже на секунду не думай, что со мной прокатит австралийский акцент.

Улыбаясь, я ответил:

– О другой лучшей подруге я и просить бы не стал.

– Приеду на ужин. Если до тебя вдруг не дошло, его покупаешь ты. – Она фыркнула. – И я тоже тебя люблю. – И в трубке стало тихо.

Я убрал телефон в карман и каким-то образом потерял счет времени. Я помогал Эмилио, потом Даниэле. Выполнял поручения, звонил, потом заказал пиццу и принял вызов от Хелен Лэндон. Для начала она хотела, чтоб я знал, насколько ей было жаль услышать новости о моем брате. И поинтересовалась, могла ли она что-нибудь сделать. Пришлось ее убеждать, что я был в полном порядке. Она прочла мне лекцию – ласково, но все-таки лекцию – о том, что раз уж я забирал ее сына за границу, то должен был как следует о нем позаботиться. И что я был обязан беречь себя. Потому что в последнюю нашу встречу я лежал в больнице. В заключение она спросила, был ли я по-прежнему заинтересован помочь фонду «Акация» с поиском относившихся к группе риска людей из ЛГБТКИ-сообщества.

Она упомянула конкретную девочку, и я предположил, что каждое дело требовало безотлагательного вмешательства.

– Меня не будет почти неделю, – пояснил я. – Обратно мы вернемся лишь через пять дней. Сомневаюсь, что сейчас могу быть полезен. В противном случае с удовольствием помог бы. Для меня это очень много значит.

– До твоего возвращения предложение в силе. Тогда и обсудим детали.

Даниэла распахнула входную дверь, когда в нее постучали, и вошел Эндрю.

– Он говорит с твоей мамой, – сказала Даниэла.

Эндрю вытаращился, а потом потянулся к моему мобильнику. Я поморщился.

– Эндрю здесь. Хочет с вами поговорить.

Он взял телефон и приложил к уху.

– Мам. Я сказал не звонить ему! – Он выслушал и забормотал что-то в ответ, а мы с Эмилио и Даниэлой старались не улыбаться. Закончив разговор, он вернул мне мобильный. – Извини.

Я чмокнул его в щеку.

— Это был милый сюрприз.

Он вздохнул.

— Готов? Я был на работе. Взял отпуск на восемь дней. Подумал, что после возвращения пару дней отдохнуть не помешает. Я не очень хорошо переношу смену часовых поясов. Договорился с Сарой о присмотре за квартирой. Она зайдет сюда забрать ключи. Я сказал, что оставлю их здесь. Ничего? — Он перевел взгляд на Эмилио, который кивнул, и Эндрю продолжил: — Я уже собрался и готов к отъезду, взял паспорт, погуглил погоду в Сиднее... Почему ты так на меня смотришь?

Я глянул на часы.

— Ой. Я потерял счет времени.

Он посмотрел на меня в упор.

— Я договорился с Лолой. Она довезет нас до аэропорта. Это же считается?

Он глядел на меня, будто я говорил на иностранном языке.

— Я так понимаю, нет.

— Я изо всех сил стараюсь не ляпнуть что-нибудь неловкое или оскорбительное. Ты же знаешь, я учусь не нести ерунду. — Он обратил взгляд на Эмилио и Даниэлу. — Есть у меня склонность все портить неверными словами, и я над этим работаю. Например, сейчас. — Он вернулся взором ко мне, провел рукой по волосам и протяжно выдохнул. — Через час мы уезжаем, Спэнсер, и полетим через полмира. Знаю, обстоятельства не самые приятные, и я пытаюсь понять. Но я психую, потому что никогда раньше для выезда из страны не собирался за полдня.

Чтоб заткнуть, я приложил пальцы к его губам.

— Я заказал пиццу. Должны привезти через десять минут.

— Спэнсер.

Я послал ему лучшую улыбку.

— Без паники. Она будет здесь.

Он прищурился.

— Твой *австралийский акцент* со мной не прокатит.

Я хмыкнул.

— Лола сказала то же самое.

— Она будет здесь? — повторил он. — Кто она?

— Никто. Австралийское выражение. Типа все будет в порядке.

Он что-то пробормотал, кажется, о необходимости лоботомии, и испустил протяжный страдальческий вздох.

— Какую пиццу ты заказал?

С ним было так легко. Привезли пиццу, следом прибыла Лола, и около часа мы болтали о нашей поездке. Эндрю поднялся, терпение его истощилось, и собрал пустые коробки.

— Я вынесу, — проговорил он и исчез.

— Он нервничает, — разъяснил я остальным. — Не ожидал, что он соберется ехать со мной, но очень этому рад.

— Отведи его наверх, — сказала Лола. — Заканчивай сборы, а я заберу вас через десять минут.

Я улыбнулся.

— Спасибо. Я... э-э... еще не паковался. Так что если услышите, как он орет...

— О, Спэнсер, — произнесла Лола.

— Что «о, Спэнсер»? — вернувшись, спросил Эндрю.

— Ничего, — ответил я, быстро поднялся и подошел к нему. — Идем. Пора собираться.

Его поведение от нетерпения перешло к взволнованности. Он перескакивал через

ступеньку и уже ждал меня на самом верху, а я поднимался медленнее, наслаждался видом на его прекрасную задницу.

– Разве я не дал тебе ключ? – задал я вопрос.

– Да. – Он посмотрел на дверь, а потом вернулся взглядом ко мне. – Не могу я пользоваться ключом, когда ты со мной. Это странно.

Я добрался до верхней ступеньки.

– Хочу, чтобы ты воспользовался своим ключом.

– Тогда ты соберешься скорее?

– Да.

Он вынул из кармана ключи, отыскал тот, что дал я, и отпер дверь.

– Теперь счастлив?

Улыбнувшись, я вздохнул.

– Еще одно «впервые» в списке «благодаря Эндрю».

Эндрю отпрянул, взглянул на дверь, потом на меня, затем на ключ в руке, и лицо у него вытянулось.

– Прости. Я должен был понять. Не хотел вести себя столь бесчувственно.

Проходя мимо, я чмокнул его в губы.

– Ты всецело и полностью прощен. Ради меня ты многое бросаешь.

Эндрю закрыл за нами дверь.

– Ничего я не бросаю. Я хочу с тобой поехать.

Я выложил содержимое карманов на кухонную стойку.

– Начальник не возражал?

Эндрю покачал головой.

– Не. Удивился, но когда я рассказал, для чего мы едем, он ответил, что все в норме. У меня скопилась целая тонна дней отпуска. Правда, Шель вышла из себя из-за того, что я бросаю ее на неделю. Во время перерывов на обед ей придется страдать с Антонио из отдела производства. Я пообещал купить ей игрушечного кенгуру, чтобы таким образом загладить свою вину.

Я прошел в комнату, вытащил чемодан из шкафа и швырнул на кровать.

– И тебя совершенно устраивает, что ты отправляешься за границу с парнем, с которым встречаешься всего пару месяцев?

Эндрю улыбнулся, но его терпение явно сходило на нет.

– Да. Не хочу, чтобы ты был один.

– Знаешь, я бы вернулся, – выдал я. Лола и Эмилио изначально решили, что я останусь там, и мне стало любопытно, пришел ли Эндрю к такому же выводу.

Он стрельнул в меня глазами.

– Что?

– Я бы вернулся. Если б поехал в Сидней один, я вернулся бы в ЛА. Теперь мой дом здесь. Если ты именно из-за этого переживал.

Эндрю вздохнул, но сумел улыбнуться.

– Знаю. Я еду с тобой, потому что ни один человек не должен в одиночку прощаться с братом. Ты не обязан быть один, Спэнсер. Ты не одинок. – Он тяжело слогнул. – И учитывая, что существует мизерный шанс встречи с отцом, мне хотелось бы врезать ему по морде, если это нормально.

Кажется, я захотел впервые за несколько дней.

– Прекращай спрашивать, хочется мне лететь на другой край света или нет. Где же еще мне быть, если не с тобой? Заканчивай паковатьсь... Или начинай. – Он изумленно глянул на мой по-прежнему пустой чемодан. – Господи, Спэнсер, ты хоть что-нибудь упаковал? Нам скоро нужно выезжать!

Я буквально похватал три пары штанов, пять кофт, нижнее белье и носки, все

сложил – типа – и запихнул в чемодан.

– Туалетные принадлежности, и я закончил.

– Так просто?

– Да, а что? – Я дотянулся до верхней полки в шкафу и вытащил металлическую коробку. Повернул ключ и вынул паспорт и черный кожаный браслет, остальные документы трогать не стал, закрыл крышку, повернул ключ и убрал обратно.

– Э–э, Спэнсер? – неуверенно позвал Эндрю. – Не думаю, что оставлять ключ в коробке – хорошая мысль. Ты ведь знаешь, для чего нужен замок? Чтоб его запереть и вынуть ключ.

Я фыркнул.

– Если кому придет охота, можно и всю коробку утащить. Там всякая ерунда. Я подумал, что если ключ вставлен, и если кто–нибудь вломится в квартиру, то сможет сразу же убедиться, что ничего ценного там нет, и воровать фиговину не будет. В наше время существуют специальные учреждения для подобных вещей, называются «банки». Ты наверняка слышал. – Я расхохотался над его выражением лица. – Здесь я держу только документы и информацию, вот и все. Коробка огнестойкая.

– И ни к чему столько сарказма.

– Да уж. – Я стащил кофту, бросил на кровать и вытащил из шкафа чистую рубашку на пуговицах. Он пялился на мою грудь. Из–за чего я припомнил: – Эй, ты все еще должен нарисовать для меня тату.

Он прокашлялся.

– Знаю. Я над ней работаю.

– Да?

– Я набросал несколько идей.

– Можно на них взглянуть?

Он вытаращился.

– Разумеется, нет. Они не закончены.

– А намекнуть?

– Нет.

Я вздохнул и, покончив с пуговицами, начал заворачивать рукава. Не спеша, одного из другим, я явил взору чернильных воронов, и мое настроение вновь помрачнело.

– Я попросил Эмилио изменить вот этого дрозда. – Я провел пальцем по тату, которая в течение многих лет символизировала моего брата Арчера. – Подумал, может, заменить дрозда на феникса, но он сомневается, что выйдет. Он проверял при помощи трафарета. Он не уверен, что получится, но решил попробовать. Видишь? – Я указал на самого маленького дрозда. – У него неподходящий хвост.

Самым заботливым прикосновением Эндрю опустил ладонь на тату.

– Посвященного ему феникса ты мог бы выбрать на спине. Дрозда оставь таким, какой он есть, потому что эта тату, – он легко ее коснулся, – часть тебя.

Я улыбнулся. Из–за полнейшего принятия – или скорее даже поощрения – моих татуировок грудь наполнилась теплом.

– Вообще–то, можно.

Эндрю убрал мой паспорт в нагрудный карман.

– Ты звонил доктору? Спрашивал о перелете после аллергической реакции?

– Э–э...

Он уставился на меня.

– Спэнсер, два дня назад ты чуть не умер от анафилактического шока.

– Помню. Я там был. – Улыбка медленно растянула мои губы. – Безусловно, я звонил. А еще попросил выслать мне информацию и разрешение на вывоз «эпипена». А еще позвонил в авиакомпанию и поинтересовался их политикой в отношении аллергии на

моллюсков. – Я нежно его поцеловал. – Не впервые.

– Я переживаю, вот и все.

– Знаю. – Я протянул ему черный кожаный браслет. Он был чем–то похож на часы, но вместо кварцевого циферблата была металлическая застежка.

– Твой медицинский тревожный браслет, – тихо сказал Эндрю больше себе, чем мне. Я вытянул запястье, и Эндрю осторожно его застегнул.

– Спасибо.

Он прильнул ко мне и поцеловал.

– Пожалуйста. Теперь собирай свои туалетные принадлежности. Лола будет здесь...

Раздался громкий стук в дверь.

– Такси до аэропорта, – проорал голос Лолы.

– Открою дверь. – Эндрю испарился, а я собрал необходимые вещи, бросил в чемодан еще одну пару обуви и застегнул молнию. Взял рюкзак, убрал туда книгу, наушники, распечатанные документы от врача и две упаковки «эпипена».

Я застегнул змейку, и меня обняла Лола .

– Я так тобой горжусь.

Я кивнул.

– И я.

Лола отстранилась и посмотрела на меня со слезами на глазах.

– Независимо от того, что там произойдет, ты все делаешь правильно.

– Возможно, это единственный шанс вернуть брата в свою жизнь. – Я сделал глубокий вдох. – Я обязан попытаться.

Эндрю подхватил мой чемодан.

– Нам пора ехать.

Я взглянул на часы. И правда. Мы взяли мои сумки, потом достали из машины сумку Эндрю и загрузили все в «Синди Кроуфорд». Эндрю отдал ключи Эмилио и пояснил, что за ними зайдет Сара. Мы попрощались, и я решил не придавать этому значения. Я забрался на переднее сиденье, а Эндрю уселся сзади. Поездка вышла короткой, учтивая, что передвигались мы с молниеносной скоростью. Кажется, я настолько привык к манере вождения Лолы, что, невзирая на полнейший ужас, совершенно не обращал внимания на резкие смены полос и повороты на девяносто градусов. Но я обернулся к Эндрю, и выражение его лица...

Выглядел он так, будто встретился лицом к лицу с неминуемой гибелью.

Я почти расхохотался, но вряд ли было смешно.

– Лола, сбавь обороты.

– Я и не гоню, – сказала она, а потом в зеркале заднего вида разглядела Эндрю. – Ой.

Я развернулся лицом к нему.

– Теперь ты в курсе, что я имею в виду. Если не смотреть на дорогу, станет чуть лучше.

Лола припарковала «Синди Кроуфорд» у шумной остановки возле международного терминала. Я выскочил и придержал дверь для Эндрю. Он слегка побледнел и, механически передвигая ногами, выбрался из машины. Лола уже поставила наши чемоданы на тротуар и горячо меня обняла.

– Буду скучать, – проговорила она мне на ухо. – Береги себя. И помни: когда ты вернешься, мы все будем рядом. – Потом она обняла Эндрю. – Береги его. И спасибо, что едешь с ним.

Она помчалась к водительской стороне, запрыгнула в «Синди Кроуфорд» и, вливаясь в трафик, отмахивалась от сигнализавших людей.

– Святая матерь божья, – пробубнил Эндрю. – Мне казалось, мы все умрем.

– Ее манера вождения… бодрит, да?

Он протяжно выдохнул.

– Есть и позитивный момент: даже если во время четырнадцатичасового перелета мы попадем в самую ужасную зону турбулентности, все равно хуже, чем вот это, уже не будет.

Посмеиваясь, я взял наши сумки, и мы вместе вошли в здание.

***

Говорят, что, путешествуя с человеком, можно многое о нем узнать. Поначалу Эндрю напрягался, но как только мы зарегистрировались на рейс, поднялись на борт самолета и заняли свои места, он пришел в себя. Он без конца спрашивал, все ли в порядке, нервничал ли я и хотел ли перекусить. Он излучал спокойствие и поддержку. Даже когда самолет приземлился в Сиднее, а мы так толком и не поспали, в первую очередь он обеспокоился обо мне.

Таможня была одновременно благословением и проклятием. Прохождение контроля заняло приличное количество времени, что было издевательством. Льюис наверняка уже ждал нас возле аэропорта. Мне отчаянно хотелось его увидеть, но зато появилось время собраться с мыслями. Я понятия не имел, как все пройдет.

И эта пугающая надежда вновь, словно шарик, раздулась в груди. Я был уверен: никуда она и не девалась. Она все время ждала, впала в спячку, но никогда не уходила. Всеми фибрами души мне хотелось, чтоб брат присутствовал в моей жизни. Но теперь я знал, отчасти благодаря Эндрю, отчасти благодаря Лоле и Эмилио, что смогу вынести, если мы с Льюисом вдруг не сумеем заполнить все пробелы. В некоторой степени этому меня научила тетя Марви, а в некоторой степени я усвоил это сам – она придала мне сил, и мне удалось пережить худший из отказов – так что сомнений в том, что все будет в порядке, не было.

Но я все равно надеялся.

Эндрю прошел таможню, и вместе мы зашагали по коридору. Я не видел Льюиса несколько лет, а в последнюю нашу встречу он был еще ребенком. Сейчас же он превратился в двадцатирефлетного мужчину, и на секунду я обеспокоился, что его не признаю. А, может, он меня не признает… Когда отец заявил, что в кончине нашей семьи была виновата моя гомосексуальность, у меня определенно не было бороды и татуировок. Льюис и Арчер, осталбеневшие и расстроенные гневом отца, тоже там присутствовали. Господи, какое же выражение было на их детских лицах…

Ступив на сиднейскую землю, я утонул в воспоминаниях, которые много лет старался подавить.

Эндрю остановился.

– Все хорошо?

Я кивнул.

– Просто воспоминания.

И тут я увидел его. Парня, до безумия похожего на меня, только моложе. Без бороды, но глаза были в точности как у меня и нашей матери.

Он настороженно шагнул ко мне.

– Спэнсер?

Я кивнул, а сердце рухнуло в пятки.

Его глаза наполнились слезами, и он бросился ко мне, а следом за ним шла женщина. Льюис ничего не сказал, лишь обхватил меня руками и зарыдал.

– Я Эндрю.

– Привет, Эндрю. Я Либби.

Льюис отстранился и, смущенно рассмеявшись, вытер нос. Эндрю и Либби

обменялись рукопожатиями.

– Простите, сначала нужно было вас познакомить. Либби, мой брат Спэнсер. Спэнсер, моя девушка Либби.

Он назвал меня братом.

– Счастлив знакомству, – произнес я, а потом повернулся к Эндрю. – Льюис, это мой бойфренд Эндрю. Эндрю, Льюис.

Эндрю пожал ему руку.

– Мы говорили по телефону.

– Спасибо, что приехали, – изрек Льюис. Он глядел на меня со слезами на глазах, но и с улыбкой на губах. – Как радостно тебя видеть.

Либби обняла Льюиса и улыбнулась, словно он нервничал ничуть не меньше меня.

– Готовы ехать?

Я послал Эндрю беззаботную улыбку, а потом кивнул Либби.

– Да.

И, волоча за собой багаж, мы вчетвером вышли в прекрасное сиднейское утро.

Глава 11

Мы закинули свои сумки в «ауди» Льюиса и уселись на заднее сиденье. Льюис обернулся ко мне.

– Куда?

– Мы остановимся в Бонди⁹. Я не отказался бы поспать, но для заезда еще рановато. Может, позавтракаем?

– Звучит отлично.

Мы нашли небольшое кафе, где по сравнению с остальными заведениями в Бонди было меньше всего народа. Эндрю взял рюкзак с «эпипеном», словно делал это каждый день. Что слегка привело в бешенство, но в то же время было очень умилительно. Наверно, моя последняя стычка с моллюсками напугала его *сильнее*, чем он признался. Потому что он послал мне сдержанную улыбку, говорившую «не спорь со мной».

– Спасибо, – сказал я. Но хлопота с рюкзаками и жизненно важными инъекциями адреналина, он упускал изумительный вид на спасателей. Я его развернул. – Смотри.

Пляж Бонди был всемирно знаменит по определенной причине. Он был невероятно красив, как и патрулировавшие его спасатели.

– Неплохой видок, да?

– Да уж, неплохой. – Он таращился на двух улыбавшихся во весь рот спасателей, на которых не было ничего, кроме крошечных спидос¹⁰.

– Всегда пожалуйста, – пошутил я, взял его за руку и повел в кафе вслед за Льюисом и Либби.

Усевшись, мы заказали три кофе и чай для меня. Я вежливо уточнил кухонный протокол в отношении аллергии и, выслушав заверения, заказал полноценный завтрак из яиц, бекона, сосисок, жареных на гриле помидор и тостов. Эндрю заказал то же самое, сославшись на:

– Кормят в самолетах так себе.

Льюис и Либби тоже сделали заказ, и Льюис протянул свою кредитную карту. Когда официантка ушла, Льюис покачал головой.

– А я и забыл о твоей аллергии на моллюсков. То есть *не прям* забыл. Наверно, просто какое-то время о ней не вспоминал.

Я улыбнулся.

– Ничего. Я тоже пытаюсь о ней не вспоминать. – Эндрю изумленно на меня глянул, но поднятая тема поездки в больницу вряд ли растопила бы лед. – Ну, – решил я сменить тему, – что творится в старом добром Сиднее?

Льюис рассказал о старых друзьях, которых я почти не помнил. А потом о кузенах, о которых я годами не вспоминал. Наверно, когда тебя вышвырывают из семьи, то удаляют не только из списка ближайших родственников. Кузены женились, разводились, рожали детей, да и по фиг.

Он осознанно не упоминал родителей, что меня вполне устраивало.

Они расспрашивали об ЛА и внимательно слушали. Льюис завалил Эндрю вопросами о его работе и был искренне заинтересован. Меня очень радовало, что мой брат прилагал усилия, чтобы познакомиться поближе с моим парнем.

Но опять-таки Льюиса никогда и не напрягала моя гомосексуальность.

Либби рассказала об учебе на экономическом. Что, если уж совсем на чистоту, меня удивило. Она могла бы послужить ходячей рекламой для серфинг-бренда или для

---

9 Популярный пляж и название пригорода Сиднея.

10 Разновидность мужских плавок.

«колгейта», но за модельной внешностью скрывалась невероятно умная женщина. И было очевидно: она обожала Льюиса.

Ни разу в разговоре мы не коснулись Арчера или родителей. Всем было известно, что до этого мы непременно дойдем. Может, мы хотели насладиться небольшим кусочком счастья и лишь потом иметь дело с реальностью и ужасающими вещами, которые в свою очередь нас разлучили, а затем вновь свели вместе?

Но даже выпив вторую чашку кофе, Эндрю по-прежнему зевал.

— Простите. Я не дружу с джетлагом¹¹. Говорите, сегодня четверг? Потому что улетели мы во вторник, а я почти не сомневаюсь, что между ними тоже есть день.

Я отхлебнул чаю.

— Среды больше не существует. Провели опрос, и было решено признать этот день недели устаревшим. Так что больше никакой среды.

Эндрю фыркнул и закатил глаза.

— Ага, конечно. Уверен, если б опрос проводился в действительности, то люди отказались бы от понедельника.

— Голоса распределились почти на равных. Но было решено, что в таком случае люди возненавидят вторники. А в том нет вины вторника. И по правде говоря, какой смысл в среде? И что это за слово такое «среда»?

Эндрю подавил улыбку.

— Ты закончил?

— Могу еще поболтать.

Льюис прыснулся.

— Как давно вы вместе?

Я посмотрел на Эндрю. Он посмотрел на меня.

— Э-э... Несколько месяцев.

— Правда? — Улыбка Либби была широкой и изумленной. — Я могла бы поклясться, что вы вместе несколько лет.

Эндрю стал красного оттенка, даже уши порозовели. Он откашлялся.

— Всего-то два месяца.

Льюис глазел на нас, словно чего-то не мог понять, но, не дав ему возможности заговорить, я произнес:

— А что насчет вас?

— Три года, — ответил Льюис.

— Практически три года, — поправила Либби. — Мы познакомились в «Дубах».

Напились и беззастенчиво флиртовали.

— И она упрямилась. Мы не виделись несколько недель.

— Пока он не пообещал идеальное свидание. Если б оно не было идеальным, он оставил бы меня в покое.

— Видимо, оно прошло идеально. — Эндрю по очереди махнул рукой на каждого из них. — Вы же до сих пор вместе.

Льюис фыркнул.

— Вряд ли. У Либби было пищевое отравление.

Либби ухмыльнулась.

— Меня рвало два дня, а Льюис был рядом. Стирал одежду, простыни, чтобы получить лекции, позвонил в университет моим профессорам. Была середина года. Готовил мне тосты и чай, когда мне стало значительно лучше, и я смогла поесть.

— Как мило, — изрек Эндрю. — Не про рвоту.

Либби захохотала.

— Да уж. И я подумала: раз уж он видел меня в самом худшем состоянии и не сбежал за тридевять земель, значит, должен быть ничего, да? И с тех пор мы вместе.

Эндрю вновь зевнул, и я понял, что пора было уходить.

— Ладно, нам пора. Нужно отдохнуть хотя бы пару часов. Ничего?

— Конечно. — Льюис поднялся. Возле выхода спросил: — Где вы остановитесь?

— В «Атолле».

Льюис стрельнул в меня глазами, Эндрю этот взгляд не упустил. Я пожал плечами и подавил улыбку. Минуту Льюис в меня всматривался, но решил оставить вертевшиеся на кончике языка слова невысказанными.

— Ты в порядке? — по пути к машине Льюиса спросил Эндрю.

— Да. — Я окунул взором синеву Тихого океана и счастливо выдохнул. Пока что все шло отлично. Мы с Льюисом могли бы поладить. — Да.

До отеля мы добрались быстро, сказать по правде, можно было бы и прогуляться. Но Льюис настоял на поездке, так что возражать мы не стали. Не то чтобы он не знал дорогу...

Льюис довез нас до входных дверей и припарковался. Мы отмахнулись от парковщика и, открыв багажник, вытащили свои сумки.

— Даем вам несколько часов. — Льюис взглянул на часы. — Что если мы вернемся в четыре?

Инстинктивно я посмотрел на часы. В запасе у нас было пять часов.

— Превосходно. — Прежде чем он успел вернуться в машину, я задал вопрос: — Мы пойдем на кладбище?

Льюис замер, и его черты исказила печаль.

— Да. Конечно.

Я улыбнулся самой обнадеживающей улыбкой, какую только умудрился изобразить.

— Льюис, я действительно рад тебя видеть.

Наконец-то он улыбнулся.

— Взаимно.

Они с Либби уехали, а мы с Эндрю зарегистрировались в номер. Я вручил свою кредитку, расписался, с радостью принял карту-ключ и направился в наш номер. Измученные, мы рухнули на кровать.

Мы оба изучали потолок, и Эндрю вслепую дотянулся до моей руки.

— Как себя чувствуешь?

— Устал.

Он засмеялся.

— Я про Льюиса. Кажется, он искренен.

— Да.

— Вы похожи, — сказал Эндрю. — Конечно, минус борода, и волосы у него чуть темнее, но да, вы очень похожи.

— Он сексуальный?

Эндрю хмыкнул, но звук быстро стих.

— Ты все еще настороже.

Я повернул голову и посмотрел на него. Он уже разглядывал меня.

— Разумеется. Но он вроде бы серьезен? Вряд ли он пригласил меня для того, чтобы в очередной раз сделать больно.

Эндрю не сводил с меня глаз.

— Он похож на парня, который отчаянно пытался связаться с единственным оставшимся у него братом. В его глазах плещется грусть. И он смотрит на тебя так, словно не может поверить, что ты в самом деле приехал. Он не играет, Спэнсер. Он тебя

пригласил, потому что ты ему нужен.

Я поднес его руку к губам и поцеловал костяшки.

– Спасибо.

Он медленно моргнул.

– Сначала сон. Пару часов. Потом секс. Решил, что ты должен быть в курсе.

Я хототнул и, чувствуя, как сон манил меня к себе, закрыл глаза.

– Спасибо, что находишься рядом.

Он перекатился на бок, подмял подушку под голову и закрыл глаза.

– Пожалуйста.

Я наблюдал, как он засыпал, до тех пор, пока мои веки не отказались сотрудничать.

***

К моменту приезда Льюиса мы уже принесли душ, переоделись, хорошоенько поели и чувствовали себя человечнее, чем во время завтрака. День был погожим и теплым. Небо было таким же голубым, каким я помнил из детства.

Льюис улыбнулся букетам, которые мы держали, но ничего не сказал. Думаю, и не нужно было.

– Готовы? – спросил Льюис. Он интересовался не тем, были мы готовы загрузиться в машину или нет. Он хотел знать, был ли я готов увидеть могилу Арчера. Неужели хотя бы один человек мог быть по–настоящему готов попрощаться?

Я кивнул, и Эндрю присоединился ко мне на заднем сиденье. Льюис уселся за руль, а Либби нам улыбнулась.

– Выспались?

– Да, спасибо, – вежливо отозвался Эндрю. И не сказав больше ни слова, Льюис повез нас на кладбище Уэверли.

Припарковавшись, мы с Льюисом зашагали бок о бок, а Либби и Эндрю шли позади нас. Льюис указывал путь, а я следил за ним. Какое–то время мы брали по бетонной тропке, похожей на венку, что бежала к сердцу кладбища, и тут Льюис заговорил:

– Э–э... Церемония была прекрасной. И приватной.

Он свернулся на тропу поменьше и замедлился. Не имело смысла указывать, которая из могил была Арчера. Она была самой новой. Я протяжно выдохнул и попытался собраться с мыслями.

Либби коснулась руки Эндрю.

– Отойдем...?

Было ясно: она хотела дать нам с Льюисом возможность побывать наедине. Эндрю вопросительно на меня взглянул, безмолвно спрашивая, стоило ли ему уйти. Я кивнул, и Эндрю опустил ладонь мне на спину и чмокнул в щеку.

– Буду неподалеку.

Мы смотрели им вслед. Эндрю по–прежнему держал в руках букет цветов. Они с Либби направились к краю утеса. Кладбище Уэверли было всемирно известно благодаря виду на Тихий океан. Но мои глаза были сосредоточены на мраморном надгробии. Арчер Коэн. Я аккуратно положил цветы на могилу.

– Привет, братишка. Давно не виделись, да? – Я сглотнул ком в горле и сделал шаг назад. Несколько секунд мы с Льюисом пытались перевести дух. – Как он умер?

Льюис откликнулся шепотом:

– Он повесился.

Я опустил голову и выдохнул. В груди разливалась жгучая боль.

– Когда я спросил, связано ли это со мной, ты сказал «напрямую нет». Что ты имел в виду?

Льюис оглядел кладбище. Глаза его слезились, но слезы так и не пролились.

– Он оставил записку. – Льюис покачал головой, а потом посмотрел на меня. – Он был геем.

И словно по щелчу, появилось ощущение, будто меня ударили в сердце.

– Он сказал, что осознавал, что наши родители никогда не поймут. И ему не удастся состыковать того мужчину, которого они хотели бы видеть, и другого, которым он являлся. Он больше не мог… жить с чувством вины и разочарования.

– О, боже.

Льюис кивнул, и по щеке скатилась слезинка.

– Он винил их. О чём им и заявил. Он сказал, что теперь на их совести смерти двух сыновей. – Он сверлил меня взглядом. – Они считали тебя мертвым. Не его.

Я нервно выдохнул, глаза мои застилали слезы. Это было чересчур.

– Он покончил с собой, потому что был геем?

Слезы хлынули из глаз Льюиса.

– Нет. Он умер, потому что благодаря нашим родителям чувствовал себя никчёмным и грязным. Всякий раз, когда они толкали очередную, полную ненависти речь о том, что делает мужчину мужчиной… Должно быть, это его убивало.

– Ты знал, что он был геем?

Льюис покачал головой.

– Нет. Он мне не говорил. У него была девушка, по крайней мере, я так считал. Мы все считали. – Он вытер лицо руками. – Но оглядываясь назад, я могу сложить два плюс два. Вижу, как его передергивало, или как напрягалась челюсть, или его глаза… Вижу, как отчаянно он сопротивлялся.

Он запрокинул голову и в попытках подавить эмоции, глядя в небо, простонал.

– Когда ты уехал…

– Когда меня выкинули, – внес я поправки. – Выбор был не мой.

Он поднял руку.

– Прости. Когда тебя выкинули, он тяжело это воспринял. Очень тяжело. То есть нам обоим было нелегко, но ему в особенности. Мне казалось, он расстроился из-за того, что родители разделили нашу семью. Но ему было двенадцать. Он уже осознавал, что его привлекали парни, и был до чертиков напуган, что родители и его вышвырнут.

– Они бы не поняли.

Льюис медленно покачал головой.

– Нет. Даже прочитав то, что он им написал, они все равно не понимают. Они считают, что так для него лучше… – По его щекам вновь покатились слезы. – Ненавижу их, Спэнсер. Ненавижу.

Я его обнял и, пока он плакал, не отпускал. Он отстранился и, стиснув челюсти, зарычал.

– Как же я зол. Я в бешенстве из-за тебя. И в гневе из-за Арчи.

– Я тоже. Долгое время я злился, обижался и пребывал в растерянности. Так и есть до сих пор, и я никогда их не прошу. Но я не смог бы себя изменить.

– Ты и не обязан, – ответил он. – Они должны любить тебя таким, какой ты есть.

Родители обязаны любить своих детей, так ведь?

– Думается мне, что да.

Надув щеки, Льюис выдохнул.

– Знаешь, что бесит меня больше всего? Люди жалеют наших родителей. Они говорят всем, что ты был неблагодарным подростком, несчастным богатеньким ребенком, которому не приглянулось жить по правилам. Ты в состоянии это поверить? А насчет Арчи им все сочувствуют. Какие они бедненькие. – Он гневно затряс головой. – Это их вина. Все, что случилось с нашей семьей, – их вина.

– И что ты будешь делать? – скрепя сердце, поинтересовался я. – Полагаю, ты

работаешь в компании.

Он кивнул.

– Могу я быть полностью с тобой честен?

– Конечно.

– Я собираюсь выждать удобный момент. Старика ждет сердечный приступ, и когда это случится, я, как единственный оставшийся сын семейства Коэн, с радостью займу его место в драгоценнейшей фирме «Коэн и сыновья». Потом я отменю все пожертвования, которые в течение многих лет он делал всем этим религиозным политиканам, и перенаправлю на благотворительные акции для геев, и каждый цент будет посвящен моим братьям. – Он нервно выдохнул. – И он ни черта не сможет поделать.

– Ты бы так сделал?

– С радостью. И какие бы дивиденды я ни получил, мы делим их пополам. Спэнсер, ты должен понять: что бы я ни получил по завещанию, мы все разделим пополам.

Я от всего сердца улыбнулся.

– Я признателен, но в этом нет надобности. Я не жажду их денег. Они мне не нужны. Все необходимое мне оставила тетя Марви, а больше мне не потребуется.

Он задумчиво кивнул.

– А я–то раздумывал, чего старики так бесился. Несколько недель он был мертвенно–бледным.

Я захохотал.

– Это объясняет полученный мной приказ о запрете противоправных действий.

Он побелел.

– Что?

– Год назад приезжал Арчи и передал мне письмо.

Льюис пристально на меня посмотрел.

– Он не упоминал письмо. Не удивительно, что отец с такой легкостью его отпустил.

– Он говорил, что виделся со мной?

– Да. Сказал, что ты не стал с ним общаться. Сказал, что ты в нас не нуждаешься.

Я покачал головой.

– Льюис, не было ни дня, чтоб я в вас не нуждался. А когда он появился, я был в полнейшем раздражении. Думал, он приехал для того, чтоб попытаться все уладить. Но нет. Вел он себя неуклюже и нервно, будто не знал, что сказать. Протянул мне письмо и ушел. Я пытался вынудить его заговорить. Попробовал догнать...

Льюис похлопал меня по плечу.

– Знаешь, что я считаю? Думаю, он приехал с целью удостовериться, что сможет справиться самостоятельно. То есть если у тебя все отлично, значит, и у него может сложиться так же.

Слишком о многом предстояло поразмышлять.

– Может быть. Встретившись со мной в ЛА, он так ничего и не сказал. – Я старался разложить все по полочкам в голове. – Жаль. Если б он сказал хоть слово, я сумел бы его заверить, что все будет хорошо. Он мог бы остаться со мной. Я сделал бы что угодно.

– Нельзя себя винить, – произнес Льюис, словно только эта отвратительная истина и была ему известна. – И себя я не могу винить. Я не осуждаю Арчи за то, что он сделал. Мне жаль, что он так поступил. Боже, почему он не рассказал мне о своей гомосексуальности? Если б он сознался, я б тоже его заверил, что все будет хорошо. Посоветовал бы перебраться к тебе в Штаты. Если б это его спасло. Но честно говоря, Спэнсер, не спасло бы. Единственное, что могло бы его спасти, – любовь и одобрение матери и отца. А такого никогда бы не произошло. Этот факт Арчи знал наверняка. В конце–то концов, он видел, как они поступили с тобой. – Он выдохнул. – Полагаю, он

приезжал рассказать о своей гомосексуальности и не смог вынудить себя сознаться. Но правду мы никогда не узнаем.

– Каким он вернулся? – задал я вопрос.

– Молчаливым. Замкнутым.

Я провел руками по лицу и подавил слезы, что угрожали пролиться.

– Какая потеря. Ненужная и... Боже, Льюис, если б я знал.

Он кивнул, и какое-то время мы провели в молчании, лишь разглядывали мраморное надгробие с нереалистичным изображением лежавшего под ним человека.

Он был гораздо значимее всего вот этого.

Поднялся ветер, и я оглянулся. Небо сменило свой цвет, солнце клонилось к западу. Невдалеке стояли Эндрю и Либби, читали старые надгробия.

– Я мог бы поклясться, что вы с Эндрю вместе несколько лет, – меняя тему, проговорил Льюис. – Судя по тому, как вы себя друг с другом ведете. Будто знакомы всю жизнь.

Я не отрывал глаз от Эндрю.

– Он – лучшее, что со мной случалось.

– Это заметно по тому, как ты на него смотришь.

– Он меня любит, – сказал я. А потом хохотнул, потому что говорить об этом вслух показалось глупостью. – Знаешь, что самое хреновое? – Льюис взглянул на меня и ждал продолжения, а я по-прежнему не отрывал взора от Эндрю. – Я не могу ответить ему взаимностью. Я хочу, но у меня... проблемы. Несколько лет я потратил на терапию после того, как от меня отреклись и выставили из дома мои... наши родители. – Я перевел взгляд на Льюиса. – И это взрывает мозг. Если б не мои друзья, Лола и Эмилио, а теперь еще и Эндрю, и, разумеется, тетя Марви, лежать бы мне рядом с Арчи.

Льюис нахмурился.

– Как считаешь, ты когда-нибудь сможешь? – шепотом поинтересовался он. – Сказать ему, то есть.

Я кивнул.

– За последние два месяца я продвинулся дальше, чем за несколько лет. Он относится ко мне лучше, чем сам осознает. Я знаю, что однажды смогу, остается лишь надеяться, что он сумеет подождать.

– Не сомневаюсь, что сумеет. – Он глубоко вздохнул и улыбнулся. – Я говорил серьезно про разделение дивидендов и совместное унаследование. Ты подумаешь?

– Лучше потратить все это на основание фонда имени Арчи. Почтить его память и помочь молодым бездомным представителям ЛГБТКИ-сообщества. Тем, у кого не осталось надежды.

Льюис искренне улыбнулся.

– «Фонд Арчера Коэна». Мне нравится, как звучит. Но я понятия не имею, с чего начинать. – Он нахмурил лоб.

Я улыбнулся. К нам шагали Эндрю и Либби.

– Родители Эндрю руководят похожим учреждением в ЛА. Могу предоставить тебе полную бизнес-модель.

– Серьезно?

– Я могу помочь тебе из ЛА. Информацией и бизнес-планами, и всем, чем понадобится.

Льюис взволнованно ухмыльнулся.

– Я был бы не против.

Подойдя ближе, Эндрю улыбнулся. Может, моя улыбка сделала его счастливее? Тогда-то я и обратил внимание, что он все еще держал цветы.

– Льюис? – позвал я. – Ты в курсе, где похоронена тетя Марви?

— О, конечно, — ответил он. — Я должен был сам предложить. Нам сюда.

Мы последовали за Льюисом и Либби, и Эндрю держал меня за руку. Пока мы шли, он смотрел на меня, и в его глазах я заметил незаданный вопрос. Я одарил его улыбкой и сжал руку в надежде, что он поймет: все было нормально.

— Это здесь. — Кивком Льюис указал направление и остановился возле простецкой могилы из белого мрамора. Цветов не было, и я задумался, приносили ли их сюда в принципе. Мысленно я отметил: нужно будет организовать ежемесячную доставку ее любимых роз.

Я прочитал выгравированное на надгробии имя.

— Мэрион Коэн.

По указанным датам можно было подсчитать, что не стало ее в возрасте семидесяти пяти лет, а чуть ниже были строчки из ее любимой песни. Те самые, что я вытатуировал на руке поверх роз.

Я приподнял рукав футболки и показал Льюису.

— Она всегда любила эту строчку. — Я не сумел сдержать улыбку. — «Беги туда, куда даже храбрец не пошел бы». Это про нее. — Глаза наполнились слезами. — Она была самым храбрым человеком из всех, кого я знал.

Эндрю молча обвил меня рукой и стал моей опорой, что у него великолепно выходило.

Мраморное надгробие было прекрасным, и у меня не осталось сомнений, что она проработала каждую деталь задолго до смерти. Но кое-что было упущено.

— Если слово «мама» означает человека, который о тебе заботится, любит, обеспечивает и поощряет, то она была моей мамой. Не она дала мне жизнь, но в каком-то смысле все-таки дала. Грустно, что прохожие не будут знать, что она была любима. Здесь должно говориться: «Обожаемая Спэнсером мама».

Эндрю протянул мне букет, и, сделав шаг вперед, я положил розы на могилу.

— Я думаю о тебе каждый день, — обратился я к ней. — В твою честь по-прежнему пью зеленый чай. По-прежнему проигрываю твои любимые пластинки. По-прежнему готовлю по твоим любимым рецептам. Я стал тем, кем стал, потому что ты мне разрешала. И я всегда буду тебе благодарен. — Я позволил слезам скатиться, плакать мне было не стыдно. — Она меня любила, тогда как никто больше не любил.

Эндрю встал рядом со мной, обнял за талию и прислонился лбом к моему плечу. Не произнеся ни слова, он дал мне понять, что я не был одинок. Я развернулся, и, притянув к себе, он крепко меня обнял. Обвил рукой мою шею и чмокнул в висок. Я вдыхал его аромат и наслаждался этой надежностью, этим теплом, которые отыскал в его руках.

Удерживая Эндрю одной рукой, я посмотрел на Льюиса. Они с Либби стояли чуть позади, у обоих слезились глаза.

— У нее была похоронная служба?

Он кивнул.

— Только на кладбище.

Я улыбнулся.

— Она ненавидела церкви.

— Пришло море людей.

— Жаль, я не знал.

Льюис насупился.

— У тебя есть полное право злиться, что тебе не сообщили. Прости, что не сказал. Я должен был. Извини.

— Я злюсь не на тебя, — заверил я.

— Какая-то ложа, — прошептал Льюис. — Кругом.

Я глубоко вдохнул и неспешно выдохнул.

– Знаешь что? Да. Кругом. Кроме сегодняшнего дня. Мы же можем начать с этого момента, да? Ты и я, у нас же все хорошо?

Вытирая остатки слез, Льюис провел руками по лицу, захохотал и кивнул.

– Я был бы не против.

Я отпустил Эндрю и обнял брата. Годы обид никуда не делись, но начало было положено. Он крепко меня сжал, потом похлопал по спине и шагнул назад. И от души улыбнулся.

– Хотите перекусить? Я очень хочу. Может, пообедаем?

В знак благодарности за нахождение рядом я вновь обнял Эндрю.

– Хочешь есть? – поинтересовался я.

– Ты ж меня знаешь, – ответил он. – Я всегда хочу есть.

Я улыбнулся Льюису.

– Звучит отлично.

По пути к машине Льюис задал вопрос:

– Могу я кое о чем спросить?

Я пожал плечами.

– Разумеется.

– Почему вы остановились в «Атолле»?

Я хмыкнул.

– Ну, понимаешь, изначально я подумывал остановиться в другом месте и вместо того, чтобы платить отцу хотя бы цент, сделал бы выручку конкуренту. Но потом до меня дошло, что возможность поспать с мужчиной в одной из его постелей просто превосходная, и я решил от нее не отказываться.

Льюис остановился и уставился на меня поверх крыши машины. Потом откинулся голову назад и расхохотался.

– Боже мой, ничего смешнее за весь день не слышал.

Мы забрались в машину, и Эндрю явно пребывал в замешательстве.

– В одной из постелей твоего отца?

– Сетью отелей «Атолл», – отозвался я, – владеет мой отец.

Рот Эндрю распахнулся, и он охнул.

Льюис фыркнул и втиснулся в поток машин.

– Если б ему было известно, что ты остановишься с парнем в «Атолле» в Бонди, у него случился бы удар.

Я засмеялся и поднес руку Эндрю к губам.

– Именно по этой причине я так и поступил.

Глава 12

Выбранный Либби ресторан располагался в северной части пляжа Бонди. Льюис припарковался возле отеля, и мы отправились как были, переодеваться не стали. Одежда наша была повседневной, практичной и вполне подходящей.

Мы выпивали и смеялись. Витавшее в воздухе настроение было смесью облегчения и счастья. Появилось ощущение, что Льюис давненько не испытывал подобных эмоций. И если хоть на миг мне показалось, что мое отлучение от семьи никак не повлияло на братьев, то я ошибался. Арчер столь рьяно сражался со своими собственными тайнами, что больше не смог выносить их тяжесть, а Льюис страдал в одиночестве.

Да, мой мир перевернулся с ног на голову, и меня, точно мусор, не принимали во внимание. Но у меня была тетя Марви. У меня был человек, который меня забрал и показал, что такая любовь безо всяких условностей. У моих братьев ничего подобного не было.

Я начал подумывать, что, по сути, мне повезло больше.

Льюис поднял бокал.

– За новое начало.

Мы чокнулись бокалами и повторили тост:

– За новое начало.

Льюис сделал глоток.

– Знаешь, вернувшись домой после похорон Арчи, я позвонил твоему адвокату.

Пришлось набирать несколько раз, потому что не удавалось вспомнить его имя. Помню, что из-за завещания тети Марви отца чуть не хватил удар, и он привлек целую кучу адвокатов. Но я его все-таки отыскал и попросил передать новости об Арчи. По прошествии двух дней я позвонил снова, и он сказал, что говорил с тобой и передал мои контакты. Мне казалось, ты давно уже плонул на эту семью. Я ни на секунду не осудил бы тебя, но должен был попробовать.

– Эти два дня длились бесконечно, – с любовью посмотрев на Льюиса, произнесла Либби. – Стоило телефону зазвонить, он тут же подскакивал.

– Спэнсер лежал в больнице, – не дав мне шанса пояснить самостоятельно, выпалил Эндрю.

– Чего? – Льюис улыбался, но смотрел озабоченно.

Я попытался снизить значимость произошедшего.

– Да… э-э… случилась неожиданная стычка с крабовым мясом.

Эндрю не стал мне подыгрывать.

– Он почти умер. Доктор сказал, что аллергические реакции становятся хуже, и следующая может стать последней. Ничего страшнее в жизни не видел.

– Ты был там? – спросил Льюис.

– К счастью, – ответил я. – Мы были дома у его родителей. Я танцевал с его матерью рок-н-ролл в стиле пятидесятых, а потом мы, – я махнул на Эндрю, затем указал на себя, – танцевали медленный танец под Рэя Чарльза. Как вдруг я рухнул на пол в их гостиной. Эндрю и его отец спасли мне жизнь.

– Это было в воскресенье? – прошептал Льюис. Я кивнул. – Боже. Я практически тебя потерял в день похорон Арчи. – Льюис несколько раз моргнул, словно не мог разложить в голове только что сказанные слова.

– И вы прилетели спустя всего несколько дней? – спросила Либби. Казалось, она была ошеломлена ничуть не меньше Льюиса.

– Конечно. Меня же позвал Льюис. – Я пожал плечами и послал ей улыбку. Я чувствовал на себе взгляд Льюиса, но посмотреть на него не мог. День и без того прошел эмоционально, и, честно говоря, от слез уже тошило.

– Я рада, что вы приехали, – произнесла Либби.

– Я тоже рад своему приезду, – отозвался Эндрю и сжал мою лежавшую на бедре руку.

Я приподнял наши соединенные руки, опустил их на стол и переплел наши пальцы.
– И я.

Льюис обнял Либби.

– Эндрю, Спэнсер рассказывал, что твои родители руководят фондом для нуждающихся в помощи людей?

– Да. Фонд «Акация» – третий ребенок моей матери.

Льюис пересказал наш разговор насчет возможного основания центра для детей из ЛГБТКИ-сообщества, который будет финансироваться из наших с Льюисом дивидендов от компании отца.

Мы пообещали и выпили вина, и безостановочно болтали обо всем на свете. И сидя вместе с братом и Либби, и Эндрю, я не мог не размышлять о том, насколько все было сюрреалистично. Если б можно было остановить время и посмотреть на этот момент со стороны, впитать его в себя, я бы отметил, что все было идеально. Мой брат, которого я никак не ожидал вновь увидеть, не говоря уже о том, чтобы заслужить полнейшее одобрение и дружелюбие, и Эндрю, мой любимый мужчина... Как уже было сказано: все было идеально.

Мы решили закруглиться и вернуться в отель, попрощались, и Льюис пообещал увидеться с нами завтра. Когда мы с Эндрю добрались до нашего номера, он драматично рухнул на постель.

– Я выдохся.

Я поднял его левую ногу и стянул ботинок, потом сделал то же самое с правой ногой, после чего забрался на него и нежно поцеловал.

– Насколько выдохся?

Улыбка неспешно растянула его губы.

– Не настолько.

– Прекрасно. – Я поцеловал его глубже, основательнее. Дождался стона, оторвался от него и, присев, стащил с него кофту. Швырнул ее на пол, а он уложил меня на спину, головой на подушки, словно я ничего не весил, и разместился у меня между ног. Он углубил поцелуй, склонил голову для удобного ракурса, и его язык ворвался в мой рот.

Ну, ясно.

Командир Эндрю вернулся.

Он прервал поцелуй лишь для того, чтобы меня раздеть, и даже это длилось слишком долго. Мои опухшие губы нуждались в нем, как в воздухе. Когда мы оба были обнажены, он лег на меня сверху, и наши члены соприкоснулись. И он взял нас обоих в руку. Но хотелось мне не этого... Не это мне *требовалось*.

Я обхватил его лицо руками и прошептал:

– Займись со мной любовью.

Его закрытые глаза затрепетали, и я почувствовал, как по нему пробежала дрожь. Но он выполнил мою просьбу. Медленно и уверенно он подготавливал меня до тех пор, пока я не начал умолять.

– Эндрю, пожалуйста. Хочу, чтоб ты был во мне.

Комната освещал лунный свет. Его зрачки расширились от страсти, губы распухли от поцелуев. Прекраснее он еще не выглядел. Он сел на корточки и раскатал презерватив, добавил еще смазки и направил свой член к моему входу. Оперся на руку и протолкнулся внутрь. Его глаза зажмурились, но я вынудил его смотреть на меня. Двигался он не спеша, наполнял меня, растягивал меня, а я наблюдал за каждой промелькнувшей в его глазах эмоцией.

Мы занимались любовью. Ленивые движения, нежнейшие прикосновения, сладчайшие поцелуи.

Он полностью меня дополнил. Идеальнейший пазл, недостающая частичка меня самого. Я его любил. А когда слова уже вертелись на кончике языка, он меня поцеловал.

Я не произнес их вслух, но не сомневаюсь, он сумел попробовать их на вкус.

Уснули мы в объятиях друг друга. Эмоциональное окончание эмоционального дня.

***

Проснулся я, когда Эндрю вошел в балконные стеклянные двери–купе. Он уже успел принять душ и одеться и выглядел довольно бодрым.

– Привет, – сонно прохрипел я.

Он лучезарно улыбнулся.

– Привет, соня.

– Чем занимаешься?

– Фотографирую пляж. Хочу отправить Лоле и Саре. Я заказал завтрак. Шурой в душ и одевайся. Уже почти девять.

Я перекатился на спину и протер глаза.

– Черт. Должно быть, я переутомился. Наверняка, даже не шевелился.

Эндрю улыбнулся.

– Вчерашний день был трудным. Я не удивлен.

В чем мать родила я присел на краешек кровати, почесал голову и проигнорировал ноющую боль в заднице.

– А еще ты и твой Членомонстр.

Эндрю зашелся хохотом, раскраснелся ото лба до воротника и указал на ванную.

– В душ.

Я хмыкнул и направился в ванную комнату. Вода была горячей, что мышцы шеи и плеч приняли на ура. Я даже не заметил, что, должно быть, в какой–то момент заходил Эндрю. Но когда я вышел из душевой, дверь была закрыта, а мои вещи аккуратно лежали на тумбочке. Я надел джинсовые шорты длиной до колен и футболку, уложил волосы и, распахнув дверь, смог лицезреть причину, по которой Эндрю закрыл дверь.

На постели сидел Льюис и просматривал варианты завтрака. Эндрю сидел за столом и пил кофе. Они оба чему–то улыбались. Я явно что–то пропустил.

Я многозначительно глянул на поднос с едой, а потом на Льюиса.

– Привет. Наслаждаетесь завтраком?

Он вытер пальцы о салфетку.

– Да. Нужно больше бекона.

Я фыркнул, налил себе зеленый чай и разместился на стуле напротив Эндрю.

– Чай неплох. Спасибо.

Он разломил тост и откусил.

– На здоровье.

Льюис налил себе стакан воды.

– Ну что, какие планы на сегодня?

– Я подумывал отвести Эндрю на пляж. Но на Бонди пойти не могу. Ноги моей там не будет. А у тебя?

Льюис пожал плечами.

– Я взял отпуск на неделю. Еще до того, как узнал о твоем приезде. Могу побывать вашим такси, если хотите.

– Здорово. – Я отпил чаю, съел половину тоста и натянул ботинки. Учитывая, что на мне была футболка, Льюис мог видеть мои татуированные руки. Я поймал его за разглядыванием отдельных картинок, но вопросов он задавать не стал. А я вроде как даже порадовался. Весь вчерашний день был посвящен прошлому и моментам, которые

хотелось бы изменить. Мне хотелось, чтоб день сегодняшний стал началом движения вперед, и меня посетила мысль, что он думал о том же.

– Можем выдвигаться?

Оставив поднос возле двери, мы вошли в лифт. Льюис нажал кнопку первого этажа.

– Не знаю, может, в этом будет чересчур много информации, и это действительно не мое дело, но я искренне надеюсь, что вы покрестили одну из любимейших отцовским кроватей старым гейским способом, о котором она никогда не позабудет.

Я захохотал, и двери лифта открылись.

– Поверь, если б существовала пена с эффектом памяти, следующих посетителей ждало бы неимоверное удовольствие.

Эндрю простонал.

– Спэнсер!

Льюис разразился смехом, и мы вышли в теплое сиднейское утро. Я пожал плечами и ухмыльнулся.

– Нам будто бы снова четырнадцать и шестнадцать. – Льюис захохотал, и мне стало гораздо легче, чем было за последние годы. Я обнял Эндрю за плечи. – Идем к воде. Давай проверим, умеет ли Членомонстр плавать.

Льюис фыркнул.

– Кто?

– Не важно, – ответил Эндрю и, сильно толкнув, прижал меня к стене. – Не смешно.

Я так бурно хохотал, что даже не сумел остроумно ответить, поэтому вместо этого схватил его за руку и пересек улицу. Льюис покачал головой, явно не уловив смысла шутки, но по-прежнему улыбался.

Мы здесь выросли. Правда, чаще мы посещали пляж Бронте, но и на Бонди провели немало летних деньков. Вполне символично, что из всевозможных мест в Сиднее, где мы с Льюисом могли бы наверстать упущенное, было выбрано именно это место. Мы направились в северную часть, где прогуливались местные жители. Большинство туристов обретались в южной части, но мы отправились прямиком к Флэт Рок¹². Сняли ботинки и прошлись по каменному выступу, где волны встречались с землей.

– Теперь ясно, почему название именно Флэт Рок, – сказал Эндрю и окинул взглядом огромную территорию, по иронии судьбы заваленную плоскими камнями.

– Да, мы не особо напрягаемся с названиями, – ответил Льюис.

Эндрю прыснул, и я мельком увидел, как его поглотили легкий ветерок и морская дымка. Позади нас дети прыгали в воду, смеялись и испарялись в океане, солнце припекало, небо было ярко-голубым.

– Неплохой вид, – глядя на Тихий океан, произнес Эндрю.

– Очень даже неплохой, – шепотом согласился я, но смотрел только на него. От смущения он разрумянился.

– Пойдемте туда, – крикнул Льюис. Он стоял на длинной лестнице, что опоясывала скалистый утес. – Помнишь? – указывая путь, спросил он.

Разве можно было забыть? Я так быстро взлетел по чрезмерно крутой лестнице, что, оказавшись наверху, с трудом мог перевести дыхание. Льюис был не лучше, зато Эндрю дышал вполне ровно. Он хлопнул меня по плечу.

– Тебе пора начинать ходить со мной в зал.

Я усадил свой зад на перила и от него отмахнулся. Льюис сел рядом со мной, и мы наблюдали, как Эндрю шагал к открытому тренажёрному залу. Среди местных он был очень популярен, это была открытая площадка для тренировок с видом на пляж Бонди,

хотя больше было похоже на соревнование между кашками—спортивными наркоманами, которые изо всех сил пытались смотреться как можно выгоднее, стать больше и быть в лучшей форме, чем сосед.

Несколько парней посмотрели на Эндрю, и я заметил, как они хохотнули, решив, что ботанского вида паренек подходил лишь для насмешек. Все они стояли с голым торсом, такие загорелые и мускулистые, а Эндрю был бледным и одет был в кофту и жилет с ромбиками. Но потом Эндрю подпрыгнул, схватился за турник, и, скрестив ступни, с легкостью начал подтягиваться. И не какие-то пару раз и медленно. Потянулся он, должно быть, раз двадцать и довольно быстро. Казалось, для него это было раз плюнуть. Теперь парни смотрели на него с выражением, говорившим «*о, черт*», но Эндрю совершенно не обращал внимания. Он отпустил турник, ухмыльнулся и вытер руки о шорты. Затем закатал рукава до плеч и встал между двумя параллельными брусьями. Мастерски подпрыгнул, бицепсы взбутились, поднял ноги на девяносто градусов и удерживал. Около минуты. Мышцы плеч натягивали кофту, руки были напряжены, а потом, засмеявшись, он спрыгнул и встряхнулся. И подошел к нам, словно не сделал ничего выдающегося.

— Будем считать это сегодняшней тренировкой.

Льюис пихнул меня под ребра.

— Закрой рот.

Я хмыкнул.

— Боже, Эндрю. Мне действительно стоит пойти с тобой в зал. — Потом я кивнул туда, где стояли наблюдавшие за ним парни. — Ты просто обязан снять кофту и продемонстрировать парням, что скрывается под этим жилетом.

Эндрю обернулся и очень быстро отвернулся. И полностью раскраснелся.

— Они смотрели?

Я фыркнул.

— О, Эндрю. Ты даже не представляешь.

И тут зазвонил телефон Льюиса. Он достал его из кармана и застонал. Независимо от того, хотел он или нет, мне было видно имя на экране.

«*Отец*».

Льюис вздохнул.

— Простите. — Он принял вызов, и, к счастью, я слышал беседу только с его стороны. — Я же говорил, что на этой неделе меня не будет... На пляже... А Крис сам не в состоянии разобраться? — Он вновь застонал. — Ладно. Подъеду через двадцать минут.

Он сбросил звонок, и его ноздри раздулись.

— Извините. Придется ехать на работу.

— Без проблем, — отозвался я. — Пересечемся вечером?

Льюис кивнул.

— Звучит отлично. — Он поднялся, а затем замер и вынул ключи. — Вот. Возьмите мою машину. Покажи Эндрю достопримечательности Сиднея.

— У меня больше нет прав. Истек срок действия, — пояснил я.

Он бросил мне ключи.

— Тогда не попадайтесь. — Он зашагал по Кэмпбелл-Параду¹³, поймал такси и уехал. Я звякнул ключами.

— Ну, ладно. Куда сначала?

Он едва сдерживался, чтоб не поежиться.

— Ты собираешься сесть за руль новенькой «ауди» брата? Ты не водил несколько лет.

Я протянул ключи.

– Хочешь попробовать?

– Боже, нет.

Я расхохотался над его выражением лица, и мы отправились обратно к отелю. От мысли снова сесть за руль меня охватило глупое волнение. Я не водил машину несколько лет. Я никогда не водил в Штатах. А когда сел за руль и завел двигатель, он замурлыкал, как котенок, а я, словно идиот, ухмыльнулся.

– Думаю, по возвращении в ЛА мне стоит получить права.

Он прыснул.

– Только не задень никого.

– Доверься мне хоть чуточку. – Я дал задний ход и аккуратно выехал с парковки.

Вел я себя осмотрительно и нервно, но в основном пребывал в восторге. Ведь правду говорят: подобные умения не забываются. Я влился в поток машин на Кэмпбелл-Параде и направился в сторону города. Доехав до знакомого перекрестка, я осознал: мне было необходимо кое-что увидеть.

– Прежде чем устроить грандиозную экскурсию, сначала я хочу кое-что тебе показать.

Проехав несколько улиц, я завернул на улицу своего детства и, тормознув возле тротуара, указал на претенциозный огромный двухэтажный белый дом.

– В этом доме я вырос.

Эндрю внимательно его разглядывал.

– Ты никогда не говорил, что твоя семья владеет отелями.

– Вплоть до позавчерашнего дня у меня не было семьи.

Эндрю бросил на меня извиняющийся взгляд.

– Прости. Ты понял, о чем я.

– Понял. Здесь не о чем говорить. Сказать по правде, я старался не упоминать и не думать о них.

Эндрю понимающе кивнул. Я перевел взор на дом, и в это же мгновение открылись ворота гаража. Сердце замерло, я понятия не имел, кого увижу, заметят ли меня, а если заметят, что будет дальше.

Выехала новая модель «бмв» и остановилась. Ролловые ворота опустились, и женщина, которую прежде мне видеть не доводилось, вышла из автомобиля и забрала из почтового ящика письма.

– Кто это?

– Не знаю. – Я тщательнее всмотрелся в дом, и до меня дошло, что на балконе больше не стояли четыре огромных горшка, за которые мать отвалила целое состояние. В саду бегала собака, а у моей матери была аллергия на собак... Женщина на своем «бмв» проехала мимо нас, и тогда-то мы и обратили внимание на сидевших сзади двоих детей.

– Должно быть, они его продали и переехали.

Эндрю нахмурился и сжал мою руку. Наверно, он собирался порассуждать на тему, что родители, без сомнений, мне сообщили бы, но потом, видимо, вспомнил, что сообщать бы они не стали.

– Ты в порядке?

«Был ли я в порядке?». Секунду я пытался определиться, что чувствовал сердцем, и старался отыскать самый честный ответ.

– Знаешь что? Я в порядке. Почти десять лет этот дом не был моим. А что до родителей, то мне глубоко насрать, где они живут.

Эндрю улыбнулся.

– Покажешь, где жила тетя Марви?

Я ухмыльнулся.

— С удовольствием. — Я вывернулся на улицу и проехал мимо дома, в котором провел детство.

Тот факт, что я ничего не чувствовал, был очень приятным осознанием. Возможно, мне наконец-то удалось продвинуться вперед и принять отношение родителей. А еще я отдавал себе отчет в том, что многим в этом вопросе был обязан сидевшему рядом со мной мужчине.

Именно в этом была разница между Эндрю и терапией. Терапия была сфокусирована на родителях и причиненной мне боли, тогда как Эндрю, сам того не понимая, был сфокусирован на мне. Он показал мне, что я был достоен любви, и что если у меня выйдет немного опустить свои защитные стены, это не только поможет полюбить, но и отпустить боль.

Я проехал по переулкам Дабл-Бэй¹⁴ и затормозил возле дома в стиле бунгало.

— Вот здесь мы и жили.

— Он стоит на воде?

— Да.

— Господи.

Я залился смехом.

— Теперь ты понимаешь, почему из-за завещания тети Марви отца чуть удар не хватил.

По его глазам я заметил момент озарения.

— Она оставила тебе этот дом?

Я медленно кивнул.

— Я его продал. Отсюда и деньги.

Он посмотрел на дом, потом перевел взгляд на меня.

— Ты говорил, она оставила тебе приличную сумму.

Я дернулся плечами.

— Знаешь, твои предки тоже живут в шикарной части города. Ты никогда не говорил, что у них не дом, а особняк.

— Я говорил, что они театралы.

— Да, как и голодающие актеры. В ЛА их полно.

Он хохотнул.

— Когда ты сказал, что работать тебе не нужно, я решил... Ну, честно говоря, понятия не имею, что я решил.

— Деньги у меня хранятся на срочных вкладах и инвестированы в акции, поэтому, увидев мой банковский счет, можно решить, что все у меня вполне нормально. С другой стороны, мое дело довольно приличное.

Он долго меня рассматривал, потом изумленно фыркнул.

— Ты самый скромный из всех известных мне людей.

Я пожал плечами.

— В тридцатые годы мой прадед вкладывался в недвижимость, что после его смерти принесло выгоду всей моей семье, в том числе дядюшкам и тетушкам. Мои родители были неймдропперами¹⁵, благодаря чему взирались по социальной лестнице. Думаю, ты знаком с таким типажом. А тетя Марви, несмотря на финансовое состояние, была очень робкой и очень приземленной. Она учила меня относиться ко всем точно так же, и не важно, кто передо мной: генеральный директор или уборщик туалетов.

Эндрю тепло улыбнулся.

— Жаль, мне не посчастливилось с ней познакомиться.

---

14 Приморский пригород в Сиднее.

15 Неймдроппинг — практика постоянного использования имён важных людей, названий организаций, товарных марок, специальных терминов и т.д. в разговоре с целью показаться слушателям более значительным.

Я оперся о консоль, он сделал то же самое. И я его поцеловал.

– Спасибо.

Эндрю выпрямился.

– Могу я задать вопрос?

– Конечно.

– Жалеешь, что его продал?

– Нет. Сидней больше не мой дом. Я даже сюда не возвращался.

Он смотрел на дом, словно, спрашивая, не хотел видеть моего лица.

– И что теперь будешь делать? Раз уж вы с Льюисом общаетесь?

– Вернувшись в ЛА и оттуда буду поддерживать с ним связь. – Я стиснул руку Эндрю. –

Посмотри на меня. – Он посмотрел, и я продолжил: – Мой дом в ЛА. С Эмилио и Лолой, и с восхитительным парнем, с которым я встречаюсь. Он был на обложке журнала «Самый невероятный в мире бойфренд».

Он подавил улыбку.

– Неужели?

– Да. И «Самого сексуального мужчины из ныне живущих» по версии редакции «Членомонстр». Он имел коммерческий успех, его смели с полок.

Теперь он засмеялся.

– Ты абсурден.

– А ты идеален. Так что мы квиты. – Я его поцеловал, и мы оба улыбнулись. Я завел двигатель, и мы двинулись в путь. Я свернул на магистраль и по знакам поехал в город.

– Куда сначала? – спросил Эндрю.

– Первая остановка сегодняшней изумительной обзорной экскурсии по Сиднею от Спэнсера Коэна – чудесный центр города, где мы посетим Дарлинг-Харбор¹⁶, Серкулар Куэй¹⁷, Рокс¹⁸ и небольшой оперный театр. После мы отправимся на Харбор-Бридж¹⁹ и, если останется время, отведем симпатичного американского туриста в зоопарк, чтобы он смог познакомиться с милой и приятной дикой природой Австралии.

– Разве это не опасно?

– Не совсем. Кое-кто сможет тебя убить, остальные – только травмировать или покалечить. Ты справишься.

Эндрю захохотал.

– Знаешь, ты довольно неплохо водишь. – Он протянул руку, которую я принял и мысленно поблагодарил Льюиса за машину с «автоматом».

Я опустил наши переплетенные руки на бедро.

– Спасибо.

***

Улетать из Сиднея было и радостно, и печально. Мы восхитительно провели несколько дней с Льюисом и Либи, и несмотря на то, что мне не терпелось отправиться домой, все равно оставлять брата было грустно. Они с Либби добросили нас до аэропорта и пошли проводить.

Он крепко меня обнял и неохотно отпустил.

– Мы же поговорим, да?

Я кивнул.

– Безусловно. По е–мэйлу, телефону, как угодно.

---

16 Гавань, прилегающая к центру города Сидней.

17 Гавань в Сиднее.

18 Городская местность, туристическая зона и исторический район центра Сиднея.

19 Самый большой мост Сиднея, один из самых больших стальных арочных мостов в мире.

Выглядел он немного расстроенным, но, как и я, радовался, что мы сумели сблизиться.

– Я, правда, очень благодарен тебе за приезд. Это... много значит.

– В следующий раз вы приедете к нам.

Глаза Льюиса засияли.

– А можно? Было бы круто. В октябре у Либби двухнедельные каникулы, и мы как раз раздумывали, куда бы отправиться.

– Бронируйте билеты, и дай мне знать, когда вас встречать.

Льюис, зная, что следующая встреча определенно состоится, стал гораздо счастливее. На прощание он обнял Эндрю, а Либби обняла меня и прошептала на ухо:

– Спасибо. За все. Он в тебе нуждается.

– Как и я, – прошептал я в ответ, а потом чмокнул ее в щеку. – В любое время.

***

Объявили посадку на наш рейс, и, вымотанные, мы с Эндрю расселись по своим местам. Зная, что придется провести в самолете всю ночь, весь день мы занимались всем, что можно было выдумать, в том числе ночью делали что угодно, *только не спали*. Мы накупили подарки всем знакомым и наелись до отвала.

Но я понимал, что, стоит мне попасть в самолет, сон тут же меня поглотит. Опустившись головой на подголовник, я повернулся к Эндрю.

– Спасибо, что поехал со мной.

Казалось, устал он не меньше меня. Он улыбнулся уголком губ.

– Всегда пожалуйста.

Я мог лишь смотреть на него. Кто–то задал ему вопрос, но я не обращал внимания. Я не мог оторвать от него глаз. Он был таким идеальным. Невероятным, великолепным, добрым, умным и веселым. Если б я верил, что души были разделены на две части, и нам нужно было искать свою вторую половинку, тогда я его нашел. Он был той самой недостающей частью меня.

– Спэнсер? – Должно быть, Эндрю о чем–то спрашивал. – Попить? Бортпроводница хочет знать, чего ты желаешь: газировки или воды? Зеленого чая нет, я уже уточнил. И сомневаюсь, что чайник с чаем подошел бы...

– Я люблю тебя.

Он перестал бубнить и вытаращился.

– Чего?

Я по–прежнему лениво полулежал в кресле и улыбался.

– Я сказал, что люблю тебя.

Он охнулся и закрыл рот рукой. Стюардесса издала звук наподобие «*a–a–a–ax*», а сидевшая рядом с Эндрю женщина уставилась на него и ждала его ответа.

– Спэнсер...

– Несколько недель я пытался произнести эти слова. Ты же знаешь, они тяжело мне даются, но ты офигеть какой невероятный.

Сдерживая слезы, Эндрю заморгал и одними губами, будто у него пропал голос, проговорил: «*Я тоже тебя люблю*».

Я сонно улыбнулся.

– Просто решил, что ты должен знать.

Эндрю отмахнулся от стюардессы, а она улыбнулась его взволнованности. Он сделал глубокий вдох и обвил меня рукой.

– Если б существовал журнал «Самые неловко–романтические признания в любви», не сомневаюсь, вот это было бы на обложке.

Я хмыкнул.

– Извини. Говорил же: у меня глупое сердце, а мозг еще глупее. Они все решают

самостоятельно.

Он засмеялся, и в его глазах поблескивали слезы счастья.

— Я тоже тебя люблю, — прошептал он, в этот раз сказав слова по-настоящему, подался вперед и по-быстрому меня поцеловал.

Я вздохнул, словно его слова были теплым одеялом.

— Теперь можно спать.

— Поспать? Как я смогу уснуть? Мое сердцебиение разогналось до сумасшедшего ритма, такое чувство, будто мне вкололи кофеина. Ты не имеешь права признаваться мне в любви и ждать, что я буду спать.

Все еще располагаясь к нему лицом и держа его за руку, я закрыл глаза. Вряд ли в ближайшее время с моих губ сойдет улыбка.

— Ш—ш—ш—ш—ш.

Я чувствовал, как он глазел на меня.

— Тьфу. Ненавижу тебя.

Почти погрузившись в сон, я расхохотался.

— Не правда.

Он приподнял наши соединенные руки, и я ощутил, как его губы прижались к тыльной стороне моей ладони.

— Да, не правда.

Глава 13

Следует кое-что поведать о приезде домой. Приземление в ЛА было облегчением, которое я чувствовал всем своим естеством. Мы умудрились несколько часов поспать, но часовые пояса взрывали мой и без того усталый мозг.

— Какой сегодня день?

Эндрю недоуменно моргнул.

— Понятия не имею.

Будто зомби, мы прошли таможню и обнаружили, что нас уже ждали Лола и Сара. Я был рад видеть Лолу и быстро схватил ее в медвежьи объятия.

Эндрю тоже обнял сестру.

— Я тебя не ждал.

— Ну, мы, — Сара многозначительно глянула на Лолу, — решили, что с нашей стороны будет осмотрительно приехать вместе. У вас была первая совместная поездка, да и обстоятельства не самые радостные. — Она нахмурилась. — Мы не были уверены, что вас не затошнит друг от друга. И решили приехать... ну, знаете... поддержать.

Лола поморщилась.

— По телефону звучало лучше.

Сара хохотнула.

— Да уж.

— Затошнит друг от друга? — полюбопытствовал я, посмотрел на Эндрю и пожал плечами.

— Даже в голову не приходило, — откликнулся Эндрю и взглянул на сестру. — Какой сегодня день? — Она зашлась в хохоте и взяла его чемодан. Он не пошевелился. — Нет, серьезно.

— Воскресенье.

— Слава богу, — буркнул Эндрю и покрутил шеей. — До среды мне на работу не нужно. — Потом он прищурился. — Воскресенье? Правда?

Он не шутил, говоря, что не ладил со сменой часовых поясов. Сара сказала:

— Я подумала, что отвезу тебя домой и, пока ты будешь умирать от джетлага, займусь стиркой.

Эндрю бросил на меня взгляд и охнулся.

Лола обхватила руками его плечи и всмотрелась ему в глаза.

— Хочешь еще побывать со Спэнсером?

— Ну, я просто... Да. — Похоже, он немного потерялся. — Воскресенье? Реально? В воскресенье мы уехали из Австралии²⁰.

Я обнял его за плечи и, стараясь не расхохотаться, притянул к себе. И посмотрел на Лолу и Сару.

— Мы поедем к нему. Постираем и поспим. — Я взглянул на Лолу. — А потом поужинаем в тату-салоне и расскажем вам о поездке. Сойдет?

Лола подпрыгнула и хлопнула в ладоши.

— Идеально! — Она подхватила мой чемодан, и они Сарой зашагали вперед, я же шел следом и тащил Эндрю за руку. Я чувствовал себя совершенно другим человеком по сравнению с тем, каким отсюда уезжал всего несколько дней назад. Наверно, во многих смыслах. Я чмокнул Эндрю в висок, и меня окутало тепло лос-анджелесского солнца.

На счастье, они приехали на машине Эндрю, а не на «Синди Кроуфорд». Я не совсем был готов к смеси джетлагов и сильного сердцебиения. Мы подбросили Лолу, пообещали увидеться позже, и Сара повезла нас к Эндрю. Когда мы вошли, Эндрю

оставил свой чемодан в коридоре, что вел в прачечную. Он вытянул руки и откинулся головой назад.

– Уф. Дом.

– Я купила вам поесть, – произнесла Сара и взглянула на меня. – Эндрю всегда плохоправлялся со сменой часовых поясов, и я знала, что ему не хватит терпения, чтоб хоть что-то заказать. Это всего лишь паста. Решила, что углеводы помогут вам уснуть. Нужно только разогреть.

– Ты ангел, – проговорил я. – Оставь стирку. Серьезно. Мы сами займемся. Хочешь перекусить?

Сара глянула на часы. Наверно, была середина утра. А по ощущениям – обеденное время. Она пожала плечами.

– Конечно, почему бы и нет?

Я направил Эндрю в кухню и прислонил задницей к стойке, а потом мы с Сарой накрыли на стол. Мы ели пасту и болтали о нашем путешествии. Точнее я болтал, Эндрю лишь изредка косился, его голова явно была в другом месте. Я кратко пересказал Саре, что случилось с Льюисом. Как я попрощался с одним из братьев и посредством трагической потери вновь обрел другого брата. Рассказал, что возил Эндрю на осмотр достопримечательностей и показал фото в телефоне, где он держал коалу.

– А-ах, никого милее в жизни не видела, – пролепетала она.

Эндрю пристально на нее посмотрел.

– Как сегодня может быть воскресенье? Как физически возможно приехать раньше времени отправления?

Сара захочотала, похлопала его по руке и перевела взор на меня.

– Отведи его в постель. Отдохнув, его мозг восстановится после всей этой фигни с часовыми поясами. – Она сложила грязную посуду в раковину и чмокнула Эндрю в щеку.

– Я рада, что ты снова дома. – Она посмотрела на меня. – Вы оба.

Я взял Эндрю за руку и, попрощавшись с Сарой, повел его наверх. Уложил в постель, снял с него ботинки, потом подумал и стащил с него джинсы. Сам тоже разделся и, утопая в райски мягкой кровати, улегся с ним рядом. Сара была права. Благодаря пасте меня поклонило в сон. Я закрыл глаза и дрейфовал на грани сна, как вдруг Эндрю заговорил.

– Ты признался мне в любви.

Я распахнул глаза и обнаружил, что он меня разглядывал.

– Признался.

Он вздохнул и улыбнулся.

– Скажи еще раз.

Я перекатился на него, коленями раздвинул его ноги и расположился между бедер. Обнял его лицо ладонями, убрал со лба его волосы и наблюдал, как его глаза застилали слезы. Я нежно его поцеловал и одновременно ерзal по нему своей эрекцией.

– Я люблю тебя. Эндрю Лэндон, я влюблен в тебя. Люблю с того самого дня, когда, находясь у меня дома, я попросил тебя выбрать альбом, а ты из всей моей коллекции винила выбрал «Аллилуию» Джеффа Бакли. Я просто был не в состоянии сказать. До настоящего момента. Ты что-то во мне исцелил.

Из уголка его глаза выкатилась слезинка и сбежала до виска.

Я вновь его поцеловал, и в этот раз он приоткрыл рот. Он склонил голову и углубил поцелуй, пальцами вцеплялся в мою спину и елозил по мне бедрами. Он прервал поцелуй, чтоб отдышаться, и прикусил губу.

– Я где-то читал, что секс помогает избавиться от джетлага.

– Да неужели?

– Ага. Единственный способ – втрахать тебя в матрас.

Я засмеялся, но был счастлив подчиниться.

***

Избавив Эндрю от джетлага, несколько часов мы поспали, затем постирали, чистые вещи отвезли ко мне домой, а потом спустились в салон к Эмилио. Как только мы вошли в дверь, Эмилио прекратил дезинфекцию рабочего места и обнял меня.

– А вот и они!

– Дружище, рад тебя видеть, – сказал я. – Как дела?

Эмилио и Даниэла заперли салон, и он выдал мне всю информацию о происходившем в салоне. Мы заказали ужин, и Лола и Габ приехали одновременно с доставщиком китайской еды. Будто по сигналу.

Все было идеально.

Меня окружали самые важные в моей жизни люди, кроме Льюиса и Либби, и внимательно слушали мой рассказ о случившемся в Сиднее. Мы поужинали, разместившись в комнате ожидания у Эмилио, как всегда и делали. Только теперь рядом со мной сидел Эндрю, и наша маленькая компания идеально разбилась на пары.

– О, – взглянув на Эмилио, воскликнул я. – У Эндрю появилась идея насчет татуировки феникса–Арчи. Он считает, что вот эту нужно оставить, – я кивнул на дрозда на руке, – такой, какая она есть. Он сказал, она рассказывает свою собственную историю. Мне нравится.

– Замечательно. – Эмилио улыбнулся Эндрю. – Классная мысль.

– Я подумываю набить феникса на спине. Но мы можем разработать безупречный эскиз, никакой спешки.

Эмилио кивнул.

– Почту за честь его для тебя нарисовать.

– О, Эндрю, разве ты не должен был сделать эскиз для Спэнсера? –
поинтересовалась Даниэла.

– Да! – выкрикнул я. – Он считает, что практически закончил, или ему пришла в голову какая–то суровая идея, или что–то наподобие.

Эндрю откашлялся.

– Вообще–то, я закончил.

«*Он что?*».

– Закончил? Когда?

Эндрю слегка разрумянился и смущенно на меня посмотрел.

– В самолете. Не мог уснуть, и в салоне было темно, поэтому, несмотря на руководство по безопасности, достал ручку.

Я нашел бы это смешным, если бы не был столь заинтригован.

– Что ты нарисовал?

Он тяжело сглотнул, и уголок его губ опустился.

– Я... э–э... Рисунок у меня с собой. – Он достал кошелек и вытащил сложенный листок. – Надо бы его доделать как следует. Это всего лишь общая идея. Но ты хотел символизирующий тебя рисунок. То, о чем я думаю, когда вспоминаю о тебе.

Глубоко вздохнув, он протянул мне листок.

Это был слон. Он нарисовал его только ручкой, но использовал простецкий инструмент для письма в качестве кисти. Внутри слона был неразрывный узор из листьев и кругов, расцветка была синей, но различной насыщенности... Это было невероятно.

Должно быть, Эндрю принял мое молчание за огорчение, потому что начал нервно тараторить.

– Ты хотел, чтобы я нарисовал то, что приходит в голову при мыслях о тебе. И я... Не знаю. Может, это глупо...

Рисунок был потрясающим, но какое имел ко мне отношение, до меня так и не

дошло.

– Я напоминаю тебе слона?

– Да. Слоны ничего не забывают. Ты хочешь нечто такое, что символизировало бы твой путь до сегодняшнего момента твоей жизни. Ну, вот оно. Ты говорил, что никогда не забудешь о том, как с тобой поступила семья. Ты и не должен. Ты всегда должен об этом помнить. А еще ты должен помнить, насколько стал сильнее. А слоны – самые сильные животные, и они неординарные, но еще необыкновенно нежные и мирные. Это и о тебе.

Ох.

Он добавил:

– А листья означают смену времени года, течение времени и, разумеется, новый рост. Мне подумалось, подойдет.

Не укладывалось в голове, что он вложил в этот рисунок столько смысла. Я взгляделся получше в нечеткие круги из синих чернил. Это были не круги.

– Это музыкальные ноты?

– Первый такт «Аллилуи».

Сердце сжалось, оборвалось и рухнуло в пятки, и слезы наполнили мои глаза.

– Ох.

Казалось, он встревожился.

– Если тебе не нравится...

– Нравится? Он совершенен. Совершеннее быть просто–напросто не может. Никто никогда... Никто... – Говорить я не мог. И глупая слеза катилась по моей щеке. Я вытер лицо тыльной стороной ладони.

Эндрю пришел в ужас.

– Ты не должен был плакать.

Сквозь слезы я фыркнул.

– Все дело в идеальности. Абсолютной идеальности. – Я передал рисунок, чтобы и другие могли увидеть, и поцеловал Эндрю, не заботясь о том, что за нами наблюдали наши друзья. – Ты придумал цвета?

Эндрю скривил рожицу.

– Вот как раз с цветами я и не сумел определиться. Видишь ли, цвета и затенение первостепенны в моей работе, но для тебя я выбрать не смог. Мне хотелось основные цвета: красный, синий, зеленый. Потому что именно от них происходят остальные цвета. И именно об этом я думаю, когда вспоминаю о тебе. Базисные цвета и освещение... – Его слова превратились в бормотание.

«Базисные цвета и освещение».

Мой голос был густым и был наполнен непролитыми слезами.

– Ох.

Эндрю пожал плечами.

– Но основные цвета вряд ли подойдут для тату.

– Эмилио все сделает, – наконец–то обретя голос, произнес я.

Я посмотрел на Эмилио, но он изучал нарисованного ручкой слона.

– Да, конечно, – не отрывая глаз от листка, отозвался он. – Очень хорошо, – сказал Эмилио. – Очень–очень хорошо. Ты адаптировал его для татуировки как настоящий профи.

Эндрю раскраснелся.

– Это всего лишь черновой набросок. Я переделаю как полагается, если Спэнсер скажет, что хочет именно его.

– Хочу его, – указав на листок, категорично заявил я. – Сделай его красным, синим и зеленым.

– Но это всего лишь сделанный в самолете рисунок. – Эндрю глазел на меня, будто я выжил из ума. – Когда ты спал, я за тобой наблюдал. Знаю, это звучит жутковато. И

думал я лишь о том, как можно разглядеть настоящего человека, когда он находится в состоянии покоя. И это, наверно, звучит глупо.

– Вот почему я хочу именно этот рисунок, – ласково ответил я.

– Но он не идеален.

Я улыбнулся.

– Для меня идеален.

Эпилог

Два года спустя

Я повесил трубку и улыбнулся Хелен.

– Грандиозное открытие через восемь недель.

Мать Эндрю прислонилась к моему офисному столу и закрыла рот руками.

– Как же я тобой горжусь.

– В основном всем занимался Льюис. – Я отверг ее комплимент. Но через два месяца в Сиднее откроет свои двери «Фонд Арчера Коэна». В течение двух лет с момента нашего с Эндрю возвращения домой из Сиднея я постоянно был на связи с Льюисом и подкидывал ему идеи для проекта, который зажег в нем искру. Он очень тяжело воспринял потерю брата, и строительство фонда, приюта и безопасного места для представителей ЛГБТКИ-сообщества, было его проявлением скорби. Он не сумел помочь Арчи, когда тот нуждался, зато теперь сможет помочь другим людям. Может, это и материальное выражение вины, но явно позитивное.

Я помогал ему всем, чем только мог, как и Хелен. Она бесплатно предложила свою бизнес-модель, и всякий раз, как у него появлялись вопросы, он шел к нам. Наш отец, мягко выражаясь, не особо обрадовался этой авантюре. Но Льюис посмотрел ему прямо в глаза и заявил: если ему что-то не нравилось, тогда он потеряет своего единственного ребенка. О моем вкладе отцу известно не было, но Льюис сказал, что я буду обязан приехать на открытие. И я ни за что его не подвел бы.

– Пусть он нас увидит, – произнес Льюис. – С этим фондом он никак не связан. Вообще. – Льюис удостоверился, что именно так и было. – Это наши деньги и наш фонд. Он не имеет права его трогать. А когда он увидит, что в день открытия ты стоишь рядом со мной, надеюсь, это сожрет его заживо.

Я попробовал поспорить, что в таком случае его позиция в сети отелей «Атолл» окажется под угрозой, но Льюис был непоколебим.

– Есть вещи гораздо важнее, Спэнсер. Я знаю, где пролегает граница моей преданности. Именно там, где все это время должны были быть они.

От его слов в горле вырос ком.

– Я тобой горжусь, – сказал я ровно за секунду до того, как те же самые слова повторила мне мать Эндрю.

– Вам с Эндрю придется ехать, – проговорила Хелен. – Возьми несколько недель отпуска, проведи время с Льюисом. Попутешествуй, отдохни. Ты заслужил.

Я улыбнулся.

– Спасибо. Прежде чем соглашаться, я уточню, сможет ли Эндрю взять отпуск.

Я начал помогать Хелен в фонде «Акация», разыскивал находившихся в группе риска тинейджеров и молодых людей, подвергшихся насилию и дискриминации из-за сексуальной ориентации или гендерной принадлежности. Моя роль относилась к типу «офицер по связям». Дети могли выйти на связь со мной, а я – с ними. Оглядываясь назад, эта роль идеально мне подходила. Что началось как помочь по случаю, превратилось в работу с почти полной занятостью. Мои деньки в качестве «фиксатора отношений» были сочтены. Теперь четыре дня в неделю я проводил в фонде «Акация» и по-прежнему пару дней в неделю помогал Эмилио в салоне. Около года назад я перебрался к Эндрю, поэтому помочь была отличным оправданием потусоваться с Эмилио. До сих пор каждую неделю в обязательном порядке мы собирались за воскресным завтраком.

Может, стоило спросить Янни, вдруг он захочет стать приглашенным спикером на открытии в Сиднее? Он-то уж точно мог бы поручиться за успех такого фонда. Питер, без сомнений, поедет с ним: с первой встречи они были неразлучны. Их дружба переросла в

большее, чем просто любовь к немому кино. Для них это была долгая, двухлетняя дорога, но сейчас Янни разительно отличался от того паренька, что я когда–то встретил, называл себя *ухоженным твинком* Питера и превосходно им командовал. Питер потакал каждой его прихоти и любовно на него смотрел, но всем было ясно, что Янни его обожал. Янни его богочарил. Их отношения в стиле «дэдди–кинк²¹» были отработаны до совершенства, и я провозгласил их своей самой успешной историей… Ну, кроме нас с Эндрю, разумеется.

— О, а вот и Эндрю, — выдергивая меня из мечтательности, изрекла Хелен.

Ну, разве он не был отрадой для глаз? Господи, я мог бы им упиваться. Прошло уже два года, но стоило его увидеть, и всякий раз екало сердце.

Хелен хмыкнула.

— Знаешь, что мне больше всего в тебе нравится, Спэнсер?

Я оторвал взгляд от шедшего к нам Эндрю и посмотрел на нее. Это могло вывернуть куда угодно.

— Нет.

— Выражение твоего лица, когда ты видишь моего сына. То есть я очень рада, что он счастлив, и, безусловно, ты хорошо к нему относишься. Но когда он приходит сюда, и ты его замечаешь, все твое лицо изменяется. Будто внутри загорается свет.

Я охнула.

— При виде его у тебя захватывает дух.

Я прокашлялся.

— Да.

Хелен безмятежно вздохнула, и тут в дверном проеме появилась голова Эндрю.

— Можно войти?

— Конечно, — отозвалась его мать и любовно улыбнулась. Она грациозно поднялась и проскользнула к двери. — Я как раз говорила Спэнсеру, что меня восхищает то, как он на тебя смотрит.

Эндрю поджал губы и взглянул на меня с извиняющимся видом.

Я пожал плечами и покачал головой.

— Я не стесняюсь.

Хелен чмокнула Эндрю в щеку и испарилась в коридоре. Эндрю вошел и, подавшись ближе, поцеловал меня.

Я вдохнул его аромат. За два года моя любовь к его запаху совершенно не уменьшилась.

— И чем я обязан такому удовольствию?

Он прислонился задницей к столу.

— Что, мне нельзя заскочить на работу к своему бойфренду?

— Можно.

— Мне нужно было выполнить кое–какие поручения босса моего босса, и я находился всего в паре кварталов отсюда. Но остаться не могу. До окончания рабочего дня меня ждут обратно. Только хотел удостовериться, что планы на вечер все еще в силе.

Эндрю организовал вечеринку для всех наших знакомых в «Басовой линии» – относительно новом джаз–баре, который он очень любил. Это не было чем–то необычным. Он и раньше приглашал наших друзей выпить. Компания всегда была отличной, закуски – потрясающими, а музыка – сказочной.

— Даже не мечтаю находиться в другом месте.

— Хочешь, заберу тебя?

Я проверил время. Было немногим после четырех.

– Придется встретиться на месте. Ничего? Мне нужно еще несколько часов поработать, и будет быстрее, если я поеду прямиком туда. – Я опустил взгляд на свой наряд: черные брюки, серую рубашку на пуговицах и черные подтяжки. – Так сойдет?

– Ты всегда выглядишь превосходно.

Я ждал, пока он осмотрит меня сверху донизу. Он обожал, когда я носил подтяжки, хотя и не признавался, но глаза его выдавали. Большим пальцем я подцепил резинку и потянул.

– Если хочешь, могу устроить приватное шоу.

Он решил отделаться смешком и немного покраснел. Я ожидал замечания, но вместо этого он произнес:

– Позже.

Я простонал и одновременно засмеялся.

– Ты меня убиваешь. Как с такими мыслями в голове я должен работать?

Он хмыкнул.

– Да уж, и на этой ноте мне пора возвращаться, пока не... Ну, пока мы не организовали тебе неприятности на работе. – Он поднялся. – Увидимся вечером.

– О, пока не забыл. Только что я общался с Льюисом. Он спрашивал, сможем ли мы приехать через восемь недель на грандиозное открытие.

Ответ его прозвучал незамедлительно и от всего сердца.

– Ни за что не пропустим.

– Твоя мама предложила нам немного отдохнуть. – Я пожал плечами. – Узнай на работе, сможешь или нет.

– Узнаю. – Он прильнул ближе и вновь меня поцеловал. – И насчет вечера: не опаздывай. – И, улыбнувшись, он вышел.

***

Войдя в бар, я опаздывал примерно на полчаса. Внутри было довольно людно, и мне пришлось проталкиваться в дальнюю часть помещения, где, как мне было известно, должен был находиться Эндрю, – ближе всего к сцене и свинг-музыке.

Только вот его там не было. Он стоял возле бара с Эмилио, и я огороженno и вместе с тем увлеченно наблюдал, как они опрокидывали шоты. Ну, ладно. Это было непривычно. Эмилио похлопал Эндрю по плечу, и тут Эндрю заметил меня. Он что-то проговорил, я не разобрал, что именно, но Эмилио обернулся и, увидев меня, ухмыльнулся.

– Привет, Спэнсер! – крикнул он. – Давай я куплю тебе выпить.

Он заказал очередной раунд текилы, и до меня дошло: что-то явно происходило. Эмилио редко употреблял алкоголь и в последний раз пил текилу в день получения мной визы для постоянного проживания. После того вечера он поклялся, что больше никогда в жизни не станет ее пить. Поэтому определенно что-то было не так.

– Что за повод? – спросил я, а потом выпил шот.

Эндрю практически проглотил стопку, так что отвечать пришлось Эмилио.

– Пятница.

Боже. Алкогольное жжение прокатилось от головы до пальцев ног. Я выдохнул и сосредоточил взгляд на Эндрю. Он хохотнул и, казалось, был не в себе.

– Все нормально?

Он облизнул губы и быстро кивнул.

– Все замечательно. Только вот текила поганая.

Чтоб перекричать музыку, я подался ближе.

– Так зачем ты ее пьешь?

Нервно засмеявшись, Эндрю ответил:

– Идея принадлежала Эмилио.

Ясно. Совершенно точно что-то было не так.

Тогда–то я и окинул взглядом столики. Там были все. То есть вообще все. Его друзья, мои друзья, его родители. «*Какого хера?*».

Группа замолчала, и прежде чем я успел задать Эндрю вопрос, какого дьявола здесь творилось, вклинился бармен:

– Эй, приятель, что тебе принести?

Я повернулся к нему.

– Бутилированную воду. Две. – Я прикинул, раз уж Эндрю успел накидаться текилой, то вряд ли откажется от воды.

Я положил на стойку двадцатку, и тут в микрофон заговорила солистка группы:

– Дамы и господа, мы возьмем небольшой перерыв, но прежде чем уйти, хотим представить вам особенного гостя.

Теперь почти все посетители бара, и я в том числе, смотрели на сцену. И я увидел, как Эндрю шагал к даме возле микрофона.

Ладно, происходившее реально было несуразным.

В свете софитов было сложно разобрать, то ли из–за боязни сцены он стал бледно–зеленым, то ли из–за смущения раскраснелся. Похоже, его состояние было смесью и того, и другого. Потом он сел за фортепиано.

Напитки и сдача были позабыты. Я уставился на него. Какого черта он делал? Он терпеть не мог играть перед толпой. Терпеть не мог. Однажды он сравнил это с сожжением. Он поправил микрофон, и я заметил, как дрожали его руки.

– Х–м–м, – слишком громко протянул он, потом отклонился немного назад и начал заново. И прокашлялся. – Мне есть что... – Он опустил глаза в пол и что–то пробубнил, никто не смог разобрать ни слова. Микрофон издал пронзительный звук, и где–то в толпе люди начали смеяться.

Эндрю опустил руки на клавиши.

– Э–э...

Кто–то в толпе завопил:

– Может, сыграешь уже? Или так и будешь блеять в микрофон?

Я не успел сказать козлу закрыть на хрен пасть, потому что Эндрю заиграл первые такты «Полета шмеля», его пальцы изящно скользили по клавишам. Это было кодом пианиста для «эй, урод, захлопнись».

Зрители зааплодировали и захочотали, а Эндрю провел руками по волосам.

– Хм, Спэнсер?

Я и не осознавал, что сделал несколько шагов к сцене. Кажется, на танцполе был только я один. И на нас пялился весь бар.

Эндрю, чтобы сосредоточиться, сделал глубокий вдох, вновь опустил руки на клавиши и начал играть. За два проведенных вместе года Эндрю никогда мне ее не играл.

«Аллилуйю».

Я даже не знал, что Эндрю умел играть эту песню... И вдруг он запел.

Святая матерь божья, глубокий, напряженный и совершенный голос Эндрю был похож на ангельский. Абсолютно отличный от Джекфа Бакли, милый, хриплый и благоговейный. Он пел о священных аккордах и озадаченных королях, и красоте лунного света.

Я даже представить не мог, насколько ему должно было быть сложно. И тем не менее, он делал это для меня. Мое глупое сердце беспорядочно барабанило, а глупый мозг был не в состоянии принять увиденное.

Я обернулся и заметил Лолу и Эмилио, Габа и Даниэлу, все улыбались так, словно понимали суть происходившего. Они были в курсе, что он планировал играть для меня на фортепиано и петь?

Как раз в момент выхода музыкантов я вернулся взглядом к сцене. Присоединился

барабанщик, потом басы, и женщина начала подпевать Эндрю о мраморных арках и маршах победы, и вся группа играла песню так, словно они ее написали.

Крещендо было феноменальным, и я чувствовал, как ритм резонировал в моей груди. Но перед финальным припевом песня преобразилась в нечто другое. Это было попурри из песен, аудитория взревела, как вдруг музыка выровнялась в одну—единственную песню.

Я не был знаком с этой песней, хотя и знал, о чем она. Женщина душевно и прекрасно пела о чудесном вечере, что любовь – замечательная штука.

Эндрю поднялся из–за фортепиано и спустился со сцены. Смотрел он прямо на меня, и музыка затихла. Полнейшая тишина повисла в помещении, а затем наши друзья во главе с Эмилио и Лолой, и родителями Эндрю запели следующую строчку.

– Если б я мог, то абсолютно точно женился бы на тебе.

Обернувшись, я посмотрел на них, а потом вернулся взором к Эндрю и обнаружил, что он опустился передо мной на колено.

Я не имел ни малейшего понятия, продолжала ли группа играть. Я не знал, пели по–прежнему наши друзья или нет. Я не знал, что делала публика позади нас...

Я видел лишь Эндрю.

Он достал из кармана серебряное кольцо и протянул его мне на ладони. Он зашептал, а, может, и закричал сквозь шум, от которого отгородилось мое подсознание. Я по–прежнему не понимал.
Но слышал я его отлично.

– Спэнсер Коэн, если б существовал журнал «Единственный мужчина, с которым я хочу провести всю жизнь», ты был бы на обложке каждого издания. Всегда. Ты – все для меня. Ты заслуживаешь больше любви и счастья, чем я сумею тебе дать за одну жизнь, но мне хочется попытаться. Давай поженимся. Пожалуйста.

Я силился заговорить. Я силился не плакать. И провалился по обоим пунктам. «*Он хотел на мне жениться?*». Я умудрился лишь кивнуть.

Эндрю встал и набросился на меня с объятиями. Он спрятал лицо на моей шее, и нас резво окружило море обнимавших людей. Нас растащили в стороны, обнимали и поздравляли индивидуально, что было мило и всякое такое, но не в этих руках я хотел находиться. Я отлепил от себя Лолу и нашел Эндрю, которого смущал отец. Я похлопал Алана по плечу, прерывая этот танец из объятий, и дождался, пока он отойдет в сторонку.

Эндрю пристально на меня посмотрел и нервно выдохнул. Мой голос был полон непролитых слез.

– Ты сыграл «Аллилуйю».

– Я ее спел. Ничего ужаснее в жизни не делал. В восьмилетнем возрасте я сломал ногу. По вполне понятным причинам это было неприятно, но пение – явный победитель. Мне казалось, игры на рояле будет достаточно, но петь? Не могу поверить... Понятия не имею, о чем я думал, когда все это планировал.

Вот тут и нашлось объяснение шотам текилы. Я рассмеялся и притянул его в успокаивающие душу объятия. Прижатый ко мне Эндрю был лекарством. Он починил меня в тех смыслах, которых никогда не сможет понять.

– Ты думал, что это будет лучшее в мире предложение. И ты посрамил Джейффа Бакли.

Он улыбнулся мне в шею.

– Тебе понравилось?

– Я в восторге. – Я отстранился, обнял ладонями его лицо и нежно прижался к нему губами. Голова все еще кружилась. – Не могу поверить в то, что ты сделал. Ты реально хочешь, чтоб мы поженились?

– Больше всего на свете, – прошептал он, – я хочу звать тебя своим мужем.

От его искренности, его честности и ошеломляющей любви мои глаза наполнились слезами.

— Я люблю тебя, Эндрю. Если бы существовал журнал под названием «Единственный мужчина, с которым я хочу провести всю жизнь», я был бы на *каждой* обложке. Ты был бы на обложках лимитированных изданий. Знаешь, только для меня.

Какой же превосходной была его улыбка.

— Я хотел подготовить журнал под названием «Тот, на ком я мечтаю жениться» с тобой на обложке, но подумал, ты посчитаешь это тупостью.

Я засиял смехом.

— Было бы круто. Но ты, и сделанное тобой, — я махнул на сцену и наших друзей, — было идеально.

— Может, нам стоит сделать свадебные приглашения в виде обложек журналов? — поразмышлял он. Я не совсем понимал, шутил он или нет, но рядом с нами заверещала его мать.

— Какая шикарная идея!

Так оно и началось. Судя по всему, Хелен, Сара и Лола уже спланировали всю нашу свадьбу и остаток нашей жизни. Мне было плевать. Потому что в тот момент начала играть музыка. Этта Джеймс запела «Наконец–то!», а я медленно–медленно танцевал с Эндрю среди наших друзей и семьи. Я уткнулся лицом ему в шею, а он обнял меня крепче.

Душеподъемный голос Этты Джеймс наполнил мою грудь словами о том, что с одиночеством было покончено, и что жизнь превратилась в песню. Она пела о найденных мечтах и раях. И она была права, потому что я держал его в своих руках.

Наконец–то. И впрямь, наконец–то.

ФИНАЛ